

ВОКРУГ СВЕТА

МАЙ 1995

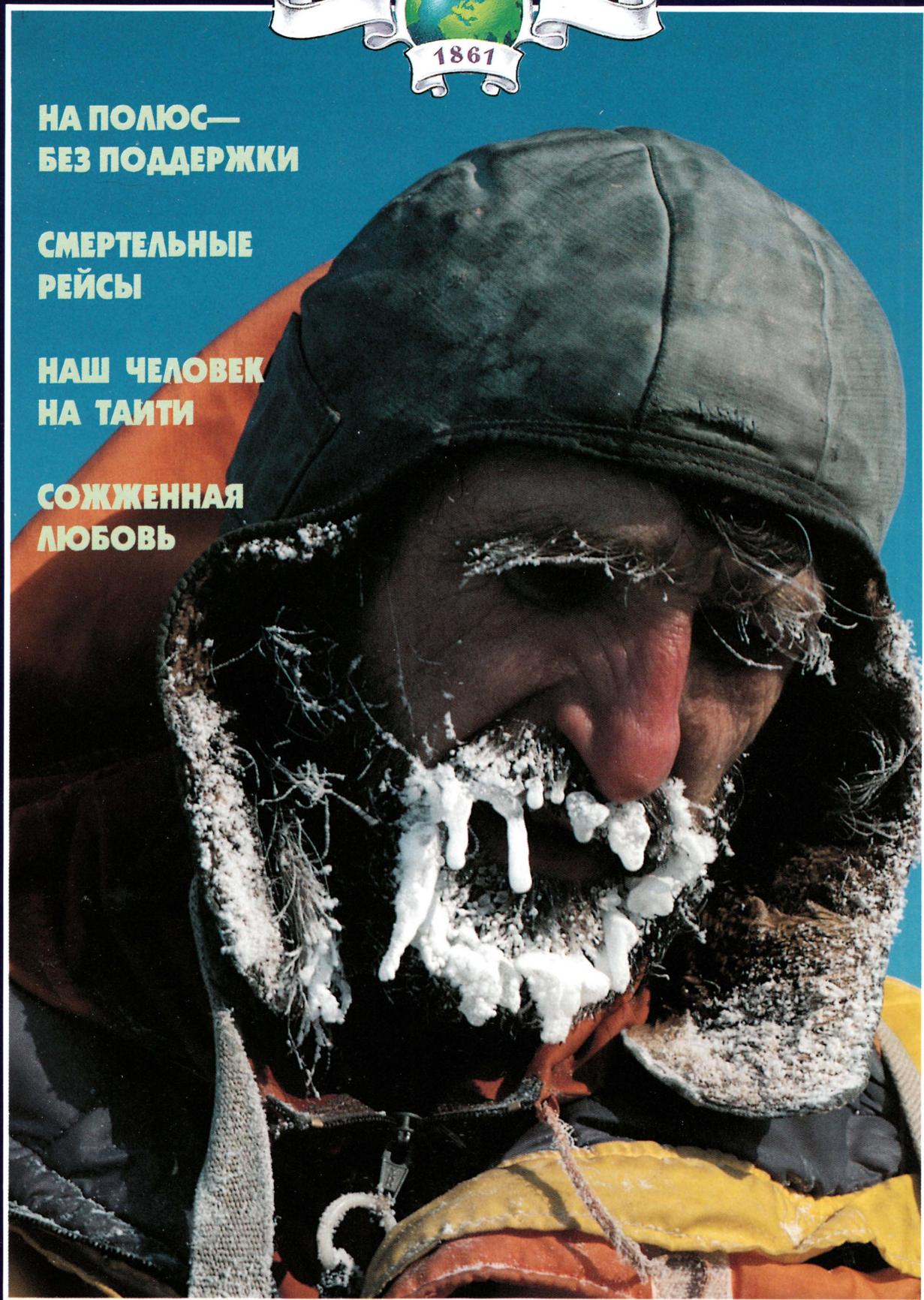

**НА ПОЛЮС—
БЕЗ ПОДДЕРЖКИ**

**СМЕРТЕЛЬНЫЕ
РЕЙСЫ**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
НА ТАИТИ**

**СОЖЖЕННАЯ
ЛЮБОВЬ**

ПУТЕШЕСТВИЯ • ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ФАНТАСТИКА

Ежемесячный
научно-художественный
журнал
путешествий,
приключений,
фантастики

"Vokrug sveta"
("Around The World")
The Travels,
Adventures and SF
Magazine
(Est. 1861)

Главный редактор
Александр Полещук

Заместитель главного редактора
Владимир Лебедев

Секретариат:
Николай Непомнящий
(ответственный секретарь)
Людмила Костюкова

Редакторы:
Лидия Чешкова
(ведущий редактор)
Игорь Алчев
Лариса Боброва
Лев Минц
Валерий Орлов
Надир Сафиев
Вера Семенова

Отдел "Адрес":
Юрий Мешков

Дизайн и верстка:
Владимир Бельтюков
(главный художник)
Ольга Бойко
Алексей Городецкий
Константин Янситов

Заведующая редакцией
Надежда Малиничева
285-89-38

Финансовая группа:
Валентина Зеленина
(главный бухгалтер)
Ирина Евдокимова
Евгения Чубуркова
285-88-09

Менеджер по распространению
Александр Ребрик
285-80-58

Операторы
компьютерного набора:
Марина Грязнова
Галина Пожидаева
Галина Штуль

Приемная. Справки:
Любовь Андреева
285-88-83

Приложение "Искатель":
Ответственный редактор
Евгений Кузьмин
285-88-84

Издательский дом
"Вокруг света":
Генеральный директор
Вячеслав Заверотов
285-89-36

Рекламное агентство
"Вокруг света":
Генеральный директор
Феликс Тамоян
285-80-79

Учредитель журнала:
трудоу коллектив
редакции

Издатель журнала:
Акционерное общество
"Редакция журнала "Вокруг
света"
Председатель
Совета директоров
Сергей Житнев

№5 МАЙ

VIA EST VITA

2

Владимир ЧУКОВ
СНОВА НА ПОЛЮС

78

Дэвид ЭТТЕНБОРО
ТОТ, КТО ПОСТРОИЛ КОВЧЕГ

50 ЛЕТ ПОБЕДЫ

6

Дмитрий ДЕМИН
КАЖДЫЙ РЕЙС — ПОСЛЕДНИЙ

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ АЛЬБОМ

14

О СТРАНАХ И НАРОДАХ

18

Вадим ДОБРОВ
ОСТРОВА ОБМАНУТЫХ НАДЕЖД,
ИЛИ ПОХОЖДЕНИЯ НЕЗАДАЧЛИВОГО БИЗНЕСМЕНА

24

Вл. РЯБКОВ
ВКУСНЫЙ МАЛЕНЬКИЙ БЭНДИ

56

Надир САФИЕВ
УЖИН НА МОНМАРТЕ

75

Валерий КАШИН
ВЕРНАЯ ИЛИ ОТВЕРЖЕННАЯ?

АДРЕС

28

НЕВЕДОМЫЕ ТРОПЫ

50

Р.ТЕДЕР
САМАЯ БОЛЬШАЯ ТРЕЩОТКА АФРИКИ

ПЕСТРЫЙ МИР

62

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ РОМАН

64

Деннис УИТЛИ
СОКРОВИЩА ЦАРЯ КАМБИЗА

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ
ОБЛОЖКИ:
РОССИЯ. Владимир Чуков —
руководитель группы
"Арктика".
Фотография
сделана во время
последнего тяжелейшего
перехода по дрейфующим
льдам Северного
Ледовитого океана —
к полюсу.
Они дошли до Полюса,
все восемь человек,
дошли на лыжах,
в автономном режиме,
то есть без помощи
извне.
В истории полярных
экспедиций такое
случилось впервые.

Фото
Виктора РУССКОГО,
участника экспедиции

Полная или частичная
перепечатка материалов —
только с согласия редакции

Редакция не всегда разделяет
точку зрения авторов
публикуемых материалов

Редакция, к сожалению, не имеет
возможности ответить каждому
корреспонденту письменно

Ответственность за содержание
публикуемой рекламы несут
рекламодатели

ISSN 0321-0669
Индекс издания 70142
по каталогу Федерального управления
почтовой связи.

Адрес редакции:
125015, Москва, А-15,
ул.Новодмитровская, 5а, 16 эт.
Телефакс (095) 285-09-30

5А, Novodmitrovskaya str.
Moscow, 125015, Russia
Tel. 285-88-83
Fax: 285-09-30
Advertising: 285-80-79

Свидетельство о регистрации
журнала № 929
от 13 ноября 1990 г.

Лицензия на издательскую
деятельность
ЛР № 040058 от 20 августа 1991 г.

Цена номера по подписке 3000 руб.
Номер подписан к печати 29.03.95

Цветоделение и печать:
Mannin Media Group Ltd,
Great Britain

Тираж 100 тыс. экз., в т.ч.
по подписке — 80916 экз.

Экспедирование тиража:
АО "Молодая гвардия"

Распространение:
АО "Агентство подписки и розницы"

17 мая 1994 года, в п е р в ы е в истории полярных экспедиций, команде лыжников удалось достигнуть Северного полюса на лыжах, в абсолютно автономном режиме, или, как это принято называть у альпинистов, — «в альпийском стиле». Весь путь был пройден без подлетов авиации, без пополнения запасов продовольствия или горючего, без замены снаряжения, а также без использования собачьих упряжек, мотосаней и прочих вспомогательных транспортных средств.

СНОВА НА ПОЛЮС

Дневник руководителя экспедиции

Это была группа «Арктика», которой вот уже второй десяток лет руководит заслуженный мастер спорта Владимир Чуков.

Предыдущие экспедиции «Арктики», в 1989 и 1990 годах, были лишь прелюдией к этой. Тогда до Полюса удалось прийти не всем... На этот раз все восемь участников экспедиции за 64 дня

нечеловеческого труда достигли цели, став первой командой в мире, дошедшей до вершины планеты без посторонней помощи. Это опытные лыжники Иван Федорович Ялин, Виктор Иванович Русский, Борис Дмитриевич Малышев, Валерий Андреевич Таякин, Виктор Владимирович Шарнин, Иван Иванович Кужеливский, Василий Васильевич Рыжков и Владимир Семенович Чуков.

Эти людям удалось то, что так и не смогли в свое время сделать известные английские путешественники Ронелф Файеннес и Майк Страуд, четвереды — в 1986, 1988, 1989 и 1990 годах —

предприимавшие попытки прийти до Полюса автономно. Не удалось это и троице норвежцам под командой Берга Оусланда.

Тогда, в 1990 году, Полюсадостигли только двое. Третьего участника пришлось эвакуировать из-за травмы. Весной 1992 года, спустя чуть больше месяца после старта, отказался продолжать путь третий участник канадско-российской полярной экспедиции. Вновь эвакуация. Через три месяца пути до Полюса доходят только двое: Ричард Вебер и Михаил Малахов.

Что же считать тем пределом человеческих возможностей в Арктике, чтобы можно было сказать:

«Все! Большого сделать невозможно. На большее человек просто не способен». И есть ли такой предел? Да и стоит ли загадывать? Ведь в 1994 году почти все полярные экспедиции замахивались на автономные трансарктические переходы. Фантастика!? Но так ли до этого далеко?

15 марта. Вчера наконец-то все собрались на о.Среднем. Команда наша, в полном смысле слова, сборная. Пятеро из Томска, двое из Москвы, один из Норильска, а базовый радист Василий Ленков из Нижнего Новгорода. И вдруг неожиданно встал вопрос о составе группы. Виктор Шарнин из Томска, предполагаемый руководитель базовой группы, на которого возлагалась огромная ответственность по обеспечению здесь, на земле, надежности наших тылов, вдруг попросился на маршрут. От такого поворота у меня все внутри похолодело...

Придя в себя, начал убеждать остальных в невозможности оставить на «базе» одного Ленкова, в необходимости делать перерасчеты продовольствия, топлива, перераспределять снаряжение и т.д. Томичи хмурые, говорит один только Иван Ялин, видимо, получивший все «дипломатические полномочия».

Оказывается, ребята все уже предусмотрели и сделали расчеты на оба варианта. Мой последний аргумент — Василий, наша «база». Но и с ним уже договорено. Он готов остаться на острове один для того, чтобы Виктор Владимирович мог идти вместе со всеми.

Семь или восемь? Велика ли разница в степени мобильности группы на маршруте? Вероятно, практически — никакой. Тем более что Виктор, пожалуй, один из наиболее хорошо физически подготовленных участников.

Решено! Идем восьмером. Ночь уже кончается. До вылета всего около 8 часов.

За полчаса до назначенного срока восемь упакованных саней по 100-110 кг и восемь рюкзаков стоят у занесенного снегом входа в летнюю гостиницу. Подкатывают вездеход и крытый грузовик — местное такси. Мешки, лыжи и какая-то мелочь забивают все объемы. Сани, подцепленные живописным двойным веером к тягачу, лихо мчатся к летному полю.

Около двух часов полета на вертолете — и мы касаемся колесами самой северной точки суши в архипелаге Северная Земля. Это мыс Арктический — точка старта почти всех по-

лярных экспедиций, если они начинаются от российских берегов.

В этом году мы вновь верны себе — выходим «замыкающими». 23 февраля отсюда стартовал японский путешественник-одиночка Мицура Обо, 2 марта — норвежец Берг Оусланд, 12 марта, перелетев через полярную километров за 40, пошла попытка счастья на полярном попроще пешеходная группа из Свердловска. Затея эта откровенно бесперспективная, но парни непреклонны в своем решении. Руководитель Николай Рундквист — «ярый лыжененавистник», как он сам называл себя, еще в Москве доказывал нам преимущества движения по льду пешком, причем не буксируя, а толкая сани, как детскую коляску, только на полозьях. Пересекутся ли наши пути с кем-нибудь из них?

И вот наконец 15 марта в 14.30 по местному времени стартуем и мы. Координаты точки старта N 81° 16' 22,4"; E 95° 35' 25,4". Морозный солнечный день, ветер встречный, северный. Благодаря этому полярная сомкнулась, сжав молодые льды. Ни прошедшая бессонная ночь, ни все волнения последних дней не могут погасить нашего возбуждения. Мы, наконец, на льду, на пути к цели.

16 — 17 марта. Движемся по мелко-восторощенным ледяным полям. Снега почти нет. Лед голый, лишь покрыт кристаллами соли. Для саней это плохо — удары при падениях с торосов слишком жесткие. Через пару часов движения замечаем, что за нами тянется желтый след — по следу наших саней. Кое-где это целые куски отколовшегося пластика. Больше других пострадали мои. Левый полоз проломился и начал выкрашиваться. Сказать по правде, такого от саней из углепластика с кевларом мы не ожидали. Без серьезного ремонта не обойтись. Несколько часов тратим на ремонт сразу же, но на следующий день — та же проблема.

В ход идут запасные лыжи. Безжалостно работаем ножовкой, режем «по живому» даже новые лыжи, а между тем Мукачевская фабрика уже прекратила их выпуск. В дело идет и моя запаска — «талисман», который

таскается за моими санями с 1986 года и дважды побывал на полюсе. Лыжи крепим вплотную к полозу, надежно закрепляем носок. Получается неплохо, но трение здорово возрастает. Мне приходится ставить второй полоз, чтобы избежать полной поломки.

Слишком поздно понимаем, что основная причина такой неудачи с санями — неверная загрузка. Пустоты, которые образовались с внутренней стороны полозьев, оказались самым слабым местом. Теперь загружаем более тщательно, но потерянного не вернуть. Без заметных повреждений осталось лишь трое саней. Самое драгоценное для нас теперь — сани. Приходится беречь их как зеницу ока. Ведь без них о Полюсе нечего и мечтать...

А за тонкой капроновой стенкой палатки, где мы занимаемся ремонтом, ледовый мир живет своей жизнью. Стоит хоть на мгновение забыть об этом, как скрежет льдин и завывание ветра возвращают тебя в реальность.

Впрочем, дело, похоже, принимает серьезный оборот. Зона активного торошения подошла вплотную к нашему лагерю. От льдины, которая еще совсем недавно казалась наиболее надежной в этом шевелящемся хаосе, осталась площадка размером 50 на 20 метров. Со всех сторон лед мелко перемолот, вздыблен свежими грядами торосов. С запада неотвратимо наползает полутораметровая стена льда, а перед ней, словно нож бульдозера, со зловещим скрежетом ползет гигантская льдина, срезая на своем пути все, что мешает ее движению.

Ближайшая преграда — наша палатка и все, что рядом с ней: санки, лыжи, рюкзаки. Ребята пока в палатке, приготовились обедать, но, похоже, не получатся. Если минут через 5-7 ничто не переменится в поведении океанской стихии, нашего лагеря может не стать.

Тревога! Срочно снимаем палатку, установленную на ледобурах, оттаскиваем в сторону на безопасное расстояние, хотя безопасность эта — понятие условное. Ситуация может измениться в любой момент, и не исключено, что в следующий раз спасение придется искать там, где сейчас все в движении.

Невольно всплывают в памяти картины ночного торошения в марте 1990-го в этих же местах во время предыдущей полюсной экспедиции. Правда, тогда события развивались гораздо драматичнее.

...Нашу мощную, трехметровой толщины льдину разорвало среди ночи, когда все спали. Трещина прошла под палаткой, спас от ледяного купания ее прочный капроновый пол. Пока выворачивали вмерзшие в лед ледобуры, палатку порвало. Парашютные стропы, опоясывающие ее, лопнули, словно бумажные шпагаты. Ничего толком не видя в кромешной

темноте, мы тщетно, по звукам торошения, наполнявшим все вокруг, пытались выбрать безопасное место.

Вслед за появлением трещины, с короткой паузой в несколько минут, началось торошение. Нашу «надежную» льдину раскромсало в куски, и лишь чудом можно было объяснить то, что потери наши ограничились 10-килограммовой упаковкой сухарей, несколькими пачками раскисшего в соленой воде сахара и одним ледобуром, который не успели вывернуть. Вымокшее снаряжение не в счет. Ведь, как потом выяснилось, многие не успели даже обуться, выскочив из спальника, и все это время работали на льду в легких синтепоновых чунях, которые хороши лишь для сна.

В этот раз все происходило днем, и мы могли реально оценивать опасность. Дежурные, а в этом году мы дежурируем по двое, спасли даже наш подоспевший обед, так что, наскоро установив палатку на новом месте, мы быстро с ним разделились и встали на лыжи.

Путь на север закрыт. Единственный выход — двигаться по краю разводьев и полосы торошения в северо-восточном направлении в надежде при первой возможности пересечь это гиблое место.

18 марта. Ночь прошла почти без сна. Да и о каком сне можно говорить, когда под тобой временами начинает дрожать и вибрировать лед! По несколько раз приходилось выбираться наружу и подолгу всматриваться в мрачные при зловещем лунном свете, шевелящиеся гряды...

Позже я узнал, что предусмотрительный Борис Дмитрич после моих недавних рассказов о ночных торошениях решил не искушать судьбу и спал, не снимая ботинок. В этом что-то есть. По крайней мере — гарантия того, что ботинки не потеряются.

Никогда бы раньше не поверил, несмотря на свой немалый опыт, что зимой в Арктике можно остаться без снега. Как это ни парадоксально, но нечто подобное мы испытываем с самого первого дня. Объясняется все очень просто. Уже много дней не выпадал снег, и по этой причине на молодом льду, по которому мы движемся в зоне заприпайной полыни, кроме кристаллов соли, ничего нет. Собирает снег, чтобы приготовить еду, приходится так же внимательно, как собирают грибы, только не с ножом, а с ложкой в руках. В дело идет лишь самый верхний слой небольших надувчиков снега, принесенного ветром откуда-то издалека.

Завтракаем. Дежурные все же утратили бдительность. Горячий рассол, даже если он с сахаром, и мучает жажда, пить невозможно.

Ледовая обстановка практически не изменилась. Единственно, что дает надежду — сильный дрейф к востоку. Должно же где-то все это уткнуться в

преграду и уплотниться. А пока продолжаем двигаться к северо-востоку вдоль широкой реки, забитой раздробленным льдом и ледяной кашей. Счастливы, когда удается перескочить на проплывающее мимо небольшое ледовое поле и по нему продвигаться к северу.

Почти все время приходится идти «челноком»: многометровые нагромождения льда удается преодолевать, лишь частично разгрузив санки.

Остановки все чаще и чаще. Торосы становятся выше, а обходы слишком тяжелые и затяжные. Пару раз попадаем в настоящие ледовые мешки, откуда возможен лишь один выход — назад.

Слева, в двух-трех метрах, буквально проносится куда-то на восток густое ледовое месиво. Справа, вплотную, подперли 5-6-метровые гряды торосов. С их вершин открывается картина совершенно бесперспективная. Должен же когда-нибудь этот ледовый поток остановиться! Как только это произойдет, отдельные его комья и ледяное крошево схватит морозом. Только тогда можно будет двинуться к северу.

Находим уютное место на обломке старой заснеженной льдины. Наконец-то вдоволь напьемся чаю. Наша площадка размером 15х30 метров со всех сторон окружена валами торосов. Сейчас, в лучах низкого вечернего солнца, эта картина завораживает. В три приема перетаскиваем всю свою «недвижимость» и устраиваемся на ночевку.

Высокая гряда торосов, отделяющая нас от воды, почти полностью гасит холодящие душу звуки, рождающиеся в ледовых жерновах. В палатке мирно гудят примуса, мерцает пламя свечи, настроивая на лирический лад. Мы чувствуем себя дома...

Неожиданно слышим знакомый звук волочащихся санок. После нескольких дней пути, я уверен, этот звук не спутаешь ни с чем. Хватаю ракетницу, висящую наготове на центральной опоре палатки, и выскакиваю наружу. Картина невероятная: медведь, пятясь, волочит сани, ухватив их зубами за верхнюю капроновую обшивку. До ближайших торосов ему уже «рукой подать».

Все выскакивают из палатки. Иван Иваныч, наш кинооператор, признал в саних свои, и после этого чувство оператора-профессионала его подвело. Вместо видеокамеры он тоже схватился за ракетницу.

От шума и переполоха, который мы устроили, медведь бросил сани и рванул в ближайшие торосы, но потом еще долго, поднимаясь на задних лапах, тянул носом в нашу сторону. При ярком лунном освещении на фоне затухающей зари кадры были великолепы.

Еще долго потом Иван Иваныч убивался, что упустил момент, да вдобавок и сани оказались не его, а Виктора Рус-

ского. Впредь, дал себе клятву, что бы ни происходило, в первую очередь — снималь.

На следующее утро рассмотрели следы мишки. Оказывается, он долго топтался в нашем лагере вокруг палатки, санок и рюкзаков, прежде чем сделал свой выбор. Похоже, он так и ночевал где-то по соседству, потому что утром нам снова пришлось отгонять его от лагеря.

20 — 21 марта. Постепенно втягиваемся в работу, привыкаем к новому, размеренному ритму жизни. Чувствую, что парни начинают мало-помалу ощущать разницу между просто Арктикой и Арктикой на дрейфующем льду. Правда, многолетний тундровый опыт нет-нет, да и выдаст: «Ничего, Семеныч! Ты же нас знаешь. Вот выйдем на поля — там рванем».

Пытаюсь объяснить, что главная наша задача не «рвануть» и не догнать или перегнать тех, кто впереди нас, а ровно идти вперед, рационально и экономно расходуя силы в течение дня, полноценно отдыхая ночью, а если предоставляется возможность, то и днем. Даже вспоминаю по этому случаю слова одного из полярных классиков: «главная добродетель полярника — уметь терпеть». Здесь, на льду, без умения ждать и терпеть действительно делать нечего.

Вечерние радиосеансы приносят интересную информацию о тех, кто движется к полюсу. По-прежнему впереди нас идет японец. После нескольких купаний он отказался от принципа автономности, но продолжает маршрут. Берг Оусланд делает все возможное, чтобы его догнать. Наши соотечественники где-то совсем рядом...

Кажется, зона заприпайной полыньи пройдена. Все чаще и чаще идем по многолетнему льду. Однако проще от этого дорога не становится. Нередко попадаем в настоящие «заросли» полутора-двухметровых торосов, слегка припорошенных мягким, уплотнившимся снегом. Он совершенно нас не держит, а сани превращаются в грейдеры.

Полозья из лыж здорово сдерживают движение. Если раньше сани свободно взбирались на препятствия, то теперь они то и дело утыкаются в преграды. Носки полозьев на моих санях безнадежно размочалены. Я вряд ли поверил бы, что такое можно сделать с «бескидами», если бы не сделал этого сам. Даже усиленные из металлической пластины продержалось всего три дня. Нужно искать какой-то выход. Если так пойдет дальше — нам никаких лыж не хватит, а впереди еще практически весь путь.

Решение находим достаточно оригинальное. В ход идет обычная штыковая лопата (большая саперная), ко-

торая почему-то оказалась среди лагерного снаряжения под названием «снеговая». Наш полярный «левша», он же кинооператор Иван Кужеливский, и Василий Рыжков делают невероятное: от лезвия лопаты отпиливают практически половину плоскости, отковыывают ее при помощи ледоруба по форме носовой части полоза саней и крепят болтами.

Теперь мои сани напоминают какой-то невероятный дорожно-строительный механизм, ими, кажется, можно утюжить любые торосы. Надеюсь ли их хватит?

22 марта. Вчера во второй половине дня вновь влетели в широкую полосу молодого льда. Казалось, что это все уже позади, однако для ночевки так и не смогли найти ничего более подходящего, чем слегка припоро-

Встретить следы на дрейфующем льду Северного Ледовитого океана — дело не совсем обычное. Конечно, приятно, что где-то рядом идут к Полюсу знакомые ребята. Еще приятнее, что мы их догоняем. Но вдруг мелькает совершенно дикая для нормального человека мысль. Ведь если мы встретимся на маршруте, нет никаких гарантий, что позже какой-нибудь теоретик в области полярных путешествий, сидя на диване, вновь, будто ненароком, не бросит в наш адрес — да их там обеспечивала еще одна группа и т.д. и т.п., в зависимости от богатства фантазии.

Парни соглашаются с моими опасениями. След идет чуть к западу. Видимо, ребята пытаются компенсировать восточный дрейф. Мы никогда направление дрейфа в расчет не берем и стараемся идти, если это позволяет ледовая обстановка, строго на

шенную снегом льдину. Толщина ее около 10 см; ледобуры при установке палатки, если вовремя не остановиться, проходят насквозь, и вода начинает бить фонтаном.

Хорошо, что дно палатки со свежей водонепроницаемой пропиткой, да еще два слоя пенополиуретановых ковриков. Иначе лежать бы нам всю ночь в луже, а так — лишь в густом «киселе».

В эту ночь повезло. Близких торосений или подвижек не было. Утром вокруг сказочно красиво: палатка, рюкзаки, лыжи — все покрыто гигантскими лопухами инея. Такое можно увидеть редко.

В середине дня наткнулись на следы свердловчан: глубокая кривая борозда от саней (если их можно так называть) и еще более глубокие следы упиравшихся гигантских ботинок. Похоже, ребята, а их тоже восемь человек, от нескольких санок уже избавились. Судя по следу, тащили они не более двух-трех.

север. На этот раз, несмотря на отличные ровные поля молодого льда, берем чуть к востоку.

Во время обеда, поднявшись на ближайшую гряду торосов, разглядели темную палатку свердловчан, стоящую в торосах километрах в полутора к северо-западу от нас.

После обеда берем еще больше к востоку, чтобы наверняка пройти мимо. Движемся быстро. Пожалуй, впервые за все время такие благоприятные условия для движения — ровный, слегка припорошенный снежной крупой молодой лед, неплохое скольжение. Идем ровно, плотной группой, то и дело поглядывая на запад, где время от времени появляются черные точки людей.

Похоже, нас-таки увидели, но мы уже поравнялись со свердловской группой, и можно брать курс на север. Вскоре входим в торосы, благополучно перебираемся через трещины и разводья.

Продолжение см. на стр. 44

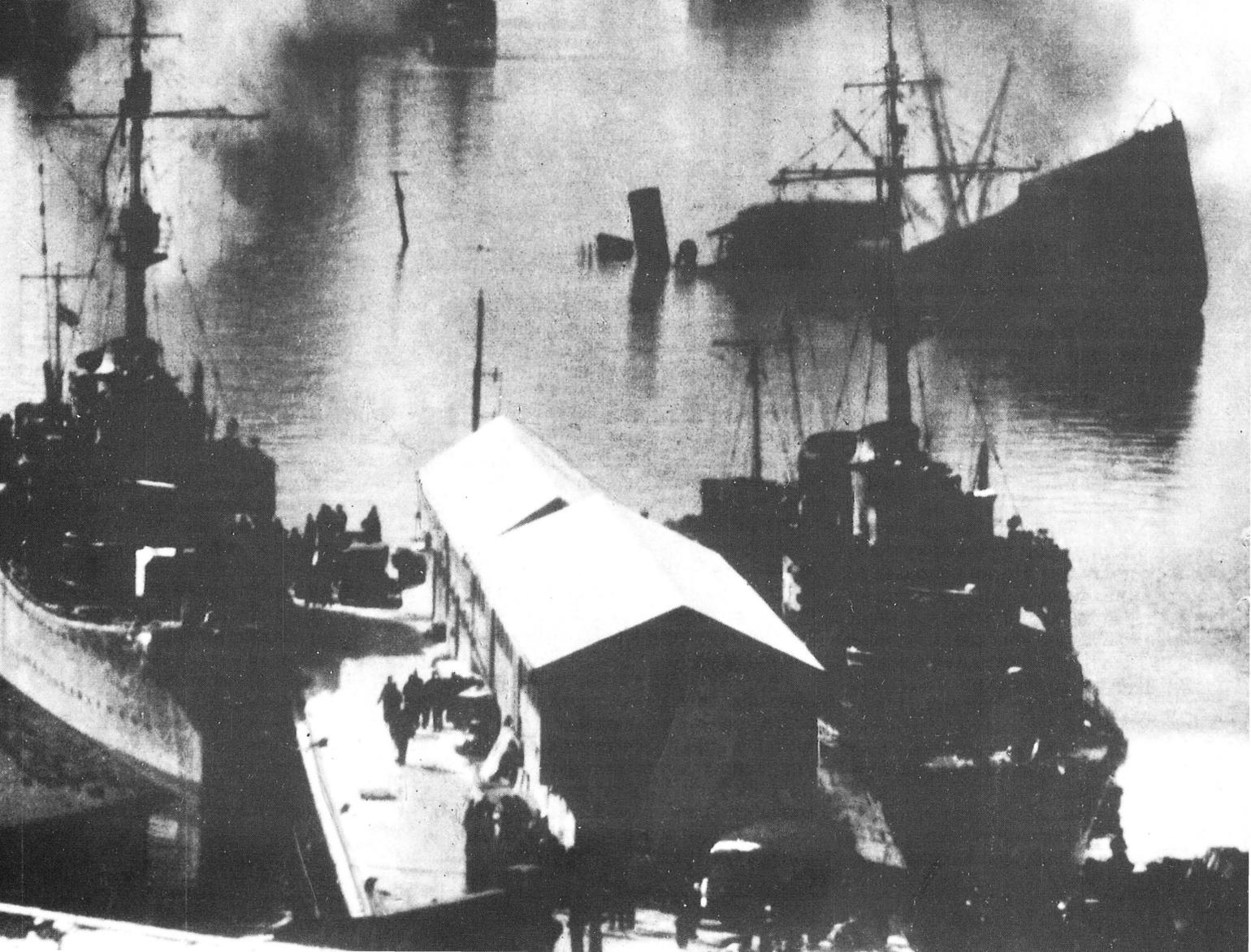
*Пятидесятый год мы празднуем нашу
Победу в Великой Отечественной войне.
Не одно поколение выросло за это время,
и каждому последующему поколению суждено
было знать о ней немного меньше,
чем предыдущему.*

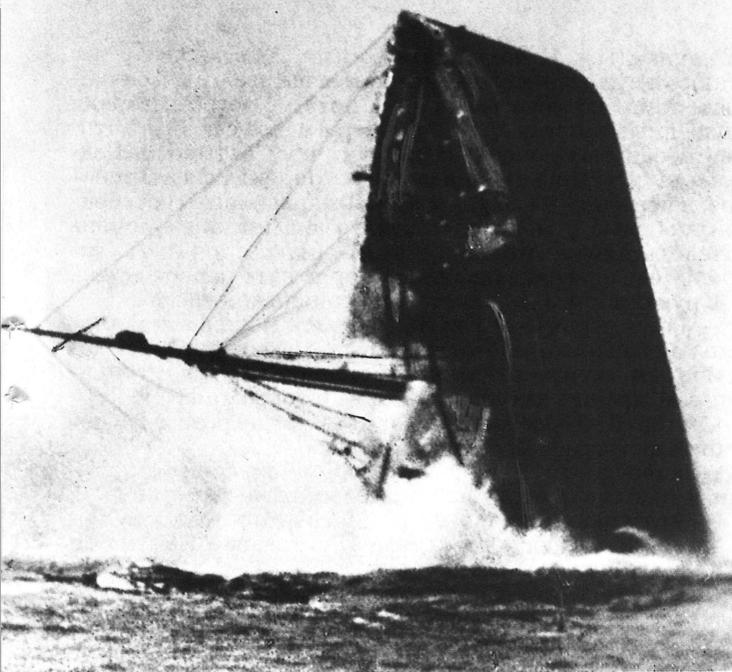
*Но, как бы годы ни отдаляли нас от конца войны,
какие бы перемены ни происходили
на нашей земле,
какие бы катаклизмы ни переживали мы,
этот день 9 Мая оставался святым для нас,
это — день вернувшейся с войны страны;
день благодарения тех,
кто добыл нашу победу;
день поминовения тех,
кто навечно остался на полях битвы.*

КАЖДЫЙ РЕЙС —

Дмитрий ДЕМИН

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МОРЯКА ТОРГОВОГО ФЛОТА

ПОСЛЕДНИЙ

Как и все мальчишки, в детстве я бредил морем. И вот одна история — не выдуманная — просто потрясла меня. Она была напечатана в журнале «Вокруг света». Этот затрепанный двенадцатый номер за 1946 год я храню и по сей день. В нем я прочитал о приключениях молодого штурмана Евгения Лепке, который оказался в океане один, на обломке танкера, потерпевшего бедствие в Тихом океане.

С тех пор прошло много лет. Эта история то забывалась, то снова вспоминалась. Жив ли он? Если жив, то как сложилась его судьба? Не отвернуло ли его от моря плавание на обломке судна...

Будучи уже кинодокументалистом, снимая фильмы о моряках и парусниках, я пытался напасть на след той давней трагедии. «Евгений Лепке? — переспрашивали в отделах кадров различных пароходств. — Нет, у нас не бывает...»

Как-то на Дальнем Востоке удалось, наконец, разыскать моряков, плававших с Лепке. «Лепке? В арктических конвоях мы с ним ходили. Веселый был парень, здоровый...» «Лепке? Ну да, помню, Женя Лепке. Мы с ним на «Ветлуге» из Штатов шли. Тяжелый был человек, неразговорчивый».

Спрашивал я о Лепке и в Керчи, и в Мурманске, и в Одессе. Один слышал, что Евгений Лепке погиб где-то в Атлантике, другой говорил, что Лепке утонул со всем экипажем возле самой Америки...

А потом произошло вот что. Снимали мы фильм о моряках торгового флота, плававших в войну в арктических конвоях, и в Калининграде, в пароходстве мне сказали:

— Да их почти не осталось, тех моряков, что в конвоях ходили. Но вам, кажется, повезло. Только что к причалу «Сормовский» подошел. Там капитаном — Евгений Николаевич Лепке. И в войну плавал, и тонул не раз. Правда, он не очень-то любит рассказывать об этом.

Услышав это имя, я не поверил своим ушам...

«Сормовский» стоял у причала. Капитан был на берегу.

— Посидите в кают-компани, подождите, — сказал вахтенный штурман.

Минут через пятнадцать дверь открылась, и в кают-компанию вошел капитан.

Невысокий, крепкий, стремительный — взгляд и фигура опытного боксера. Он крепко пожал руку, спросил, зачем мы здесь. Он чем-то был озабочен и, по-видимому, не склонен к длинному разговору.

— А-а... Конвой? Ну, это очень просто. — Капитан все думал о чем-то своем. — В море все ясно и понятно. И нет там того, что не может быть неясно и непонятно. А вот

после долгого пребывания в море человек попадает в такую обстановку на берегу, что не только рассказать, понять-то невозможно.

Вдруг капитан рассмеялся, и что-то удивительно знакомое появилось в его лице. Что? Это я понял потом.

— А, ладно... Правда, из меня плохой рассказчик... И нападения на конвой были настолько скоротечны, что, оказавшись в воде, не очень-то жаркой, почувствовал — вся память куда-то девалась. И не удивительно, что многие после таких происшествий попадали в психиатрическую больницу, ничего не помня о прошлом. Да и выглядели мы, когда нас вытаскивали из воды, прямо скажем, не как герои. И никто не спрашивал, хочешь ты или не хочешь идти потом в море. Просто направляли в отдел кадров — и кончено. И все тут. А в море размышлять некогда. Сутки заполнены вахтами, тревогами, наблюдением за воздухом, за горизонтом. А возникает опасность — бежишь к своему расчету, привязываешься к «эрликону» ремнями и все такое... И некогда думать, опасно или нет и не будет ли для тебя этот рейс последним. Вот, кажется, и все про конвой. А подробнее — заходите, вот адрес. — И он протянул визитку. — Недолго я буду на берегу. А вы в Москве разыщите Чудова Вадима Владимировича. Вот кто может рассказать. Замечательный парусный капитан. В войну ходил на торпедных катерах в тыл врага. У него и английские, и американские ордена, «Золотой Орел» за храбрость. Я был как-то в Москве, но не разыскал его. Времени было мало...

Капитана окружили береговые дела, стоянка оказалась короче, чем предполагалась, «Сормовский» ушел в рейс, и встреча наша отложилась.

Но за это время мне удалось разыскать капитана Чудова, командира торпедного катера, совершавшего невероятные по дерзости нападения на фашистские корабли. С его помощью я смог просмотреть и архивные материалы — рейсовые донесения, вахтенные журналы, приказы, распоряжения тех лет... 1942 год. И Тихий океан, и штормовая Атлантика, Карское и Баренцево моря, Карибское и Охотское — воспринимались в документах одним Военным океаном...

Арктический конвой. Как романтично, мужественно, прямо по-джеклондонски звучит. Но только им, морякам торгового флота и кораблям охранения, предстояло узнать, что скрывается за этим.

А как сказочно назовут свои боевые действия немцы — операция «Вундерланд» — «Страна Чудес».

Арктический конвой в «Стране Чудес»... А это значит — по приказу немецкого командования — «Днем, ночью, в шторм, в туман, во льдах, среди открытого океана, с неба, из-под воды, на воде — «Топить их всех!» А тех, кто спасается на шлюпке, на плоту, на обломке, — расстреливать в упор, подходить и не брать в плен никого, снижаться и расстреливать на бреющем полете. Топить их всех!

И теряли суда конвой. Из девятнадцати транспортов «PQ-13» погибло пять: из двадцати пяти судов «PQ-15» три ушли на дно. Конвой «PQ-16» атаковало сто восемь бомбардировщиков и торпедоносцев, и к исходу первого дня, 27 мая 1942 года, было потоплено шесть судов. В июле сорок второго произошло самое трагическое, самое мрачное конвойное сражение, «один из самых печальных эпизодов последней войны», по определению Уинстона Черчилля, — разгром каравана «PQ-17». 22 торговых судна из тридцати трех были потоплены. Две трети нужного для фронта груза пошло на дно — 123 тысячи тонн. Трагическим это сражение было еще и потому, что караван охраняло такое количество кораблей, какого никогда не было у конвоев, следовавших в Россию. Союзники уклонились от встречи с «Тирпицем» и «Адмиралом Шеером» — конвой был дан приказ отойти на запад, а каравану судов рассредоточиться и самостоятельно следовать в порты. Пароходы и люди стали беспомощными жертвами подводных лодок и торпедоносцев.

«Мама! Я проклинаю тот день, когда ты меня родила!» — кричал моряк с «Христофора Ньюпорта», прыгая в ледяную воду.

Больше трех недель наши военные корабли подбирали моряков с погибших судов в самых различных местах Баренцева моря...

«Конвой в Россию превращаются в привязанный у нас на шее камень!» — и Черчилль заявил Сталину о намерении прекратить отправку конвоев в северные порты России.

Шел июль сорок второго, события на фронте решали все. И все теперь зависело от того, будут ли идти суда с

военными грузами. Фронт не мог ждать! И Наркомату Морского флота был дан приказ — отправлять суда в оди-ночное плавание. И шли пароходы, падали в океан по «кап-ле»... Шли старенькие, допотопные, тихоходные — с высо-кими трубами, коптившими небо, с побитыми бортами, замазанными суриком и шарового цвета краской — цвета войны, — шли трудяги-пароходы. Шли из Скапа-Флоу, из Рейкьявика и Акурейри, из Нью-Йорка, Сан-Франциско, Сиднея — в Мурманск, в Архангельск, во Владивосток. Шли, чтобы разгрузить в порту трюмы и снова уйти, снова идти с востока на запад, с запада на восток.

Шли без огней, выбирали самые сложные пути — лед, шторм, туман.

Шли молча — весь океан стал теперь «зоной молчания». В эфир радист мог выйти только один раз — если тебя, твое судно топила вражеская лодка или топил вражеский само-лет. Только один раз мог дать в эфир радист координаты своего судна: «В такой-то точке вражеская подводная лод-ка». Или: «Даю координаты действия авиации противника. Они потопили нас. Все, кто меня слышит, уходите из этого района. Здесь враг».

Им не могли, не имели права, не должны были прихо-дить на помощь друзья — торговые моряки. И они знали об этом, и не помощи они просили — помогали друзьям, погибая. Помочь им могли только военные моряки — эс-минцы, сторожевики, торпедные катера, корветы охране-ния. Хорошо, если близко был берег, — а в открытом океане?..

«Зона молчания» поразила океан. Гнетущим молчание было на суше. Ничего не известно о судьбе моряка, порой всю войну. Они были торговые моряки, на них не прихо-дили воинские похоронки. Получают родные довольствие в пароходстве, — значит — ты живой! Им не присваивали воинских званий, и в военных билетах тех, кто вернулся домой, долго еще будет стоять: «в войне не участвовал».

Больше нет пароходов, возивших военные грузы. Мало осталось и моряков, ходивших в арктических конвоях и одиночных «капельных» рейсах. И самой первой «каплей» был старый пароход «Фридрих Энгельс». И рулевым на нем — двадцатидвухлетний Евгений Лепке.

С капитаном Лепке снова мы увиделись в Калининграде лишь пять лет спустя. Теперь он больше не плавал, работал где-то на берегу, а где, так и не сказал. Позвонив ему прямо из аэропорта, я сразу же поехал к нему домой.

— Сейчас я разыщу фотографии «Веги», — кричит ка-питан Лепке из другой комнаты, — тут сам черт ногу сло-мит, неразбериха такая...

Дом у капитана удивительный. На полках — карты, морские книги, каравеллы. Все двери в квартире он сам разрисовал летящими клипперами, высокими фрегатами, штормовыми волнами и парящими в облаках альбатросами... Он сам и рисует, и мастерит. И кинолюбитель, и за-писывает на магнитофон пиратские песни...

На стене — огромный портрет Джека Лондона работы юного Женьки Лепке. Глядя на портрет и на хозяина дома, я поражаюсь их сходству. Так вот почему лицо капитана показалось мне при первой встрече знакомым...

— С него все и началось, — смеется капитан и удобно усаживается в кресло с альбомами в руках. — Джек Лондон виноват во всех моих приключениях... В детстве я был страшно упрямый и ни за что не хотел учиться. А чтоб читать, так для меня это гроб был. Читать я терпеть не мог. И вот как-то отец принес домой книжку и стал мне читать. «Мичман Иззи» называлась она. Читает он этого «Иззи», а мне настолько интересно, что я его только и тороплю: «А что дальше? Что дальше?» «А дальше читай сам!» И отдает мне книгу. Не поверите — за две недели я выучился читать. А потом и пошло... В двадцать девятом году отец выписал полное собрание сочинений Джека Лондона, знаете, было такое приложение к жур-налу «Всемирный следопыт». Ночей не спал, пока не прочитал все от корки до корки. И когда под утро засы-пал — все мне снились паруса в море и патруль в Мекси-канском заливе.

Там еще в первом томе портрет Джека Лондона был. Так я его срисовал, хотя какой из меня рисовальщик... Но до сих пор храню.

И вот с тех пор я «заболел». В море хочу, и все. И весь разговор. В тридцать шестом году сдал экзамены в Ле-нинградский институт инженеров водного транспорта на судоводительский факультет. Ну и каждый год, как было? Кончается сессия, идем в Балтийское пароходст-

во наниматься. И ходили матросами. Два месяца у нас каникулы, да еще прихватывали месяца два-три. Получа-лось, почти полгода плавали. А потом быстро нагоняли упущенные занятия. С раннего утра, часов с шести, а то и с пяти, занимали очередь в библиотеку Салтыкова-Щед-рина, ну и за месяц-два нагоняли. Мореходная астроно-мия, навигация — все это мне очень нравилось. И особен-ной любовью у меня пользовался английский — очень хотелось Джека Лондона в подлиннике прочитать. Зи-мой в Неве плавал, закалялся. Моряку это первое дело...

В руках капитана фотография старенькой «Веги».

— Вот в первый-то раз мы вышли в море на этой ста-ренькой баркентине. Это великое дело — паруса! Все де-лаешь сам, своими руками — и ставишь паруса, и убира-ешь сам, Драишь палубу, стоишь за штурвалом...

Сеттер Джолли любит, когда капитан разглядывает старые фотографии, обнюхивает их.

— И тебе хочется в море, Джолли? — спрашивает капи-тан, и Джолли смотрит на хозяина умными глазами.

— Это у меня Джолли-второй. Первого я подобрал ще-ночком в порту, когда мы стояли в Рейкьявике. Но это уже другая история. Потом...

Все будет потом. А пока — неизменное, веселое и сча-сливое, застывшее время размером 9x12. Женя Лепке с ослепительной улыбкой — курсант высшей мореходки. На груди — тельняшка, на плечах — спасательный круг с «Веги», и мир его — синий и необъятный, распахнутый всем ветрам, как стиранная-перестиранная матросская тельняшка.

Прошли пять курсов учебы, и в сорок первом, в мае месяце, он получил направление в Мурманск на послед-нюю преддипломную практику.

— Десятого или пятнадцатого мая это было. Пришел я в отдел кадров Мурманского пароходства, а начальником, как сейчас помню, был Глазычев. Посмотрел он на меня как-то сбоку и определил на пароход «Спартак».

Прихожу я на судно, а капитан мне говорит:

— Мне матросы не нужны. Мне нужен третий штурман. Даже не третий. Третьего я в море выучу. А вот второй нужен позарез. Пойдешь вторым штурманом.

— Ну, мне же еще лучше, — только и сказал я.

Пошли... Хорошо было идти вдоль побережья. Солнце, ветерок прохладный — в июне на Севере благодать... Под-ходим к Иоканьге. 22 июня 1941. Разворачиваемся, холмы у нас уже по правую руку. И вдруг из-за гор, из-за этих черных холмов выскакивает самолет. Идет прямо на нас. И обстрелял. Против солнца-то не видно, что за самолет, ну, черт тебя дери, обалдели все. Еще такая дурацкая мысль пришла — не наш ли тут самолет ерундой занима-ется, маневрирует да холостыми по цели метит. Чего от одури не подумаешь! А ушел он за корму, тут-то и разгля-дели мы черную свастику. И радист на мостик прибегает:

— Война!

Сначала на фронт просились всей командой — как же, идет война, а мы здесь. А на фронт не пускают, говорят: «Здесь будете нужны». Но тут вскоре пришел приказ — треть команды оставить на судне, остальным срочно при-быть в Мурманск. Так я и попал на пароход «Фридрих Энгельс».

Чем отличался этот первый одиночный рейс «Фридри-ха Энгельса»? Трудно сейчас сказать. Да мы и не знали, что это первый такой рейс. И какая разница — первый он или не первый? Опытом не поделишься. Самому надо через все это пройти. А в конвоях разве не опаснее было? Конечно, чего греха таить, шансы на проход были маленькие. Но и разговоров о том, что может впереди случиться, не было. Американцы заходили, вздыхали: «Там тяжело, там лод-ки, самолеты немецкие...» И так далее. А знает, ждали. Больше всего ждали — поскорее бы уйти. Вот эта неизве-стность, ожидание чего-то — это хуже всего. Токарь наш, Костя Краснокутский, бурчал все: «Как к зубному врачу очереди ждешь...» Шутить шутили, да шутки-то выходили все плоские, деревянные.

К рейсу все было готово. Теплоход покрасили в белый цвет, чтобы у льдов укрыться, в тумане незаметнее быть. Две пушки поставили, шесть «зрликонов», да еще нам со-юзники глубинных бомб подбросили. Ладно, хорошо. Все-таки поспокойнее идти. Сначала в порту, в Рейкьявике, стояли, а уж не помню, восьмого или девятого августа перебрались в фиорды. И к вечеру, темнеть уже стало, вышли из фиорда в море. Союзные суда провожают, гу-дят, моряки кричат, руками машут — в другое время по-

радовались бы такому торжеству. А тут — потише бы, без шума лучше бы было — в Исландии агентура немецкая здорово работала.

Пошли. Сначала нас корвет английский сопровождал, а уж через два дня вошли во льды, в туман — там и потеряли его из вида... Капитан опытный был. Касьянчук. Кирилл Васильевич. Сразу приказ был дан строгий — никаких работ на палубе, никакого шума. Все внимание за горизонтом да воздухом. Когда тихая погода — настроение самое паршивое. Солнце светит, вода гладкая — нам это ни к чему. Уходим севернее, поближе к кромке льда. Ну, а если шторм — для нас самое подходящее. И поспать можно, и с мыслями собраться, да и нервы успокоить. Вот, пожалуй, и отличие от обычных рейсов. Плохая погода для нас теперь самая что ни на есть хорошая.

И вот уж неделя прошла. Земля где-то близко, стайки уток потянулись, туман легкий. Вот из тумана-то он и появился. Немец, сторожевик.

И тут вроде бы все напряжение как рукой сняло. Боевая тревога, все по своим номерам, по расчетам. Я — у «эрликона». Ну, уж привыкли, что этого не избежать, так чего паниковать-то? Паниковать — это уж, считай, человек погибший. А пока ты живой — ты лучше своим делом занимайся. Сторожик развернулся и носом пошел на нас. Капитан Касьянчук предпринял ответный маневр — развернулись так, чтобы стрелять из кормового орудия. В бинокль хорошо, да и без бинокля видно — у них все артиллерийские расчеты на «товсь». Так вот и идем с нацеленными орудиями. Черт его знает, почему они сразу стрелять не стали. Капитан говорил потом, что у них усиленный радиообмен был. Наш радист слушал их станции, но шифровок не разобрал. Инструкции, что ли, они запрашивали? А тут полоса тумана сильного. Мы в эту полосу. Прошли, сделали несколько маневров, машину застопорили и затаились. Радара, видно, у них не было. Полчаса постояли, потом врубили машину и пошли самым малым. Часов через шесть выходим из тумана — горизонт чистый...

Так что и у «капель» свои преимущества были — каравану-то трудно спрятаться. А в Карском море уж и дом почувствовали, Диксон недалеко. Пришли двадцать четвертого, груз сдали. А за нами и другие «капли» стали подходить...

Откуда-то возник Джолли, уселся у ног хозяина, тряхнул ушами, словно собрался тоже послушать.

Капитан не забыл рассказать про Джолли-первого. Подобрал он его в Рейкьявике перед уходом в рейс. Вышел рано утром на берег, кругом ни души, дождь сыплет, а он, ценочек беспризорный, у трапа сидит, весь трясется и поскучивает. Ну и взял его на пароход, накормил, принес в каюту, и он свернулся в клубок, уснул. Жалко стало на улицу его снова выбрасывать. Вышли в море, и Лепке забеспокоился: представил, как он в воде барахтается, тонет. «Ему-то, подумал он, за что? Лучше бы в порту бегал». Пришли в порт, и Лепке сразу же отдал его кому-то на берегу. Нечего ему в море делать...

После войны, уже на других судах, многие брали с собой в море собак. Евгений Николаевич — никогда. И только теперь, когда он больше не ходит в море, завел этого сеттера. И тоже Джолли.

— Так вы говорите, что все эти годы искали меня, чтобы услышать о моих приключениях? — смеялся капитан Лепке. — Хорошо. Расскажу все как было. Только невеселый получится рассказ.

— Это уже на «Игарке» было. Команда часто менялась. Пока судно разгружается, часть экипажа перебрасывают на другое судно, и снова в море.

На «Фридрихе Энгельсе» я сделал еще рейс, в Америку, а потом попал на «Игарку». Тоже старый пароход. Мне не везло на суда, почему-то все старые попадались. Не получал я хороших рейсов никогда... Ну, и опять, в туман, в шторм, к кромке льда. «Игарка» уже в конвое шла, снова конвой возобновились. Идешь, а скоростенки-то нет, отстаешь. Ход-то какой был? Ели ползли и часто отставали от каравана. Хорошо, если другой следом шел. Тогда пристраивались к нему. И шли. Сначала подошли к Новой Земле, потом держали курс на остров Надежды и по кромке льда к острову Медвежьему, обычно севернее Медвежку обходили. Зимой, конечно, южнее... Налетят эти «юнkersы», торпедоносцы немецкие, и летят между

рядами, торпеды сбрасывают. И так нахально летали, так низко, что и стрелять-то нельзя — в свой корабль попадешь. В вообще-то, когда подводили нас к Медвежке, англичане часто бросали суда. Идите сами в свои порты — и все. И весь разговор. Все охранение канчалось. Это только один «PQ-17» описан, а они и раньше нас бросали...

И вот дошли мы до Медвежки... Знаете, и тогда это трудно было объяснить, а теперь и подавно. Но вот было какое-то предчувствие. Еще с вечера. И чай почему-то пили молча. И спать пошли — и не спалось. Вот что-то должно случится, и не ложится — выйдешь из кубрика на палубу, покуришь, помотришь на небо черное и на море — что-то не то. Не объяснить... День прошел тихо, а к вечеру нас торпедировали. Подлодка. Я даже сообразить-то ничего не успел и взрыва словно не слышал, удара не почувствовал, а уж был в воде. К ледяной воде привычка была, не зря, видно, зимним плаванием в Ленинграде занимался. Только дыхание враз перехватило, и все соображение отшибло — кто ты? откуда? что было? — ничего понять не могу. Держусь, болтаюсь, обломки какие-то вокруг, и тут плот из-за волны. А плоты какие были? Четыре бочки металлические да каркас из досок. Ну, и там ремни, чтобы схватиться можно было. Подплыл я к этому плоту. Не надо, наверное, говорить об этом. Рехнулся, что ли, он черт?... Я вот вам говорил — есть подледы — но мне не верится, что нормальные люди на такое пойдут...

Подплыл я к плоту, а там один товарищ наш, значит, подобием весла, доской здоровенной отгонял всех остальных, кто к ремням тянулся. Бил доской по головам что есть мочи. Ну, чтоб ему спастись, а остальные... Молча бил, сам на коленях, и плашмя этой доской, со всей силой, по лицам, по рукам, скотина... Отплыл я — не хватало еще, чтобы своей добил.

Стемнело. Вода такая холодная, что и холода уже не чувствуешь...

— А это был первый случай, когда потопили ваш корабль?

— Когда судно потопили — первый. Но до этого я уже два раза в воде побывал. Это когда мы в конвоях шли, раньше еще. Оба раза от взрыва бомбы. Один раз так качнуло, что смыло волной. А другой раз воздушной, взрывной волной с мостика выбросило. Тогда сильно ушибся, лежал, вахту за меня другие стояли. Мне почему-то всю жизнь не везло... Первый раз меня наши подняли, круг спасательный бросили. А второй — корветы охранения подобрали. Нас там много в воде оказалось — рядом потопили транспорт. И тогда мне здорово врезалась в память одна деталь. Корветы вылавливали людей по способу близнецового трала. Этот способ я потом, когда в рыбкиной конторе ходил, узнал. Узнал, что он близнецовый называется. Так рыбу ловят — два судна тянут между собой сеть. Так и нас тянули. И вот я, чтобы не попасть в общую кучу живых и мертвых тел, нырнул под сеть и схватился за нее с наружной стороны. А многие попавшие внутрь сети захлебывались раньше, чем их оттуда вытаскивали.

Так было в конвое. А тут я остался совершенно один. Тех, что за плот цеплялись, разнесло в разные стороны. Может, зацепились за что-нибудь или утонули, не знаю. Темно, волны, никого и ничего не видно. Ну, думаю, конец скоро. Долго не протянешь. Надежды на спасение никакой, никто тебя не поднимет. Тем более ночью. Бессмыслица полная. Это никто не расскажет, никто не опишет. Ни страха, ни отчаяния, ни надежды... Да я думаю, что в таком состоянии и не человек уже в воде болтается, а что это такое, черт его знает... И сколько времени прошло — час? два? — я и не знаю, только совсем темно. И вдруг поднимает меня волной, и голова моя утыкается во что-то мягкое, плавучее. А руки совсем окоченели — пальцами пошевелить, зацепиться за это мягкое никак не могу. Так я словно какими-то другими руками, точнее, усилием какого-то механизма, который у меня внутри появился, — я вот свои руки, как доски, на это мягкое и закинул. Вылез кое-как, когда это мягкое на волне вниз пошло, а я оказался повыше. Вылез, отдышался — оказалось, что я только сейчас и дышать-то начал, а так в воде и не дышал вовсе. Разобрался что к чему. Оказалось, я на надувном плоту с капшоном. Шведский — тогда на шведских судах такие плоты были. Его, видимо, сорвало и смыло во время шторма с судна, которое шло в караване. И вот он, попав в воду, раскрылся. А когда плот раскрывается — там лампочка зажигается, сигнальная, аварийная — включается под

действием воды. Обычно лампочка на 72 часа выведена, а шторм недавно прошел, срок не вышел — она и горит.

Подвигался, руки отошли немного. Хорошо, просто хорошо. Шарить там начал, одеяло нашел. Грубое такое, шерстяное. Грелки химические попались. Они градусов до 50-60 разогреваются, когда вода внутрь попадает. Не сразу, конечно, но разогреваются. Ночь под одеялом да с грелками в каком-то забытии провел, а утром, только светать стало, все и разглядел. Таблетки нашел — там дробный орех грецкий, изюм, еще что-то, в таблетках этих. Шоколад был, вода консервированная, несколько банок. Все это трехдневный запас на шесть или восемь человек. Жить можно. Подкрепился, полегче стало, уже соображать начал. Размышлять — где и что, куда ветер, в каком направлении несет. Капюшон, он как парус работает. Что-то даже в уме вычислять начал. А какой день сегодня? Вспомнил.

Да-а. 19 июня. День моего рождения...

И вот, представляете, там, в этом районе для утопленников еще 12 бутылочек было. Ну, может, граммов по 150 или 200, плоских таких бутылочек с виски. И еще зеркальце сигнальное, чтобы кораблю-спасателю какой знак солнцем подать. Гелиограф, словом. И смотрю от нечего делать в зеркальце это. Морда, конечно, противная, опухшая, обросшая, а в этом гелиографе выпуклом, представляете, она какая? Ну, ничего... И вот я, значит, отворачиваю пробочку, наливаю виски в банку из-под воды, смотрю в это дело, в гелиограф, чокаюсь с ним, с самим собой, значит. «Ну, — говорю, — Евгений Николаевич, с днем рождения тебя! Что там дальше будет — не знаю — а рождение надо отметить, хоть и не в очень приятной компании». Ладно. Выпил одну бутылочку, потом другую, третью... Так, в обычное-то время, ерунда. А тут от слабости, что ли, от передраг этих или от чего еще, не знаю, только так окосел, что уж дальше деваться некуда. И закусил вроде бы хорошо, а не подумал, что так оно на меня подействует. И вот лежу уже в каком-то полуобморочном состоянии... Ну, а как пьяный может себя чувствовать? Он ни на что же не способен! Вот я такой и был, когда услышал шум дизелей. Сколько времени прошло? Что? Как? Или все мне это приснилось? Ничего понять не могу: то работают дизели, то куда-то пропадают. Потом вроде речь какую-то слышу. Сверху откуда-то кричит кто-то: «Лук раунд? Ху из зет?» «Посмотри, есть кто там?» «Кто-то есть. Какой-то парень». «Он как? Живой?» Другой говорит, уже близко совсем: «Нет, мертвый. Похоже, мертвый».

Тогда я, наверно, сообразил, что это я мертвый, сдвинулся как-то...

Не помню уже, как я оказался на палубе этого английского корвета. Первое, что понял — это смешок какой-то. Открыл глаза — и такой грянул тут грохот. Моряки вокруг за животы хватаются. Конечно, физиономия у пьяного, тем более, который совсем ничего не соображает, видимо, очень смешной была. Да еще и нашлась-то она среди пустынного океана. Все хохотали: «Пьяный. Живой, но пьяный. Как на дне ада...» Что-то в этом роде.

Куда-то меня положили, куда-то я лег. Сколько я там спал, не знаю, только расталкивают: «Ты живой?» «Живой». «Командир тебя хочет видеть». «А что это за судно?» — спрашиваю. — «Корвет дежурный по району», — отвечают.

Приводят к командиру.

— Кто ты и откуда?

— Я — русский. Моряк с «Игарки».

— «Игарка?» — говорит. — Ага, хорошо. Но ты оказался не на советскому плоту, а на шведском. А шведское судно, которому принадлежит плот, давно в России. А как ты добыл этот плот, парень, вот что самое интересное. Так ты, парень, что-то не то говоришь. Ты лучше правду скажи — с какого ты парохода и кто тебя на плот подсунул на пути следования нашего конвоя? Конвой будет идти с запада, а ты тут его как раз и поджидаешь. Что у тебя на плоту было? Какие сигналы и кому ты подавал? И рацию куда дел? Утопил? Ведь ты не просто так сидел, ты подавал подводным лодкам сигналы.

Как я ему мог доказать, что не диверсант я и никаких сигналов не подавал?

— Русский, — твержу, — русский, матрос с «Игарки». Шли в конвое, торпедировали нас.

— Русский? — переспрашивает он меня. — Матрос? Русских я давно знаю и еще не встречал ни одного русско-

го матроса, чтобы он так бегло по-английски говорил. Тебя, парень, расстрелять надо.

Вызывает командир корвета еще кого-то, отошли в сторону и о чем-то тихо так разговаривают. Ну, думаю, Евгений Николаевич, а теперь тебе и подарок ко дню рождения будет. В гости попал. Расстреливать будут. Подходит командир корвета.

— Ладно, — говорит он, — мы еще разберемся, кто ты, немецкий или советский. Расстреливать я тебя пока не буду. Мне рулевой нужен.

Так я стал стоять на руле английского корвета охранения.

Дней через пять показался караван. И наши суда в конвое. Командир на мостике, я за штурвалом, говорю ему:

— Вон «Шексна» идет, там меня знают. Запросите, пересадите на «Шексну».

А он все никак меня отпустить не хотел. Потом уж пересадил на английский транспорт, который в Мурманск шел. Там и разобрались...

В Мурманске уже новый караван готовится — в Англию идти. Попал я на «Ветлугу». Ребята на «Ветлуге» знакомые, из старых конвоев, помнят еще, как меня взрывной волной выбросило, а тут и потопление.

— Ну, Джек, ты невезучий, с тобой опасно в рейс идти!

Смеялись, конечно. Пошли...

«Ветлуга» старая, после рейса должна на ремонт становиться. Совсем хода не имела. А капитан хороший был, рыбак, с северных морей. Фамилии не помню. Обожженное такое лицо было... Капитан хороший, а сделать ничего не мог. Отстали мы от конвоя. Идем одни. Раз появилось судно немецкое, военное, сыграли мы боевую тревогу. А что сделаешь 45-миллиметровой пушкой, кое-как установленной на корме? Ничего не сделаешь. Только немец не подошел даже к нам, видно, такая старая калоша была, что и снаряда решили не тратить. Дошли до Англии, разгрузились и пошли в Саут-Шилдс на ремонт. Там громадные, знаменитые доки. И в доке приходит к нам на борт английский офицер конвойной службы с нашим представителем.

— Нужен английский судно перегнать из Саут-Шилдса в Абердин. Рейс короткий будет. Обрато вернетесь поезде. Нужны опытные моряки, знающие английский. Кто из вас говорит по-английски?

— Вот Лепке, и английский знает, и штурманом плавал.

— Вы Лепке? Нам нужен третий штурман. Пойдете?

Недолю думал — что на берегу болтаться? В море-то лучше. А ремонт займет месяца полтора-два. Еще двое наших ребят согласились. Пошли...

Пароход назывался «Джассон». Капитан — англичанин. Старший помощник, второй штурман — англичане. Я пошел третьим. А палубная команда — всех национальностей. Кого там только не было — негры, их больше всего, малайцы, китайцы, французы, бельгийцы... И многие из местных, безработных набраны.

Капитан сам время выхода выбрал — чтобы и туман был, и штормило. Но шторма особенного не было — все-таки в июле-августе Северное море не очень штормит.

Идем. Часов семь вечера было, как раз моя вахта. Я в ходовой рубке, какая-то карта мне понадобилась. Ищу карту. И раздается взрыв, сильно так трянуло судно. Свет погас, я в полной темноте. А крен сильный уже, и крики на палубе. Тут сообразил — чего я эту карту ищу? — надо вахтенный журнал хватать и на палубу. Нашуал журнал, сунул под робу и к двери. А дверь в рубке заклинило. Пока с дверью возился, пока на палубу выскочил, шлюпки уже отошли от борта. Судно тонет, надо куда-то деваться. Ну, тут уж недолго думал — прыгнул за борт. Вода, конечно, холодная, но не такая, как осенью или зимой, — держаться можно. Сумерки, но еще видно. Почему-то все ближе к ночи случалось мне тонуть. Плаву, шлюпок из-за волны не видно, а тут, на мое счастье, трюмная лючина — доска с куском брезента болтается. Вот я и зацепился. Ну, плавал не очень долго, час там или полтора. А совсем темно. Потом вдруг всплеск, и вижу огонек такой направленный, шарит по морю. И луч прямо на меня... Слышу — немецкая речь. И тут меня выхватили из воды, стукнули крепко и на шлюпку — к подводной лодке. А она совсем близко всплыла. Люк открыт, беготня, но все делалось молча — молча в люк, причем очень грубо так, в люк сунули. Привели в закуток, темно, лампочки полупритушены. Присмотрелся — там еще двое оказалось, а кто — не разберу.

Даже говорить друг с другом не захотелось. Такое настроение паршивое было. Ну, чувствую, попался так попался. Плохо дело. Мокрый весь, трясет, озноб какой-то. Только теперь слабость почувствовал — сильно ушибло взрывом да на шлюпке добавили еще. Дело дрянн, тьма египетская, мерзко на душе.

Сколько мы там были? Спали ли? Никто нас не трогал. Вдруг клинкетная дверь в наш закуток открылась, команда короткая, отрывистая — и нас пинками выталкивают на трап.

Вышли на палубу. Подводная лодка стоит у причала. Деревянный такой причальчик, вдали какая-то глухая стена виднеется, длинная, довольно далеко до нее, примерно с полмили. День был, солнце сквозь туман проглядывало, и мне показалось, что я вроде бы здесь бывал, давно еще, когда практикантом ходил. Вроде бы это устье Эльбы... Потом уже, после войны, когда я капитаном на «Сормовском» плавал, а рейсы наши были «река — море» и мы часто из устья Эльбы в море выходили, я все вглядывался — не увижу ли то место, где они меня вытащили, где этот причальчик знаменитый был? Так я и не нашел того места. А мне все кажется — где-то западнее порта Куксхафен это было, так, миль 10-15 от порта. Искал я эту глухую стену, в бинокль просматривал. Никак не мог найти. Как будто этого места и не было.

— Евгений Николаевич, — спрашиваю, — а на «Джассоне» ушли вы из порта...

— Саут-Шилдс. От Куксхафена до Саут-Шилдса немного хода... Порт Саут-Шилдс! Чудов туда заходил! — вспомнил капитан.

— Евгений Николаевич, я ведь разыскал Вадима Владимировича Чудова. Он теперь в Моринспекции. Просил вас написать ему. И я рассказал капитану о встрече с Чудовым...

— А-а... Женька Лепке! Нашелся! Вот чудо-то! Ха-ха-ха, — грохотал тогда капитан Чудов в маленькой комнате Моринспекции.

Только такой голос, такой смех и мог быть у командира торпедного катера, совершавшего фантастически смелые рейды в тыл врага, нападавшего на фашистские транспорты, отчаянного моряка.

— Ну о моих рейдах потом, — рокотал Чудов, — расскажите про Женьку, простите, Евгения Николаевича, ха-ха-ха... Виделись? В Калининграде? Плавает? Молодец, Джеки Арлекин! Ха-ха-ха... Почему Джеки Арлекин? На «Веге» мы его так прозвали. Веселый парень был, Джек, Женька... Ну и крепкий мужик! Про таких говорят — «Даст по башке — мало не будет!»

Капитан Чудов отдышался, закурил сигарету, жадно глотая дым, и снова загрохотал:

— Мы как-то пришли в Англию, году в шестидесятом. Я уже демобилизовался, на рыбаках ходил. Ну, и что же? Северным морем проходили, и в Саут-Шилдс, порт английский, зашли. Я на палубе, и поднимается к нам на борт англичанин, немолодой уже, моряк, в порту работал. Поздоровались, провел я его к себе в каюту. Оказалось, что очень ему русские моряки по душе, плавал с нашими ребятами в северных конвоях. И что-то он говорит мне и спрашивает про «лэп ке». Что за слово такое, «лэп ке»? Никак не пойму. Копаюсь в памяти — лэп ке, лэп ке? Как перевести? Вроде бы плеск волн? Лэпке? Или про рифы меня спрашивает? Не понимаю, — говорю, — лэп ке... А он:

— Лэпке. Кэптэн Эджени Лэпке. Рашен сейлор Лэпке.

— Бог ты мой! Женька Лепке? Евгений Лепке? Да это же мой друг, май фрэнд!

— О, иес! И мой хороший знакомый. Мы с ним делали рейс на одном пароходе, — и называет какой-то пароход, не помню какой.

Оказалось, они вместе плавали, и их судно немцы торпедировали. Я ему рассказал, что Лепке жив-здоров, а вот где плавает, не знаю. А англичанин так глаза выпучил, руку согнул и бицепсы показывает:

— О, иес! Очень сильный моряк. Но он не как английский сейлор. Никогда в зубы не даст. На флоте без этого нельзя. Рашен сейлор хороший, гуд сейлор, но ненормальный сейлор.

Капитан Чудов выпускал клубы дыма как из паровой трубы, рассказывая мне о встрече с англичанином.

— Да если Женька даст — что там с ними будет, ха-ха-ха... Мало не будет! В самый раз придется, — все смеялся капитан Чудов. — Вот такой был случай в порту Саут-Шилдс, — не мог успокоиться Чудов. — А

Женьку хочется повидать. Какой адрес? Обязательно напишу...

И капитан Лепке смеялся, слушая меня. Нет. Несмеялся — никакой веселости в смехе не было — улыбался как-то грустно, и все переставлял с места на место предметы на столе...

— Вадим пишет мне... А вот встретиться все не довелось... А в Саут-Шилдс я встречался с моряками, ходившими в конвоях, может, с кем и знаком был, с кем и плавал, да разве запомнишь — настолько все это коротечко было. Война ведь. А кулаками мне все же пришлось поработать...

Подошла лодка к причалу, выгрузили нас. Охрана на берегу — семь автоматчиков и офицер — хорошо помню, считал. А что было делать? Передали нас этой команде, и лодка ушла. Потом подскочил катер, похожий на торпедный, ну, чуть побольше. Не торпедный, вроде прогулочного, с двумя винтами, потому что два телеграфа на два винта было. Быстроходный. Ошвартовался катер, оттуда на берег сошли двое. А двигатель работает на малых оборотах. И вместе с автоматчиками эти двое пошли в сторону стены. Что там, за стеной? Не знаю, даже угадать невозможно было. Ушли они туда, а нас охраняют офицер и автоматчик. Двое. Мы еще пытались разговоривать друг с другом, я как раз разговор начал. И получил такой удар сапогом в живот, что понял — не нужен этот разговор. Все это происходит шагах в десяти от катера. И вот они стали так спиной к катеру, боком к нам. Курят, смеются... И знаете, все как-то очень быстро произошло. Вроде бы так ничего и особенного, видно, мы трое об одном в этот момент подумали. И ни слова не сказали, как-то молча переглянулись, жестом обошлись, а сразу поняли — нас все-таки трое, а их двое. И остальных не видно. Моментально все и получилось. На мою долю офицер выпал, а напарники мои — потом оказалось — один бельгиец был, боцман, а другой француз, механик, их тоже с торпедированного судна лодка подобрала, — они на автоматчика накиннулись. Ну а чем? Кулаками только. Кулаком сразу не убьешь — оглоушили, скрутили этих друзей, и на катер. И их прихватили — отойдут, панику поднимут. Я «вальтер»-то сразу у офицера вытащил, да стрелять нельзя — услышат. Вот все — и в катер.

Боцман отдал концы, я в рубку, к телеграфу, а француз в машину побежал. Все подобрались как по расписанию! Дернул ручку телеграфа — вперед! И дали ходу. А тут туман стал накрывать. Туман стал накрывать еще раньше, потому и мысль у меня такая появилась, когда автоматчики ушли — вот туман-то нас и может спасти... Вошли в туман, плотная полоса нашла — ни берега, ничего не видно. Пошли на запад, и так идем, чтобы подольше в тумане оставаться. Врубили самый полный — мели-то не страшны, судно мелкосидящее... Хорошо идем. Немцы у нас уже связанные лежат, концами их скрутили, добра-то этого на катере хоть отбавляй! Они в форме лежат, а мы же в лохмотьях были, холодно стало, так что на немцев мы поглядывали. Потом я развязал офицера, пристукнул на всякий случай еще, чтобы не возникли, и стал раздевать его. У него добротное все это хозяйство — и форма, и особенно теплое нижнее белье, которое я с удовольствием на себя напялил. Сапоги, фуражку, ремень и сбоку «вальтер» нацепил. В общем, полная форма. А те двое занялись автоматчиком, тоже раздели. В катере еще роба рабочая нашлась, все приоделись, и шли хорошо. Немцев вниз отнесли — там тепло.

Туман продержался примерно сутки. Скорость хорошая была, узлов 10-12. Вышли из тумана — никого не видно. А еще через несколько часов увидели землю.

Выбрал я берег отлогий, из песчаника, и врезался в него на полном ходу. Так посчитал, что судно нам уже не нужно, мы уже в Англии.

Тут нас как раз и схватил английский патруль. И опять началась чехарда. В форме-то я немецкой, а им объясняю, что русский, что штурман с английского «Джассона». Полная чехарда... Ну, потом все выяснилось, через некоторое время дали мне возможность связаться с консульством в Лондоне. Выслали из консульства человека, он меня и опознал...

А оказалось, что выбросились мы южнее Сандерленда. Это восточное побережье Англии, недалеко от порта Саут-Шилдс. Одели меня в английскую робу, денег на дорогу дали, и вот я уже в Саут-Шилдсе. Сел на свой пароход. Опять на «Ветлугу».

Окончание следует

ПОЧТОВЫЙ ДИЛИЖАНС

Уважаемая редакция!

Вот уже четвертый год я работаю лесником в заповеднике «Кедровая падь». Двадцать лет назад окончил университет во Владивостоке. Стал биологом, долго занимался биохимией, но нужда заставила отправиться на заработки в море. Ныне здоровье потребовало сменить обстановку. Показалось, что в заповеднике я более пригожусь, ведь сейчас важнейшая задача для биолога — помогать сохранению природы.

Наш заповедник — единственный, в котором обитает дальневосточный леопард. С давних пор, как крайне малочисленный, находящийся под угрозой исчезновения, этот подвид леопардов занесен в Красную книгу. Как, впрочем, и уссурийский тигр.

Но если о судьбе тигров пресса не знает, то и поставит вопрос, стараясь привлечь к этому внимание, то о леопардах и слова не услышишь. Разве что кто-то где-то видел добытую шкуру.

В вашем журнале Валерий Орлов дважды писал очерки о браконьерстве в тигровых заповедниках, а пора бы и о леопардах ударить в набат. Положение популяции хуже критического. Зверей осталось так мало, что даже нельзя определить — можно ли спасти популяцию в принципе,

теоретически.

Да, существует специальный фонд «Леопард». Наши ученые совместно с американскими ведут в заповеднике исследования. Директор нашего заповедника, Виктор Григорьевич Коркишко, защитил по леопарду диссертацию. Как, впрочем, и его соавтор по книге «Дальневосточный леопард» Пикунов. Но защитят ли эти диссертации хоть одного зверя? И что, интересно, будут делать все эти ученые, когда браконьеры убьют последнего леопарда? А такая возможность, поверьте, существует.

У меня, лесника, до сих пор нет штатного оружия. Дело по охране заповедника поставлено из рук вон плохо. Против вооруженных браконьеров выхожу с палкой. Живу я не на центральной усадьбе, а в двух километрах от поселка Барабаш без всякой связи. Случись что, вспомнят обо мне, если раз в месяц не придут за зарплатой. Денег платят мало, только бы с голоду не умереть. И зимой хожу в кирзовых сапогах, валенки купить не на что. Обращался к американцам. Пусть бы фонд, говорю, выделил нам средства на экипировку, чтобы лучше тайгу охранять. Не понимают. Так и получается, что охрана заповедной территории целиком основана на энтузиазме лесников. Вот и я, как могу, помогаю преодолеть у местного населения традицию потребительства по от-

ношению к природе. Вожу школьников на экскурсии в заповедник, объясняю необходимость беречь тайгу от пожаров, не устраивать по весне палов. Вроде бы, помогает. Вблизи Барабаша третий год тайга не горит. Но о леопардах разговор особый.

В вашем журнале, №12 за 1993 год, был опубликован очерк Виктора Тарасова «Хозяин лагеря львов». О Джордже Агамсоне. Обратил я внимание, что в ней упоминается о попытке реабилитации леопардов Тони Фитцджероном. Сообщение это меня заинтересовало. Очень захотелось узнать бы побольше об этой работе. Ведь и для дальневосточного леопарда давно наступила пора, когда бы его надо выращивать под присмотром человека, как это делал Агамсон, расселять потом по тайге. Хотелось бы чтобы нашелся для этого дела человек. Пока не поздно.

Очень прошу не оставить мое письмо без внимания. Хотя я и без ученых степеней и званий, но, как Джордж Агамсон, просто люблю природу и пытаюсь помочь ей выжить, как могу.

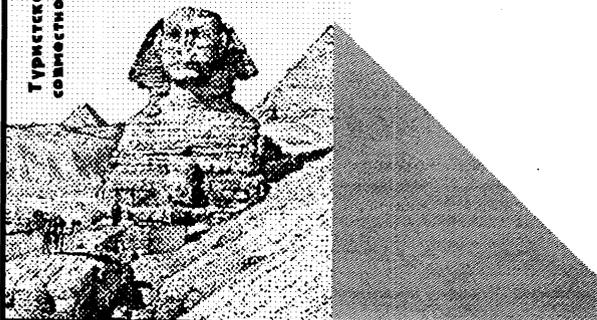
ЯСНЕЦКИЙ Гурий Иванович,
Приморский край,
Хасанский район,
поселок Барабаш-1, до востребования
(почтальон отказывается ходить
на кордон — далеко)

MiGVoyage. LTD.

Путешествия:

- **ГЕРМАНИЯ** - за автомобилем/ 300\$ + а/б (250\$)
- **ГЕРМАНИЯ** - туристская поездка на 8 дней!
- **ЕГИПЕТ** - Каир-Александрия (море) от 460\$ (3,4,5 зв.) с авиа!
- **ПАРИЖ** - познавательный и развлекательный тур! 695\$ за 5 дней!

Тел.: 285-89-36

Ситотур

ЕВРОТУР
TRAVEL AGENCY

- Англия — 7 дней, Лондон, экскурсионная программа, от 695 долл., вкл. а/б.
- Франция — 7 дней, Париж, экскурсионная программа, от 730 долл., вкл. а/б.
- Лондон-Париж — 10 дней, экскурсии, 1150 долл., вкл. а/б.
- Греция — 2 ночи в Афинах + 5 дней море, от 580 долл., вкл. а/б.
- Германия — экскурсии, от 735 долл., вкл. а/б.
- Италия — отдых и экскурсии, от 560 долл.
- Ангалья — 8 дней, от 385 долл., вкл. а/б.

Арабские Эмираты, Египет, Швейцария, Кипр (круизы), Стамбул (шоп-туры), Канарские и Сейшельские острова.

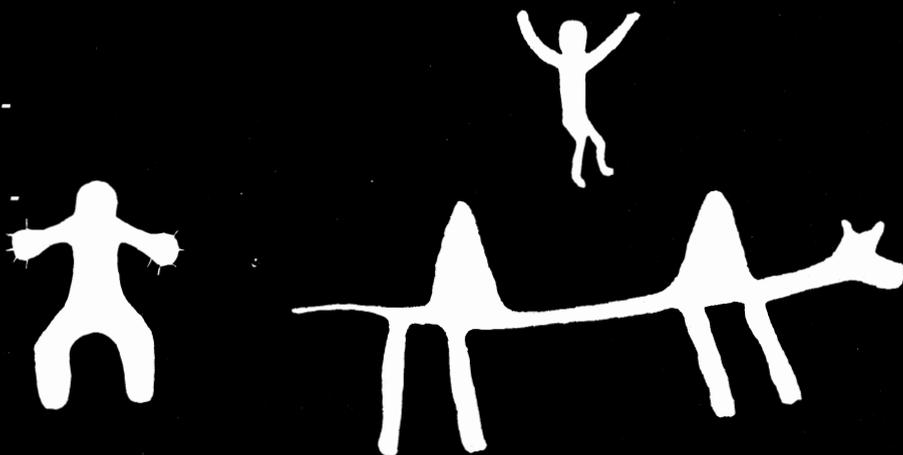
Изучение иностранных языков в престижных центрах Англии, Франции, Германии.
Москва, 103030, ул. Селезневская, 21

Тел. (095) 285-86-50, 285-86-51

Факс 281-71-06

Ситотур

Научно-спортивное общество "Путь Лотоса" - о его целях и задачах мы рассказывали в №8/94 нашего журнала - продолжает свои экспедиции по отдаленным и малообжитым районам Казахстана, Средней Азии и Алтая.

"СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК" В ГОРАХ МАЛАЙСАРЫ

Познание мировоззрения древних людей поднимает нас еще на одну ступеньку к совершенству. Это хорошо поняли члены общества «Путь Лотоса». Не потому ли нас так привлекают наскальные рисунки — загадочные и еще мало расшифрованные послания из глубины веков?

На этот раз наша экспедиция отправилась на поиски наскальных изображений в горы Малайсары — малоизученный район, что на юге Казахстана. Это удивительный хребет! Вулканическая лава, из которой он состоит, растеклась далеко на запад от крутых горных склонов. Поэтому и река Или здесь меняет направление. Хребет стоит, словно граница, между Прибалхашской пустыней — Сарыесик-Атырау и Илийской долиной. Как известно, очень часто интересные открытия рождаются на стыке нескольких наук, а при соприкосновении разных материалов и условий происходят интересные явления. Так и тут, в Малайсары, при соприкосновении что-то происходило...

Остановив машину у подножья гор и осмотрев скалы в бинокль, мы немного загрузили. Не было интересующих нас склонов с большими вертикальными плоскостями, покрытыми пустынным загаром, на которых бываю скопления петроглифов. Однако, поднявшись на вершину, мы увидели, что к югу гора обрывается вертикально вниз. Вот там, внизу, очень подходящее место для наскальных рисунков. Осторожно спускаемся, но ничего интересного пока не находим. Редкие изображения горных козлов и архаров.

Ущелье узкое, тупиковое. Перевалив хребтик, за ним еще и еще один, встречаем места с хорошими плоскостями черного порфирита, а рисунков мало, и они случайны. Мучает вопрос — почему?

В середине самого широкого ущелья я обернулся и обомлел: отдельно стоящая скала, как гигантская стрелка компаса, показывала на юг. Я понял, что такое примечательное место не могло остаться незамеченным древними людьми. Вероятно, рядом находилось святилище. Ведь место для религиозных обрядов, поклонения сверхъестественным силам должно быть сакральное, то есть максимально приближающее человека к небу, к Космосу (имеется в виду не высота над уровнем моря). Святилище выбиралось по особым природным проявлениям: целебным родникам, интересным, необычным скалам, может быть, по сгущениям геополя или биополя. И, как правило, это — красивое место! Кро-

ме всего, оно должно быть хорошо заметно издали: свои рисунки древний человек оставлял и для соплеменников, и для чужаков, и для потомков.

Мне вспомнилось урочище Тамгалы, в котором мы в свое время побывали и о котором алмаатинский ученый А.Н.Марьяшев писал, что там было святилище со своим созданным природой алтарем из крупных скальных блоков.

Побродив по сухому руслу, я еще более уверился в своей догадке. Русло здесь делает зигзаг и расширяется. Скалы к северу стоят полукругом, образуя амфитеатр с фокусом на горе-стрелке. Первые петроглифы, которые нам начали попадаться, кстати, как и в других горах, изображали горных козлов и архаров. Почему подобных рисунков больше всего? Вероятно, это объясняется тем, что горные козлы и архары были для древнего человека основными промысловыми животными. Они давали ему мясо, молочные продукты, шерсть, шкуры. Из рогов возводили ограды, стены жилищ. Как не вспомнить тут рог изобилия, известный в мифах многих народов? Возможно, изображения животных — это гербы древних племен. И еще одна важная деталь. Рога напоминали людям месяц на небе. А луну они обожествляли. И, наверное, горных козлов считали посланниками неба. Чтобы снять с себя грех за убийство, охотник обращался к художнику, и тот оставлял образ животного.

Нам трудно понять палеоантропа. Исследователь А.Г.Медоев писал по этому поводу: «Человек находился в глубоко сокровенных отношениях с миром животных, который был существенной частью его духовной жизни, значительно более сложной, чем это можно было недавно предположить».

На следующей скале — редко встречающееся изображение быка. Академик А.П.Окладников писал: «...изображения быка на петроглифах Казахстана связываются с древним эпосом индо-арийских племен, где бык выступает как важный мифологический образ». С быком связана и тюркская легенда об Огуз-хагане.

На горизонтальной плоскости отдельно лежащей каменной плиты мы заметили древнейшие рисунки двух соляных кругов, относящиеся, как выяснили потом, ко II тысячелетию до н.э. Рядом — два лунных круга, они позже подрисованы или подновлены. Выше по склону — средневековая гравюра головы Умая, тоже символизировавшая солнце. Вот какая связь времен и народов!

Вдруг я вздрогнул: на скале выбито что-то необычное. Присмотрелся. Изображена фигура человека, но очень странная, заметно отличающаяся от уже виденных. Массивное тело, сильные, колесообразные, широко расставленные ноги. Ручища раскинуты в стороны. И, что удивительно, четко выцарапаны когти, как у медведя. Подобного портрета человека мы нигде не встречали. Вспомнились рассказы профессора П.И.Мариковского о его находках петроглифов со «снежным человеком». Может быть, и это рисунок дикого человека?

Этот портрет воодушевил меня. Несмотря на палящее солнце, я долго бродил по склонам и нашел еще три изображения дикого человека. По одному из них бросали камнями — использовали как мишень. По видимому, древние люди боялись «снежного человека», так как он был сильнее физически, но люди уже имели луки и воевали с ним. Рисунками же хотели предупредить соплеменников об опасности.

Под вечер горы Малайсары приподнесли нам еще одну удивительную находку. Под крутой скалой я заметил изображение верблюда и прыгающего не него человека! Десятки тысяч наскальных рисунков известны в Казахстане — но такого нет. Что это? Древнейшее цирковое представление или состязание в ловкости? Может быть, это первая попытка оседлать дикого верблюда?

На следующий день, обойдя всю гору еще раз, я нашел рисунок-рассказ.

Мужчина поймал веревкой за рога архара и силой тянет его. Я понимал, что это очередная сцена охоты. Но ниже увидел маленькое изображение лошади, лежащей на спине, кверху ногами. Так древние люди рисовали убитых или умерших животных и людей. Но почему лошадь такая маленькая? Я стоял на краю скалы и размышлял. И тут ответ пришел сам собой. Лошадь упала со скалы и разбилась. Теперь понятно, что хотел рассказать древний художник, он же, вероятно, и герой этого события...

Есть сообщения: на соседнем хребте выбиты фрески цветка лотоса, символа всего прекрасного. Стремление к совершенству не было чуждо и древним. Члены общества «Путь Лотоса» продолжают поиск. Поиск незримой, связующей нас с предками нити.

Б.Б.РЕЗВАНЦЕВ, председатель научно-спортивного общества «Путь Лотоса»
Фото и прорисовки **Б.З.РЕЗВАНЦЕВА**
г.Алма-Ата

СИМВОЛЫ ЦЕНТРАЛЬНОАМЕРИКАНСКОГО ЕДИНСТВА

После освобождения от испанского ига Никарагуа входила в состав Соединенных Провинций Центральной Америки, а с 1838 года стала самостоятельным государством, сохранив, однако, федеральный флаг и герб. В 1854 году пришедшие к власти консерваторы — противники центральноамериканского единства — приняли особый, бело-желто-пурпурный флаг. А одновременно с ним — и герб с одним вулканом вместо пяти, увенчанный короной, с девизом «Свобода. Порядок. Труд», и окруженный лавровым венком и надписью с названием страны. Но уже в следующем году в страну вторгся и захватил ее авантюрист из США У.Уокер. Изображая себя сторонником возрождения единства стран Центральной Америки, он добился восстановления сине-бело-синего флага, похожего на прежний федеральный, но с красной звездой посреди более широкой белой полосы. Лишь совместными усилиями всех центральноамериканских народов в 1857 году удалось разгромить Уокера, и в Никарагуа был восстановлен флаг 1854 года. В 1873 году его заменил флаг из 5 полос — двух синих, двух белых и красной, похожий на флаг Коста-Рики.

Герб Никарагуа во второй половине XIX века неоднократно менялся. Центральным его элементом с 70-х годов вновь стала федеральная эмблема с пятью вулканами, фригийским колпаком и радугой (иногда добавлялось еще восходящее солнце). Однако в 70-е годы эмблема изображалась не на треугольнике, а на щите, увенчанном колчаном со стрелами и окруженном двумя национальными флагами, а в 80-е годы треугольник с эмблемой окружали две алебарды, два

Геральдический альбом

меча и две винтовки со штыками, 4 национальных флага и то один, то два пушечных ствола. Иногда добавлялись еще башенная корона и лавровый венок.

Современный герб и флаг установлены в 1908 году в знак стремления тогдашнего либерального правительства Никарагуа к восстановлению центральноамериканского единства. Из всех современных центральноамериканских флагов и гербов никарагуанские наиболее похожи на федеральные. На гербе стороны равноностороннего треугольника символизируют равенство, правду и справедливость, а также законодательную, исполнительную и судебную власть. Цепь из пяти вулканов между двух океанов напоминает о том, что в Центральноамериканскую федерацию входило пять членов — Гватемала, Гондурас, Никарагуа, Сальвадор, Коста-Рика и выражает надежду на восстановление их единства и братства. Вместе с тем изображение напоминает и о географическом положении Никарагуа на Центральноамериканском перешейке между Карибским морем и Тихим океаном и гористом рельефе страны со множеством вулканов. Фригийский колпак, окруженный сиянием, символизирует свободу и ее притягательную силу, а радуга — надежду и мир. Вокруг треугольника — надпись по-испански: «Республика Никарагуа. Центральная Америка». На флаге белая полоса представляет Центральную Америку, а синие — омывающие ее Карибское море и Тихий океан. Кроме того, белый цвет символизирует чистоту и честность, а синий — справедливость и верность. Государственный флаг имеет посередине герб, национальный — без герба. Иногда белая полоса на национальном флаге более широкая — для отличия от национального флага Сальвадора, с которым у него одинаковы не только рисунок, но и пропорции (незначительно отличаются лишь оттенки синего цвета — у Никарагуа он несколько светлее).

На карибском побережье Никарагуа в XVII — XIX веках существовало индейское королевство Москития — сначала под британским, а с 1860 года под никарагуанским протекторатом, имевшее собственный флаг. Он состоял из 10 горизонтальных синих и белых полос, а в крыже иногда помещался британский, а затем никарагуанский флажок. Гербом королевства служил щит с изображением гористого морского берега, окруженный четырьмя местными флагами (без крыжа), восходящим солнцем и датой «1821».

В 1979 — 1990 годах неотъемлемой, хотя и не вполне официальной, частью никарагуанской символики, являлись красно-черные флаги. В этот период у власти после победы революции, свергнувшей более чем 40-летнюю диктатуру семейства Сомоса, находился Сандинистский фронт национального освобождения. Белые первые буквы его испанского названия изображались на разделенных по горизонтали красно-черных флагах, вывешивавшихся повсюду (часто и без букв) вместе с государственными флагами. Цвета и название фронта взяты в память о национальном герое Никарагуа А.С.Сандино, возглавлявшем в 1927 — 1933 годах борьбу народа против американских интервентов и внутренней реакции. На знаменах Сандино красный и черный цвета (на красном изображались винтовка, кинжал и череп) составляли его девиз «Сделать Родину свободной или умереть!».

ЖЕМЧУЖИНЫ И ЗВЕЗДЫ «БОГАТОГО БЕРЕГА»

На многократно менявшемся флаге Коста-Рики неизменно изображаются герб или его элементы. Первый флаг был принят в 1823 году, вскоре после освобождения от испанского господства, и представлял собой белое полотнище с красной шестиконечной звездой в центре. На одновременно принятом гербе такая же звезда изобра-

1

2

3

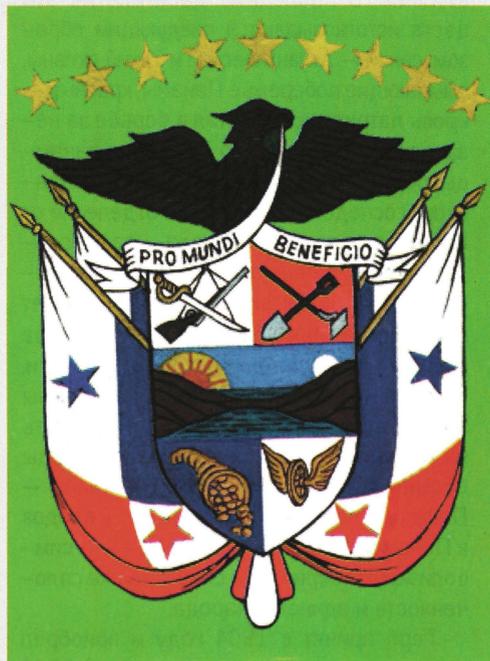
4

5

6

7

1 Первый герб Коста-Рики (1823 г.).

2 Герб Коста-Рики 1848 — 1906 гг.

3 Современный государственный герб Республики Коста-Рика.

4 Герб Королевства Москития.

5 Герб Никарагуа конца XIX века.

6 Современный государственный герб Республики Никарагуа.

7 Государственный герб Республики Панама.

жалась над скрещенными пальмой и стволом пушки в окружении надписи «Свободная Коста-Рика». Через несколько месяцев флагом Коста-Рики был объявлен флаг Соединенных Провинций Центральной Америки (сине-бело-синий с гербом), в состав которых входила страна, а в 1824 году и костариканский герб был заменен центральноамериканским. Единственной костариканской эмблемой, добавленной на этот герб, служила маленькая шестиконечная звезда в нижней части. Через полгода вновь был установлен собственный герб Коста-Рики. Он представлял собой диск с изображением протянутой руки в окружении 10 вулканов и надписи «Свободное государство Коста-Рика». Этот герб был добавлен на нижнюю полосу флага. Еще через три недели в связи с частичным изменением федерального герба соответственно изменилась и центральная эмблема флага.

После распада Центральноамериканской федерации Коста-Рика обрела полную независимость. В 1840 году были приняты новые герб и флаг. Восьмиконечную серебряную звезду в центре герба с лучами в виде веточек окружали венки из ветвей лавра и мирта и надпись «Государство Коста-Рика». Этот герб помещался в центре флага из белой, синей и белой горизонтальных полос.

Предшественниками современного флага и герба явились флаг и герб, принятые в 1848 году, в эпоху либеральных реформ. В дополнение к традиционным синим и белым центральноамериканским цветам на флаге появился и красный. Принятие флага французских цветов явилось знаком уважения к Франции, которую тогдашние руководители Коста-Рики считали образцом цивилизованного государства и примером для подражания. При этом красная полоса была такой же ширины, как и остальные. В центре флага изображался герб, отличающийся от современного формой щита и лент, количеством звезд (их было 5), а также тем, что за щитом находились по две винтовки и алебарды и 8 национальных знамен, а под щитом — миртовый венок, ствол пушки и рог изобилия. В 1906 году герб приобрел современный вид (за исключением количества звезд), а на флаге стал изображаться на белом овале и ближе к древку. С этого же времени красная полоса стала в два раза шире остальных. В 1964 году количество звезд на гербе достигло 7.

Синий и белый цвета флага символизируют независимость страны, а красный — цивилизацию. Вулканы между океанов, напоминающие старый федеральный герб, олицетворяют географическое положение и рельеф Коста-Рики. Три вулкана — это

наиболее мощные вулканические конусы горной цепи Центральная Кордильера: Поас (2704 м) с кратерным озером и гейзерами, потухший трехглавый Барба и грандиозный двойной массив Ирасу — Турриальба (3442 м). Морские просторства по обеим сторонам вулканов — это омывающие Коста-Рику Тихий океан и Карибское море. Восходящее солнце символизирует свободу, а парусные корабли — торговлю и международные связи страны. Золотой фигурный щит с 8 жемчужинами напоминает о значении названия Коста-Рика (по-испански — «Богатый берег»). Семь звезд символизируют семь провинций страны — Алахуэла, Гуанакасте, Картаго, Лимон, Пунтаренас, Сан-Хосе и Эредиа. До 1964 года, когда звезд, как и провинций, было 5, они напоминали также о 5 государствах — членах прежней Центральноамериканской федерации. На лентах идут надписи на испанском языке: на белой — «Республика Коста-Рика», а на синей — «Центральная Америка». Под белой лентой изображены миртовые ветви. На национальном флаге, в отличие от государственного, герб не помещается.

СТРАНА ПО ОБЕ СТОРОНЫ КАНАЛА

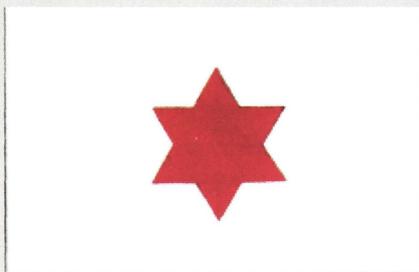
Флаг Панамы принят в 1903 году после провозглашения ее независимости. В момент создания синий и красный цвета флага соответствовали партийным цветам ведущих тогда политических партий страны — консервативной и либеральной, белый цвет — мир между ними, а расположение прямоугольников в шахматном порядке — чередование этих партий у власти. В дальнейшем, начиная с 40-х годов, эти партии потеряли свое прежнее влияние. В последние десятилетия эти цвета истолковываются следующим образом: синий — Атлантический и Тихий океаны, омывающие побережье Панамы, красный — кровь патриотов, пролитая в борьбе за независимость страны (до 1821 года панамцы боролись за освобождение от испанского господства, затем — за отделение от Колумбии, а после 1903 года — за воссоединение захваченной США зоны Панамского канала). Белый цвет символизирует мир (иногда также свободу). Синяя звезда означает добродетели чистоты и честности, красная — власть и закон, которые должны воплощать эти добродетели и претворять их в жизнь. По другой версии, эти звезды обозначают крупнейшие города страны — Панаму и Колон, расположенные у входов в Панамский канал, а еще по одной — символизируют верность и силу, а также сплоченность и единство народа.

Герб принят в 1904 году и приобрел современный вид после того, как в 1946 году были изменены некоторые детали. Зеленый фон символизирует богатую тропическую растительность страны. Цент-

ральная часть щита — пейзаж страны в самой узкой части Панамского перешейка. Заходящее солнце и восходящая луна в небе напоминают о том, что независимость Панамы была провозглашена вечером 3 ноября 1903 года. Скрещенные сабли и винтовка символизируют историческое прошлое страны, полное кровопролитных и разрушительных войн, и стремление панамцев не допустить их впредь. Лопата и мотыга обозначают мирный труд народа. Рог изобилия с золотыми монетами является символом богатства и процветания, а крылатое колесо — прогресса. Щит окружают четыре национальных флага. Орел, символизирующий суверенитет республики, держит в клюве ленту с латинским девизом «Для пользы мира», указывающим на всемирное значение Панамского канала. Девять звезд над щитом (первоначально их было 7) обозначают семь провинций страны: Бокас-дель-Торо, Верагуас, Дарьен, Кокле, Колон, Лос-Сантос, Панама, Чирики и Эррера.

Своегорода государством в государстве являлась зона Панамского канала, находившаяся с 1903 года под американским флагом. Только ценой многочисленных жертв панамцы добились в 1960 — 1964 годах права вывешивать в зоне свой флаг рядом с американским. Колониальным флагом зоны в 1915 — 1977 годах служил флаг ее губернатора, на синем полотнище которого помещались щит с элементами американского герба над изображением плывущего по каналу старинного испанского галеона и девиз «Страну разделяет, мир соединяет». Это центральная часть существовавшей с 1906 года колониальной эмблемы. На эмблеме (цвета которой были изменены в 1956 году) вокруг щита и ленты с девизом помещалась по кругу надпись: «Печать Зоны канала Панамского перешейка», дополненная в 1938 году тремя звездами. В 1977 году панамский народ добился заключения соглашения с США, по которому большая часть зоны канала возвращена под панамский суверенитет, зона как территориальная единица с особым статусом, эмблемой и флагом ликвидирована, а сам канал к 2000 году должен постепенно перейти под контроль Панамы.

Особый (автономный) статус в рамках Панамы имеют и острова Сан-Блас, населенные индейцами куна. В 1925 году они подняли восстание, провозгласив Республику Туле под красно-желто-красным флагом с синей свастикой в центре, просуществовавшую 10 дней. Эта эмблема и цвета и сейчас широко используются в декоративном искусстве куна, хотя ныне их автономия не имеет своей символики.

1

2

3

4

5

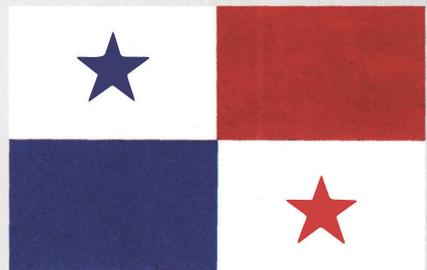
6

7

8

9

1 Первый флаг Коста-Рики (1823 г.).

2 Третий флаг Коста-Рики (1824 г.).

3 Флаг Коста-Рики 1840 — 1848 гг.

4 Современный государственный флаг Республики Коста-Рика.

5 Флаг Королевства Москития до 1860 г.

10

6 Флаг повстанческой армии Сандино (1927 — 1933 гг.).

7 Флаг Никарагуа 1854 — 1873 гг.

8 Современный государственный флаг Республики Никарагуа.

9 Государственный флаг Республики Панама.

10 Флаг Зоны Панамского канала (под управлением США).

ОСТРОВА ОБМАНУТЫХ НАДЕЖД

или Похождения незадачливого бизнесмена

Вадим ДОБРОВ
собственный корреспондент
«Вокруг света»

A photograph of a tropical beach scene. In the foreground, there is clear, turquoise water with gentle ripples. A narrow strip of white sand beach runs horizontally across the middle of the frame. Behind the beach, a dense line of palm trees and other tropical vegetation stretches across the background under a clear, bright sky.

Полинезия... Нет, наверное, такого человека, который не мечтал бы хоть раз в жизни побывать на далеких райских островах Океании. И я, читатель, не исключение. Прожив более сорока лет в Соединенных Штатах жизнью деловой и напряженной, я, однако, не растерял романтического любопытства. И вот однажды решил осуществить свою давнюю мечту – отправиться в путешествие на острова Полинезии. Вместе с сыном – пусть воочию увидит, что такое настоящий земной рай.

ХОРОШО БЫ КУПИТЬ ВИЛЛУ НА ТАИТИ...

От Калифорнии до Таити, главного острова Французской Полинезии, восемь часов лету — сущие пустяки. Тем более если ожидаешь очутиться в сказке...

Но что такое? Ступив на заветную землю, я ощутил, как романтическая дымка с каждым днем рассеивается. Прежде всего — сам остров. Большую часть его занимает практически неприступная гора, опоясанная кольцевой дорогой, бегущей вдоль берега. На той стороне острова, что защищена коралловым рифом, купаться, конечно, можно: там почти не бывает больших волн. Но где же пляжи, такие, как, например, на Гавайях? Увы, их там нет. А если есть, то сплошь искусственные, присыпанные жиденьким песочком, который привозят на грузовиках. В других местах побережья, не защищенных коралловыми рифами, есть роскошные песчаные пляжи, причем естественные. Но что толку: там всегда грохочут огромные волны — укротить их под силу лишь опытному пловцу и серфингисту. Кроме того, на Таити уж больно многолюдно.

Одним словом, мне захотелось перебраться на остров поменьше. Есть же такие рядом с Таити — Муреа, Вахини, Раиатеа¹... Там, думал я, настоящий покой и умиротворение.

«Вот оно, истинное блаженство», — радовался я, нежась на мягком прибрежном песке острова Вахини. И вдруг царящий кругом покой нарушают крики. Открываю глаза и вижу: спешит ко мне какой-то француз — судя по всему, из местных — бурно машет руками и кричит:

— Поглядите, что вытворяет ваш сын.

Смотрю в сторону моря: мой мальчик бежит к кромке прибора и радостно размахивает гарпунным ружьем, купленным на Таити. Оказывается, делать это строго-настрого запрещено, потому как таитянские ружья для подводной охоты очень мощные — выпусти гарпун в воздух, пусть даже случайно, и он может не то что поранить тебя самого или кого-нибудь, кто находится рядом, но даже убить. По словам французца, на архипелаге — так, по собственной же глупости — ежегодно погибают и калечат себя многие туристы. Слава Богу, мы вовремя остановили моего сына. Этот урок мы с сыном запомнили на всю жизнь — с чем и вернулись в Папее, главный город Таити и столицу Французской Полинезии.

Прошло еще несколько дней, знакомство с Таити продолжалось, и мне уже захотелось «пустить корни» — здесь или на соседнем острове: купить виллу в каком-нибудь тихом, привлекательном местечке. Но одно дело хотеть, а другое — сделать. Поскольку любому иностранцу очень трудно получить право на длительное пребывание во Французской Полинезии, не говоря уже о приобретении собственности. Во-первых, Франция престижа ради просто не желает разбазаривать свои заморские владения направо и налево. Во-вторых, именно в Полинезии — а точнее, на островах Туамоту — находится главный французский атомный полигон, который сейчас, правда, законсервирован. Ну, а в-третьих, и я в этом твердо убежден, французы совершенно искренне стремятся защитить местное население, его язык и культуру от полного вырождения, как это

произошло, к примеру, на тех же Гавайях, чему во многом способствовали сами американцы. А для этого прежде всего нужно огрывать таитян от загребущих рук иностранных делая — представителей так называемого «международного» бизнеса, который французам контролировать куда сложнее, чем свой собственный. Однако это вовсе не значит, что на Таити иностранцам запрещено заниматься предпринимательством. Напротив, международное предпринимательство здесь не только существует, но и развивается — правда, под строгим контролем местных властей. Ну, а если иностранцы приносят к тому же большую пользу, их деятельность всячески поощряется: таким людям предоставляются особые права и льготы, включая право на долгосрочное проживание на островах.

Все это, конечно, прекрасно, но что полезного мог предложить лично я? Бизнесом никогда не занимался, потому что всю жизнь посвятил физике... Словом, пользы от меня ни на грош. Но, как бы то ни было, я решил рискнуть. И отправился на остров Раиатеа. Там — то все и началось...

РОКОВАЯ ВСТРЕЧА НА РАИАТЕА

А началось все с рыбы-шара. Загарпунив как-то раз эту диковинную рыбку во время подводной охоты, я принес ее в гостиницу, где остановился, и начал разглядывать. И надо же — поранил палец об острые шипы, которыми сплошь утыкано ее тело. Консьерж сказал, что рыбы-шары бывают разные — встречаются и ядовитые. Он дал мне пластырь, одолжил велосипед и посоветовал съездить к врачу. Что я и сделал. Но доктора дома не оказалось — он был в отпуске. А кто-то из соседей сказал, что, если я до сих пор не умер, значит, все в порядке — еще поживу.

Ободренный такими словами, я собрался было возвращаться в гостиницу, но тут заметил маленький магазинчик — он находился неподалеку от дома доктора. Подъехав поближе, прочитал вывеску: «Ремонт радио- и телеаппаратуры». «Вот так удача! — подумал я. — Ведь в электронике я кое-что смыслю. Может, это и есть то полезное дело, которым мне следует заняться?»

Не раздумывая, я бодро вошел в магазинчик и увидел упитанного месье среднего роста, лет пятидесяти — судя по всему, хозяина. Мы разговорились. Владельца лавки-мастерской звали Франсуа П. — он оказался на редкость общительным. И я решил, не тратя времени понапрасну, взять быка за рога. «Хочу, — сказал, — стать вашим компаньоном: буду помогать чинить телевизоры и радиоприемники. Готов сразу внести деньги — вклад в общее дело». Франсуа мое предложение пришлось по душе, и мы ударили по рукам.

На другой день я должен был вылететь в Папее, а оттуда в Штаты. С Франсуа мы договорились встретиться через несколько месяцев. И, чтобы слова не расходились с делом, я перечислил на его банковский счет десять тысяч долларов.

И вот я снова на Раиатеа — опять с сыном Андреем. Местный адвокат выдал мне лицензию, подтверждающую мое доле участие в нашем общем с Франсуа деле. Это, соответственно, давало мне право приобрести собственность во Французской Полинезии. Удача улыбнулась мне столь скоро, что я не мог нарадоваться, и уже начал прицениваться на местном рынке недвижимости. А пока мы с Андреем жили у Франсуа.

Гостеприимство моего компаньона не знало границ. А французская кухня его жены Жанны была просто восхитительна. «Вот он, миг блаженства, которому суждено длиться вечно», — думал я, когда ранним утром всплывающее над океаном тропическое солнце будило меня яркими, ласковыми лучами. После завтрака мы с Андреем брали у Франсуа лодку, снасти и выходили рыбачить в лагуну. Так что к обеду у нас всегда была свежая рыба — под великолепное французское вино. За столом Жанна обычно вспоминала о том, как жила в Алжире, — во время войны за независимость, когда была еще девочкой. Потом — как бежала в Новую Каледонию, как скиталась по Океании, перебираясь с острова на остров, и в конце концов осела на Раиатеа. Все это, конечно, было очень интересно...

Что же касается дела, меня смущало одно: Франсуа использовал в работе довольно примитивные и давно устаревшие инструменты и приборы. К тому же меня к своей работе он отчего-то не подпускал. А я, будучи вроде как его гостем, из вежливости в дела не вмешивался — только наблюдал со стороны. Со временем я понял, что мастер из Франсуа был никудышный, а работа его сводилась к тому, что неисправные части в радиоприемнике или телевизоре он наугад заменял новыми, имевшимися у него в большом запасе. Иногда ему удавалось починить телевизор, случайно, но чаще всего — нет. И тогда он просто советовал несчастному клиенту съездить в Папее и купить новый аппарат, поскольку старый, мол, никуда не годится. Однако, несмотря на халтурную работу, клиентов у горе-мастера было хоть отбавляй. С некоторыми Франсуа ругался, а потом жаловался:

— Да вы сами посудите, — сетовал он. — Приходит, значит, этот таитянин и говорит, что видит на своем цветном телевизоре одно черно-белое изображение. Ну, я взял и поправил краски. А он и говорит: «Нет, не годится. Теперь, мол, кадры скачут». Да, но ведь я не брался регулировать частоту кадров. Хочешь, чтоб не прыгали, — плати дополнительно... Вот неугомонный народ — разве с ними сладишь!

После таких разговоров мои сомнения насчет процветания нашего дела только возрастали.

Однажды в баре гостиницы «Бали-Гаи», самой шикарной на Раиатеа, я познакомился с немецкой четой, прибывшей с островов Тонга на собственной яхте. Я рассказал немцам свою историю и поделился терзавшими меня сомнениями.

— Послушайте, — посоветовали мне немцы, — если вы хотите открыть свое дело на островах, поезжайте на Тонга. Здесь, на Таити, французы ставят иностранцам палки в колеса, а в независимом королевстве Тонга предприимчивых людей со стороны просто несут на руках. Королевство поддерживает дружественные отношения с Германией. Сейчас там много немцев, и все они успешно занимаются торговлей, туристским и курортным бизнесом. Вот вам имя и адрес секретаря тамошнего немецкого яхтклуба. Езжайте туда не раздумывая. Вы неплохо говорите по-немецки, вас там хорошо примут, и вы, без всякого сомнения, найдете себе занятие по душе.

¹ Вместе с Таити входят в состав архипелага Общества (здесь и далее прим. ред.).

— Далековато, однако, — сказал я, подумав. — Но, чем черт не шутит, может, и впрямь что-нибудь да выгорит?

СОМНЕНИЯ ПРИВЕЛИ МЕНЯ НА ТОНГАТАПУ

Через пару дней мы с сыном сложили чемоданы, попрощались — ненадолго — с нашими радушными хозяевами и отбыли на острова Тонга.

По прилете в Нукуалофу, столицу королевства Тонга и главный город острова Тонгатапу, мы остановились в отеле «Дэйтлайн» — самом современном и, стало быть, престижном во всем королевстве, расположенном по соседству с дворцом его величества Тупоу IV. Не случайно, именно в «Дэйтлайне» чувствовали новоиспеченную «Мисс Тонга» — как раз в день нашего приезда. На празднике присутствовало все высшее общество во главе с премьер-министром и директором пивной фирмы, устроившей и оплатившей торжество. При появлении важных сановников оркестр грянул кайзеровский гимн «Deutschland, Deutschland über Alles»¹. Воодушевленный музыкой и настроением публики, я бодро пропел первый куплет знакомого гимна. Но, вдохнув в себя воздух, перед тем как затянуть следующий, я вдруг осекся, услышав сквозь гром оркестра, что публика поет на каком-то странном, непонятном языке, являвшим собой, скорее всего, смесь немецкого и туземного. Я прослушал песнопение до конца, а потом спросил стоявшего рядом человека по-английски, отчего все поют кайзеровский гимн.

— Видите ли, — объяснил мне сосед, — это старая традиция. И связана она с тем, что добрые тонга-немецкие отношения ведут свое начало со времен германских кайзеров, чьи корабли когда-то частенько посещали прибрежные воды королевства и вместе с пивом завезли национальный гимн.

Вполне удовлетворившись столь исчерпывающим ответом, я дождался окончания празднества и пошел прогуляться по городу. Но не успел сделать и десяти шагов, как подошел точно ужаленный: совсем рядом вдруг оглушительно громыхнули пушки. А через полминуты мимо меня пронеслась вереница автомобилей — в самом большом из них восседал самый большой — в прямом и переносном смысле — человек на Тонга: его королевское величество Тауфаахау Тупоу IV. На вид в нем были все 150 килограммов веса. А то, что пушки палили, так это радовались верноподданные, которых король вновь осчастливил своим присутствием после заграничной поездки.

Вскоре я действительно убедился, что лучшего места, где можно было бы открыть свое дело, чем Тонга, не существует во всей Океании. Что, собственно, подтвердил и мой новый знакомый — некий Джек К. (имя не настоящее — В.Д.), глава австралийской миссии по оказанию гуманитарной и экономической помощи королевству Тонга.

— Я слышал о вас и о ваших планах, — сказал мне однажды Джек. — Здесь можно открыть любое дело. И я готов вам помочь — информацией или чем-нибудь другим.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Но пока я ничего предпринимать не буду. Погляжу, как обернутся дела на Таити.

Колебался я еще и потому, что сам Тонгатапу мне не приглянулся. Это довольно крупный, плоский, как стол, и очень пыльный остров, совершенно не сравнимый с покрытым изумрудной зеленью — хотя и суетным —

Таити, не говоря уже о красочных Муреа и Раиатеа. И я уже подумывал о возвращении на Таити.

Но вот как-то раз за завтраком сын сказал мне:

— Знаешь, папа, а в соседнем номере поселились русские.

— Знаю, — говорю. — Это дипломатические работники. Ты что, с ними разговаривал?

— Нет, — ответил Андрей.

— Тогда откуда ты знаешь, что они русские?

— А кто же еще, по-твоему, в такую жару может разгуливать в черном костюме да с черным галстуком в придачу?

В самом деле, чудно как-то. После завтрака Андрей занялся своими делами, а я сел в такси и отправился на пляж. Зная, однако, что представляют собой местные пляжи, я попросил таксиста не уезжать. И правильно сделал: в тот день течение и прибой так измотали меня, то и дело кидая на камни, что, потеряв всякую охоту к купанию, я начал было собираться домой. Пляж был пуст, а в океане кувыркалась в волнах какая-то троица — двое мужчин и женщина. И с прибоем эти трое sprавлялись куда ловчее меня. Я снова нацепил ласты и маску и, прыгнув в бурлящее море, поплыл к троице. Когда до отважных купальщиков оставалось рукой подать, я вдруг услышал фразу, произнесенную на чистейшем русском:

— Давай, Ваня, к берегу — уж слишком волны здоровы! — крикнула миловидная женщина лет сорока.

Не обращая на меня никакого внимания, трое купальщиков выбрались из воды и побрели куда-то по пляжу. И я, едва стянув с себя ласты и маску, кинулся за ними вдогонку.

— Неплохо было бы заморить червячка, — сказал старший мужчина. — Вот только где?

— Я покажу вам маленький рестораник, тут, неподалеку.

Трое русских обернулись как по команде и окаменели: перед ними на пустынном пляже Тонгатапу стоял почти голый незнакомец, с маской и ластами в руках, да еще говорящий по-русски. Поистине невероятно! Старший мужчина начал беспокойно всматриваться в океан: не видно ли где-нибудь поблизости подводной лодки? А я стоял перед ними в одних плавках и приветливо улыбался. И тем быстро расположил к себе незнакомцев.

По дороге в ресторан мы весело и непринужденно болтали о том о сем, как это принято у русских, случайно встретившихся за тридевять земель. Так я узнал, что старший из них, назовем его Иван Волов, служит в Министерстве иностранных дел, а младший, пусть будет Толей, — его помощник. Но, как только мы вошли в рестораник, дружеский разговор оборвался. Троица села за один стол, а мы с таксистом — он тоже присоединился к нам — за другой. За все время ланча мы не обмолвились с моими соотечественниками ни словом. Так же и расстались — безмолвно. Но, как бы то ни было, столь неожиданная встреча оставила у меня приятное впечатление: эти русские оказались, в общем, неплохими ребятами. Чуть позже выяснилось, что Иван Волов — новый советский посол в Новой Зеландии, представлявший интересы тогдашнего СССР и в королевстве Тонга: как раз в день нашего знакомства, пополудни, он вручал соответствующие верительные грамоты его величеству Тупоу IV...

Близилась к концу третья неделя нашего пребывания на Тонга. За это время я успел побывать на многих островах архи-

пелага, воспользовавшись гостеприимством немцев из местного яхтклуба. Тонга — это довольно большая страна, состоящая из более чем ста пятидесяти островов — причем только тридцать из них обитаемы. Ландшафт островов удивительно разнообразен. Здесь много плоских коралловых атоллов; есть и вулканические острова с устремленными в небо, километровой высоты горными пиками — как, например, острова Хаапай. Эуа, самый южный остров в группе Тонгатапу, пересекают древние, полуразрушенные вулканические хребты, на их вершинах и в расщелинах гнездятся бесчисленные колонии пернатых. А на Вааву, самой северной группе островов, можно увидеть как вулканические ландшафты, так и коралловые атоллы. Но, как бы ни была прекрасна страна Тонга, надо было возвращаться на Таити, тем более что я уже начал беспокоиться — как там мои дела на Раиатеа? Из Нукуалофы я не мог дозвониться до Франсуа, как ни старался.

КОМПАЬОН ИСЧЕЗ. Я НАЧИНАЮ ПОИСКИ НА РАИАТЕА

По прилете на Раиатеа я — странное дело! — вдруг почувствовал себя совершенно одиноким: в аэропорту, как назло, ни одного приветливого лица, ни одного такси. Наконец в отдалении заметил старенький ржавый автомобильчик — за рулем сидел таитянин. Надо заметить, что таитяне, по большей части, говорят по-французски очень плохо — и общаются в основном на полинезийском. Но французский понимают все, кроме разве что стариков, поэтому с местными я объяснялся без особого труда. И так, я сказал водителю, что неплохо заплачу, если он поскорее доставит меня к лавке Франсуа. Мгновение спустя таитянин, живо смекнув что к чему, уже мчал меня — если можно так выразиться применительно к его старой колымаге — по указанному адресу.

Добравшись до места, я подошел к лавке Франсуа — и наткнулся на запертую дверь. Это меня очень удивило, тем более, что был разгар рабочего дня. Я направился к дому доктора — он, как я уже говорил, жил по соседству. Доктор сказал, что вернулся из отпуска неделю назад, но за все это время ни разу не видел ни Франсуа, ни Жанну. Заметив мою, мягко говоря, растерянность, доктор любезно предложил отвезти меня к ним домой. Оказалось, что в доме моего компаньона уже полмесяца живут другие люди. Новые хозяева сообщили, что Франсуа с женой неожиданно покинули остров — пару недель тому назад. У них было с собой довольно много вещей — похоже, они собирались сесть на рейсовый пароход, регулярно курсировавший между Угуроа (главным городом Раиатеа) и Папезте.

Вот беда! Недолго думая, я отправился на поиски исчезнувшего компаньона в столицу Таити. Но попробуйте отыскать человека в городе с семидесятитысячным населением! Решив тогда действовать наугад, я зашел в первый попавшийся магазин электронной техники и спросил хозяина, не знает ли он часом Франсуа. И надо же, не успел я начать поиски, как мне повезло: оказалось, что этот таитянин прекрасно знал Франсуа — тот был его постоянным клиентом и недавно купил кучу электронных запчастей. Узнав, что он прикарманил мои деньги и был таков, владелец магазина участливо покачал головой и сказал:

— Нет, разыскивать его в Папезте бесполезно. Он никогда не смог бы открыть здесь дело — слишком большая конкуренция. Скорее всего, Франсуа был тут проездом. Но я

¹ Германия, Германия превыше всего. (нем.)

постараюсь вам помочь. Вот телефон моего шурина, он работает таможенным инспектором в порту Папезте. Раз, как вы говорите, у Франсуа был большой багаж, значит, таможенники, вполне вероятно, обратили на него внимание. К тому же пассажиров на этом пароходе бывает не так уж много.

Окрыленный надеждой, я позвонил в порт. Таможенный инспектор сказал, что действительно запомнил супружескую пару, прибывшую из Утуоро. Однако вскоре они погрузили весь багаж на другое судно, совершающее рейсы между Таити, архипелагом Туамоту и Маркизскими островами, сами взошли на борт и отчалили. Было это неделю-две тому назад.

Да уж, тут было над чем призадуматься: архипелаг Туамоту состоит из восьмидесяти островов, но больше ни меньше, а Маркизы — из четырнадцати. Однако далеко не все острова в обоих архипелагах обитаемы — стало быть, по части бизнеса там не очень развешены. Но, правда, смотря какого. Жанна неплохой кулинар — значит, если они с Франсуа откроют, скажем, небольшой пансионат для яхтсменов и рыболовов на каком-нибудь глухом острове, мне их ни в жизнь не найти. С другой стороны, Франсуа закупил на Таити целый ворох электронных запчастей — стало быть, не исключено, что он решит заняться на новом месте прежним делом. А это возможно только в сравнительно крупном населенном пункте. На Туамоту таких мест — раз-два, и обчелся. Потом я вдруг вспомнил трогательные рассказы Жанны о том, как когда-то давно они с Франсуа жили на Маркизских островах. И в конце концов остановил выбор на Маркизах.

«Но чего я добыю, даже если разыщу Франсуа? — спрашивал я себя все три дня, пока ждал пароход «Арануи», на котором загодя забронировал недорогую каюту и билет до Маркизских островов. — Слава Богу, что я не успел вложить все свои деньги в наше совместное «предприятие» — только десять тысяч долларов... Нет, надо найти Франсуа во что бы то ни стало, пока он не растратил весь мой взнос. В крайнем случае придется обратиться в полицию».

НА ПУТИ К МАРКИЗКИМ ОСТРОВАМ

С такими вот безрадостными мыслями я наконец ступил на палубу «Арануи» и отправился на Маркизы, лежащие на расстоянии почти полутора тысяч километров к северо-востоку от Таити. А ведь еще пару дней назад я беспечно развлекался на Тонга, предвкушая, что скоро займусь полезным делом.

На второй день плавания на горизонте показались изумрудные атоллы Туамоту, рассыпанные, точно бисер, на поверхности океана и простирающиеся с северо-запада на юго-восток на протяжении около тысячи шестисот километров. Спустя некоторое время «Арануи» бросил якорь на Рангиоро — самом крупном атолле в архипелаге. Это второй по величине, после Кваджалейна, атолл в мире: в ширину он достигает 300 метров, а периметр его больше 200 километров. Площадь же лагуны настолько велика, что в ней запросто разместился бы весь остров Таити.

Наш пароход бросил якорь у входа в узкий пролив, соединяющий лагуну с океаном. Воспользовавшись продолжительной остановкой, я и еще несколько смельчаков пассажиров решили искупаться. Мы сели в шлюпку и, подойдя к самому входу в пролив, надели маски и ласты. Было время прилива

— и течение с огромной скоростью понесло нас в лагуну. Я нырнул и увидел потрясающей красоты картину: мимо меня, словно в кинофильме, запущенном с утроенной скоростью, проносились коралловые заросли, яркие, разноцветные рыбки, большие, плоские, как блины, скаты. Промчавшись стремглав по течению около полутора километров, мы наконец очутились в спокойных, умиротворяюще-волшебных водах лагуны. Вскоре подросла и шлюпка. Рулевой, видя, как мы возгордились после заплыва, укротив бурное течение, тут же нас разочаровал, сказав, что не далее как на прошлой неделе точно такой же подвиг совершила одна восьмидесятилетняя туристка, причем без маски и ласт...

В шлюпку забрались все пловцы, не было только одного американца. Мы окликнули его, но он поплыл не к нам, а резко метнулся в сторону. Когда мы наконец нагнали его и втащили в шлюпку, то увидели, что американец здорово напуган. Оказалось — пока он плавал в дальнем конце лагуны, на него напала крупная акула. Но, слава Богу, все обошлось: хищница только больно хватила его хвостом и расцарапала плечо. Проводник сказал, что, судя по размерам и цвету, это была лимонная акула, а лимонные акулы заплывают в лагуну очень редко. Скорее всего, ее занесло сюда течением. «К тому же, — прибавил матрос, — они не опасны. Просто не любят, когда им мешают охотиться. А в человеке видят соперника — вот и отгоняют его от добычи».

Стоянка «Арануи» затягивалась, и я решил порыбачить. Рыбная ловля у кораллового рифа всегда обещает много неожиданностей: никогда не знаешь, какая рыбина попадется на крючок. Сижу я себе и рыбачу, довольный уловом, — только и успеваю забрасывать удочку. Гляжу, подходят ко мне мальчишки-туземцы и, критически взглянув на пойманную рыбу, начинают тихонько перешепываться. Когда я спросил, как им мой уловчик, они брезгливо фыркнули и сразили наповал, сказав, что большая часть «уловчика» просто несъедобна. Если б вы знали, с какой тяжестью на сердце расстался я с добычей половиной добычи! «Правда, — утешал я себя, — и того, что осталось, должно хватить на уху». Каково же было мое разочарование, когда корабельный кок, осмотрев каждую рыбку, покачал головой и сказал, что на уху годятся только две, а насчет остальных он не дает никакой гарантии.

— Впрочем, — посоветовал кок, — есть способ проверить, ядовита рыба или нет. Ступайте на берег и засуньте все в муравейник. Если муравьи не разбегутся — смело несите мне.

Однако настроения экспериментировать ни с рыбой, ни с муравьями, у меня не было. Я сложил рыбу в ведерки и с досадой выбросил в море — так оно вернее...

Следующую остановку «Арануи» сделал на атолле Ахе, где выгрузил провизию для местного населения, а также сборные фермы для выращивания искусственного жемчуга. На Туамоту его выращивают по японской технологии. И несколько специалистов-японцев продемонстрировали нам, как это происходит. Один из них взял пустую устричную раковину и очень бережно вложил внутрь крохотный кусочек пластика — сердцевину будущей жемчужины. Затем «укомплектованные» таким образом раковины погружают в специальные садки, или фермы, заполненные водой, на два-три года; за это время кусочки пластика мало-помалу обволакиваются черным перламутром. Только в здешних местах условия позволяют вы-

ращивать черный жемчуг — самый редкий и, стало быть, самый дорогой в мире...

Потом мы снова вышли в море. Между Туамоту и Маркизами лежит пустынный океан — и единственным развлечением для нас на этом переходе были разговоры.

— А знаете, — обратилась ко мне одна французенка, — я не уверена, но думаю, что и раньше видела русских на Туамоту.

— Но почему вы не уверены? — удивился я.

И тогда французенка рассказала мне вот какую историю:

«Когда мы с мужем только поженились, решили перебраться на какой-нибудь необитаемый остров — подальше от цивилизации. Туамоту — самое подходящее место для этого... Друзья доставили нас на яхте на атолл Ахунуи. Так мы с мужем стали робинзонами. Питались рыбой — ловили в лагуне, собирали кокосовые орехи и птичьи яйца. Даже огород развели».

Так прошло полгода. И вот однажды на Туамоту налетел страшный ураган. Океанские волны, огромные, как горы, ворвались в лагуну, захлестнули и берег. Мы с мужем привязали себя к пальмам, чтобы нас не смыло в бушующий океан. Чудовищной силы ветер снес наше жилье, как спичечный коробок. Все припасы унесло в море. Потом ураган стих — так же внезапно, как и начался, — оставив нас ни с чем. Единственным утешением была надежда, что через три недели к нам приплывут друзья. Да, но до этого еще нужно было дожить. И нам ничего не оставалось, как просто ждать.

Через несколько дней мы заметили в океане небольшое судно — оно шло напрямиком к Ахунуи. Выбежали на берег, принялись кричать и размахивать руками. Но судно остановилось метрах в двухстах от берега и дальше ни с места. Это был десантный катер с откидным носом. На борту мы разглядели несколько человек — то ли моряков, то ли морских пехотинцев. Они наблюдали за нами в бинокли — смотрели минут двадцать. У нас с собой тоже был бинокль, и мы тоже стали рассматривать странный катер. А он и впрямь был странный: никаких опознавательных знаков — ни флага, ни букв, ни цифр, словом — ничего. Затем катер развернулся и пошел вдоль берега — и все это время десантники следили за нами в бинокли. А потом вдруг повернул в сторону океана и вскоре исчез из вида.

После мы с мужем сообразили: ведь Ахунуи находится всего лишь в трехстах километрах от французской атомной базы на атолле Муруоро. И уже давно ходили слухи, будто иностранные корабли шпионят в здешних водах. И наш случай был тому подтверждением. Судя по всему, моряки на неизвестном катере не ожидали увидеть на необитаемом острове людей — нежелательных свидетелей. Но что мешало им высадиться на берег и, на худой конец, прикончить нас обоих?.. Как бы то ни было, мы решили дождаться друзей и убираться с Ахунуи подобру-поздорову. Конечно, я не знаю наверняка, чей это был катер, но думаю — русский».

Что ж, я не стал разуберять мою собеседницу. Кто знает, может, она была права. Хотя неожиданными гостями могли оказаться и американцы... Что же касается страшного урагана, то здесь она несколько не преувеличивала: однажды, в восьмидесятых, через всю Французскую Полинезию действительно пронесся сильнейший ураган, который снес на своем пути буквально все. ☐ тех печаль-

ных событиях остались лишь воспоминания, а еще — развалины да бетонные бункеры — убежища от стихии...

Горы Маркизских островов мы увидели еще издали. По сравнению с другими тихоокеанскими островами Маркизы, с геологической точки зрения, очень молоды. Они не имеют ни барьерных рифов, ни низменной прибрежной полосы — берега здесь круто вздымаются ввысь прямо из океана. Так что причалить можно только у берегов двух островов. Часто суда бросают якорь вблизи от островов и погрузка-разгрузка идет с помощью местных баркасов.

Подойдя к острову Хива-Оа, пароход бросил якорь неподалеку от селения Атуона, где великий Гоген провел два последних года своей жизни. Там же, в Атуона, стоит и жилище художника — знаменитый «Дом наслаждений», а рядом находится его могила, усыпанная яркими благоухающими цветами. И «Дом наслаждений», и могила Гогена — главные достопримечательности острова, куда ежегодно приезжают тысячи туристов.

Здесь, на Хива-Оа, я впервые увидел вочию легендарных полинезийских идолов, так называемых «тики». Хотя по своим размерам — больше человеческого роста — они значительно уступают каменным колоссам на острове Пасхи, тем не менее зрелище являют собой впечатляющее.

Здесь же, на Маркизах, выдающийся норвежец Тур Хейердал впервые заинтересовался происхождением «тики», и можно считать, что именно это первое путешествие на Маркизы, куда он прибыл вместе с женой в 1936 году, определило его дальнейшую судьбу.

Тур Хейердал прожил с женой около года на острове Фату-Хива. Туда и лежал наш путь. Подойдя к острову как можно ближе, «Арануи» стал на якорь, и местный баркас доставил нас на берег у деревушки Омоа — той самой, где когда-то высадился Хейердал. Это не было случайным совпадением. Фату-Хива гористый остров, отвесные края пересекают его с севера на юг, обрываясь отвесно в море. Так что здесь населен только западный берег, где, кроме Омоа, есть только еще одна деревушка.

Со временем приставучие островитяне начали сильно докучать Хейердалу, и он, вместе с женой, был вынужден покинуть Омоа. Норвежцы нашли пристанище на восточном берегу острова, где жили только два туземца — старик каннибал, правда, бывший, и его приемная дочь. Старик оказался на редкость радушным хозяином. Он кормил гостей на убой, и жене Хейердала это показалось странным: уж не задумал ли он их откормить, чтобы потом убить и съесть? Но опасения оказались напрасными — старый туземец угощал от чистого сердца. Однако вскоре идиллия была нарушена: на восточный берег нагрянули наглые жители Омоа и все испортили...

Теперь мы сидели на берегу у этой самой деревушки — Омоа и ждали, когда на «Арануи» завершатся погрузо-разгрузочные работы. На тропинках крутых горных склонов я видел одичавших коз и лошадей — потомков домашних животных, хозяева которых умерли от болезней, завезенных европейцами. Вокруг нас расположились местные жители — они спокойно и безразлично созерцали морскую даль. Чем они занимаются? Как добывают пропитание? Решив это разузнать, я попытался заговорить с туземцами, но все без толку... В общем, тоска и скука висели в воздухе.

И вдруг мне резанул ухо пронзительный собачий визг. Толпа местных мальчишек, видимо, совсем одуревших от скуки, нашла-

таки себе развлечение. Какой-то парень, здоровенный детина, схватил несчастную собачонку за заднюю лапу и, раскрутив над головой, швырнул в океан. Столь дикое зрелище вызвало у туземцев — взрослых и детей —

Возвратившись сюда снова, Франсуа, похоже, рассчитывал, что прошлое забыто и теперь его встретят чуть ли не с распростертыми объятиями. Однако дело обернулось по-другому, и ему ничего не оставалось, как

общее оживление и смех. И тут мне вспомнилось все, что Хейердал писал о жестоких нравах жителей Омоа. Однако не нужно думать, будто подобное поведение характерно для всех обитателей Маркизских островов. Да и вообще уровень духовного развития, равно как и жизни, полинезийцев достаточно высок, я бы даже сказал — заметно выше, чем в независимых островных государствах, таких, как Фиджи или Тонга. А мрачное впечатление безысходности и отсталости, вынесенное мною с Фату-Хива, объяснялось, скорее всего, тем, что остров этот по-своему изолирован и труднодоступен — туристов здесь практически не бывает.

НУКУ-ХИВА. НЕУЛОВИМЫЙ ФРАНСУА

Конечный пункт нашего рейса, Нуку-Хива, не шел ни в какое сравнение с другими островами Маркизского архипелага: он значительно крупнее других и к тому же наиболее населенный. Здесь же находится и административный центр Маркизов — городок Тапохаэ. Когда я поведал о своих злоключениях в тамошней мэрии, чиновники нисколько не удивились, — как будто им по сто раз на дню приходилось выслушивать жалобы на моего компаньона Франсуа П. Кстати, он был на Нуку-Хива, причем совсем недавно. Подал заявку на приобретение коммерческой лицензии. Но получил отказ: на острове хорошо помнили его исключительно «полезную» деятельность в прошлом. Некогда Франсуа занимался здесь выращиванием и вывозом ванильных бобов. Вскоре, однако, его партнеры обнаружили, что он нечист на руку, и подали на него в суд. А Франсуа, не будь дураком, возьми и дай тягу. После его бегства с Маркизских островов истцы перессорились между собой — и дело, как водится, потихоньку замяли.

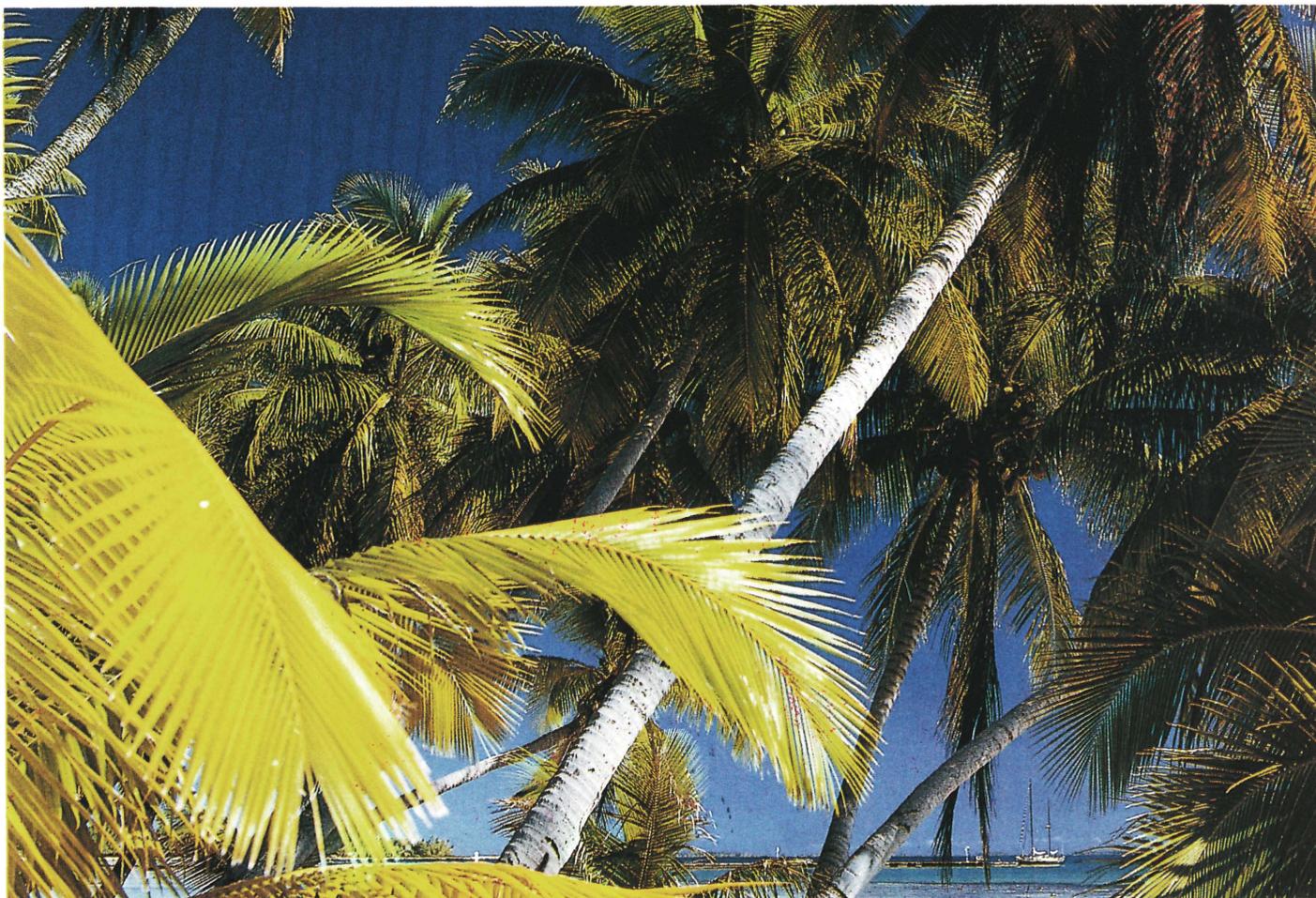
искать удачу на других островах бескрайней Океании. Но прежде Франсуа нужно было вернуться на Таити. Что он, собственно, и сделал неделю назад — сел вместе с женой на рейсовый пароход и отбыл в Папезте.

Теперь у меня был только один выход: немедленно сесть в самолет и скорее обратно — на Таити. Ох, уж эти мне райские острова!

В конторе авиационной компании меня ожидало еще одно разочарование: рейс отменили по причине технической неисправности самолета и перенесли на неопределенный срок — пока с Таити не доставят необходимые запчасти. Как ни странно, я на это отреагировал с олимпийским спокойствием, в отличие от другого посетителя конторы — некоего господина Летирье, которому до задержки, как можно скорее, нужно было попасть в Папезте — иначе нарушались все его планы, что грозило обернуться немалыми денежными убытками. Я предложил месяце Летирье нанять частный самолет вскладчину — все дешевле, тем более что у меня тоже не было никакого желания сидеть тут и ждать у моря погоды.

И вот мы с месяце Летирье взмыли в небо на частном самолете, оставив далеко внизу величественные горы Маркизских островов. Во время полета, чтобы скоротать время, делились заботами, хлопотами и видами на будущее. Летирье сказал, что собирается неплохо заработать на установке и обслуживании платного видео в больницах на Таити. Местное ведомство здравоохранения искало толкового подрядчика. А последний срок подачи конкурсных заявок от претендентов истекал завтра... Узнав о моих злоключениях, Летирье принял уговаривать меня стать... теперь уже его компаньоном.

— Знаете, — говорил он, — тайтэне так обожают всякие шоу — хлебом не корми. Уверю, мы будем деньги лопатой загребать. Но для начала нужен небольшой первоначальный

взнос — всего-навсего двадцать пять тысяч зелененьких. А насчет виллы не беспокойтесь. У меня на Таити связи — подыщем вам виллу по сходной цене у самого океана.

Соблазн, признаться, был велик. Но где взять деньги? Такой суммы у меня при себе не было, а одалживать по-кропному я опа-

вовал он меня. — Ваши беглецы снова были здесь — недавно, со всем скарбом. За ними приехали их друзья, погрузили все в грузовичок и уехали. Но куда — черт их знает. Во всяком случае, с тех пор я их больше не видел. Ноя передал ваши претензии в полицию, так что ступайте прямо в префектуру.

В префектуре мне сначала посочувствовали, а потом упрекнули в том, что я, возмнив — де себя частным детективом, сам пустился на розыски мошенника, вместо того чтобы сразу же обратиться в полицию.

— Если бы вы явились к нам своевременно, — говорили полицейские, — и предъявили официальный иск о нарушении контрактных обязательств со стороны вашего партнера, у нас было бы законное право задержать его вместе с женой, по крайней мере, в этот раз. Мы поддерживали связь с авиационной и паромной компаниями и следили за передвижением ваших знакомых — а вот задержать не могли: на основании одних только слухов, согласитесь, сделать это невозможно. И еще: в прошлый четверг ваши знакомые вылетели в Соединенные Штаты.

— Но как же груз? — растерянно спрашиваю я. — Ведь они возили с собой чуть ли не все содержимое своей лавки.

— С собой у них было только несколько чемоданов, — ответили полицейские. — А остальное они, наверно, раздали знакомым для перепродажи. И тут мы тоже не могли им помешать.

— А вы случайно не знаете, в какой американский город был рейс? — пытался поймать я хоть какую-нибудь зацепку.

— Судя по всему — в Сан-Франциско.

— Сан-Франциско?! — Я аж подскочил.

— Что, хорошо знаете те места?

— Еще бы не знать. Сан-Франциско — город, в общем, небольшой — всего семьсот тысяч жителей. Правда, в пригородах насчитывается еще пять миллионов. Но все равно, хоть какая-то надежда да есть...

Спустя три месяца я, будучи уже у себя в Калифорнии, в один прекрасный день получил письмо из Папезте — от тамошнего прокурора. Тот уведомлял меня, что, благодаря его личным связям с международными банками, ему удалось установить местонахождение Франсуа П., и сообщил его точный адрес. Оказывается, мошенник обосновался в Канаде. Без лишних проволочек я послал канадским властям копии всех относящихся к делу документов. Ответ не заставил себя долго ждать: по указанному адресу данное лицо больше не проживало.

Где же оно теперь, это «лицо»? Скорее всего — растворилось среди тысяч и тысяч других лиц, составляющих многочисленное франкоязычное население Квебека. А там, как говорится, ищи ветра в поле.

Что же касается меня, я постарался забыть о своих злоключениях в Океании и решил продолжать занятия физикой у себя в Калифорнии, иногда преподавать за границей. А еще я решил навсегда забыть мечту о том, чтобы открыть дело и купить виллу на Таити, который лично для меня отныне стал островом обманутых надежд.

сался. Была и другая причина для опасений: моего нового знакомого, оказывается, звали... Франсуа. Ну прямо злой рок! «Впрочем, не все же Франсуа отъявленные прохиндеи и мошенники», — говорил я сам себе...

В Папезте я разыскал портового инспектора, того самого, который сообщил мне, что мой прежний компаньон отбыл на Маркизы.

— А, это опять вы, — с улыбкой приветст-

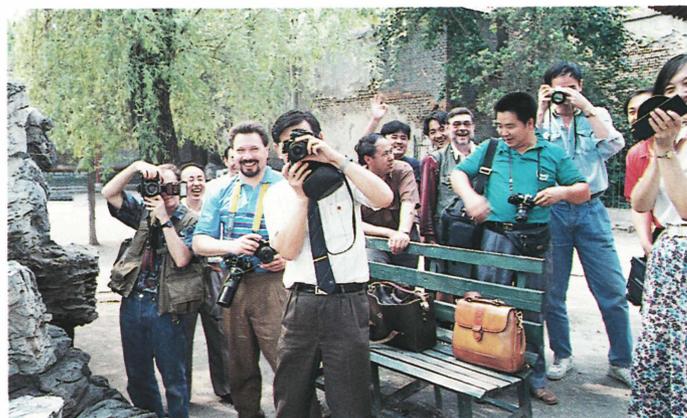
Фото автора и из журнала
«Grands reportages»

Французская Полинезия —
Пало-Альто (Калифорния)

ВКУСНЫЙ МАЛЕНЬКИЙ

Вл. РЯБКОВ
Фото автора

БЭНДИ

В конце ноября 1993 года я получил приглашение от китайской корпорации «Лаки», производящей фотопленку, участвовать в фотовыставке. «Лаки» в переводе с английского означает «счастливый».

Поздняя осень не лучшее время для фотографа, снимающего природу. Основные поездки года я уже закончил, и предстояло отснять материал в цвете, достойный такой ответственной фотовыставки. Самое сложное заключалось в том, что к концу февраля я должен был отослать в Пекин отснятые негативы. Чистого времени у меня было три месяца, и все они попадали на зиму, когда в природе присутствуют всего два цвета — белый и черный.

В декабре мне удалось провести фотосъемку в Нижегородской области. Четыре чудесных дня держалась потрясающая изморозь на деревьях.

В январе я съездил на «плюс холода» — в Оймьянжонский район Якутии, там в январе необычайно красиво: вся тайга укрыта толстым слоем игольчатой морозной изморози.

К концу февраля я отослал сорок негативов в Пекин.

10 июня в три часа ночи из Щереметьево в Пекин вылетел ИЛ-62, в котором находился и я, летящий за рубеж первый раз. Через 7 часов самолет пошел на снижение. Внизу сильная пылевая дымка, укрывающая невысокие, заросшие горы. Опыт путешествий по Кара-

кумам подсказывал, что внизу сильнейшая жара.

Выхожу наружу, упругая волна горячего воздуха обливает жарким потом. Кажется, что бетон раскален добела и пышет нестерпимым жаром. Струйки пота бегут по спине, весь мокрый шагаю вместе со всеми в здание аэровокзала. В проходах много встречающих с плакатами типа: «Фирма «Восход», «Господин Медведев». Меня не встречает никто. Вспомню слова председателя Союза фотохудожников, что проблем не будет — обязательно встретят. Что делать? По-английски знаю десять слов, по-китайски ни одного, не знаю даже, куда ехать.

Из гущи плакатов вдруг вырос плакат с надписью «Господин Рябков». Сердце радостно забилось, я шагаю навстречу невысокой симпатичной девушке с огромным букетом цветов, что-то лепечущей по-английски.

— Ноу андестенд, ай верибэд спикинг ин инглиш¹, — выдавливаю вымученную фразу.

Тут же передо мной вырос молодой человек.

— Очень приятно нам ф Китай, я немного говорю по русски. Я — Ли.

¹ Не понимаю, я плохо говорящий в английском. (Прим. ред.)

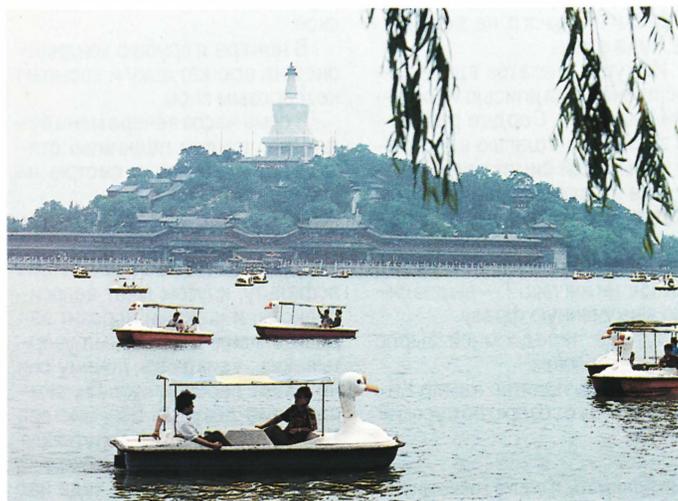
Мы едем в отель «Минцзу», микроавтобус летит на большой скорости по скоростной, великолепной дороге. Навстречу выплывают пирамидальные деревья, незнакомой формы дома, зеленые поля. Минут через двадцать въезжаем в Пекин, он поражает масштабами, широченными проспектами, множеством роскошных зданий и небоскребов. В отеле нас встречают официальные представители корпорации «Лаки». Говорят только по-английски, безукоризненно одеты, все суют визитки. Но что-то в них чувствуется глубоко знакомое, почти советское.

В номере я врубаю кондиционер на всю катушку и засыпаю нездоровым сном.

В семь часов вечера меня будят, я с трудом поднимаю отяжелевшую голову и смотрю на переводчика Ли.

— Сейчас кусать пойдем, одевайтесь, пожалуйста.

Шагаем по расплавленному асфальту, кругом мчат велосипедисты, и каждый норовит зажать меня. Я все время увертываюсь, удивляясь, почему они не дают переводчика Ли, симпатичную девушку Вэн, мистера Лию и других моих попутчиков. Ответ я нашел через несколько дней, в другом городе, куда нас повезли на экскурсию. Оказыва-

Пекин — Бадин

ется, на велосипедистов не надо просто обращать внимания: они сами объедут.

Заходим в столовую напротив отеля, запахи мнгоземной пищи щекочут ноздри. Стол постепенно покрывается множеством тарелок с едой. Ни вилки, ни ложки нет. Мне подали две палочки.

— Возьми одна, как пенсил, другой вот так, — объясняет Ли.

Пытаюсь что-нибудь ухватить, но все скользкое, тянучее, липучее, блестящее жирным блеском. С трудом ухватил какую-то липучку, но и этот кусок еды упал на стол, так и не дойдя до моего рта. Я весь взмок, пальцы от неудобства держания палочек почти судорогой сводит, но ухватить ничего не удается. Подали жареные орешки, это взять полегче. Мистер Лио руководитель внешнеэкономических связей корпорации «Лаки», говорит по-английски:

— Теперь мне понятно, почему вы хорошо фотографируете, вы так быстро научились работать палочками.

В его словах заключена хитрая лесь с двойным дном.

На следующий день просыпаюсь бодрый и крепкий.

Днем мы поехали на экскурсию по императорскому дворцу. Территория дворца начинается от центральной и самой главной площади Китая Тяньаньмэнь, сразу за мавзолеем Мао Цзедун. Территория императорского дворца огромна. Можно сказать, целый средневековый город. Все здесь сохранилось в первозданном виде, подчеркивающим истинную древность и мощь былого Китая. На территории дворца гуляет множество народу. Иногда попадают люди в длинных халатах и странных шляпах. Ли поясняет мне, что это тибетцы.

Китайцы — неспешный народ, во дворце многие сидят неподвижно, то ли созерцают, то ли просто бездельничают. На крышах дворцов очень много драконов и львов. Оказывается, они должны уберечь деревянные крыши от молний.

Того и гляди из-за угла выйдет процессия с грозным императором и мне, чужеземцу, попавшему сюда без дозволения, отрубят голову или посадят на кол. И то, и то мне не подходит. Интересно, что здесь чувствовали иномысленные люди, волей или неволей попавшие сюда?

В целом дворец производит праздничное впечатление. Тенистые беседки, огромные деревья, дающие спасительную тень, небольшие пруды с лотосами. И сами дворцы, построенные с изяществом и легкостью. Я выдвигал на картинках в книгах и журналах подобную архитектуру, но только увидев ее вблизи, объемно, со всем комплексом ощущений, понял, насколько же великим мастерством обладали древние зодчие. Мне кажется, что теперь во всех современных зданиях я буду видеть изъяны.

Мои записки — не суждения о Китае. Я побывал только в Пекине и двух городах недалеко от него. Китайцы — улыбчивый и приветливый народ, хорошо одеты, почти нет нищих; бандитских физиономий я видел всего две за девять дней. В Москве я их встречаю каждый день десятками.

В понедельник, 13 июня, с утра пресс-конференция с демонстрацией слайдов, а в три часа дня открытие долгожданной выставки. Я еще не видел своих работ, и поэтому немного переживаю, что именно отобрано из сорока негативов и как напечатаны фотографии. За утренний показ слайдов я не волнуюсь.

Сначала показывают слайды китайские фотографии. Я всегда определяю фотографа по единственному признаку — сколько снимков откладывается в памяти через несколько дней после показа. Только один китайский мастер произвел на меня впечатление — Ю Юаньтин, круглолицый человек в парусиновых брюках. Он показал Тибет. Огромные ледники, стекающие с гор в лучах заходящего солнца, зеленые сырты и треугольные пирамиды гор, голубые озера, окруженные высокими елями, — Тяньшань, да и только, но намного мощней. Я видел несколько альбомов по Тибету, но они ни в какое сравнение не шли со снимками Ю Юаньтина.

После китайских фотографий показываем мы. По хлопкам определяю, что публике мои снимки понравились, после просмотра набежала большая толпа фотографов, редакторов, все что-то лопочут, суют визитки. Сплошной бедлам.

Я прошу Ли познакомить меня с Ю Юаньтином, его работы взволновали меня. Ю Юаньтин показывает большой палец и что-то говорит. Ли переводит. Расстаемся друзьями. Я с особой осторожностью прячу его визитку.

В три часа дня открытие выставки. Это рядом с отелем «Минцзу», в небоскребе, на первом этаже. Огромная толпа пионеров, молодежи (Боже, как все знакомо!), другого разного люду уже собралась у входа, но еще не пускают. Заходят авторы выставки, руководство «Лаки», министры. Ли показывает пальцем:

— Вон, вон смотри: морской министр смотрит твои фотографии.

Каким-то важные товарищи действительно смотрят мои снимки и согласно кивают головами говорящему. Сдерживая шаг, иду к своей экспозиции. Напечатано хорошо, фотографии большого размера. Тут меня и настигают первые волны ворвавшихся на выставку зрителей. Начинается невообразимое. Все бегут с буклетами, где напечатано по одной фотографии каждого автора выставки. Меня окружает толпа, и я не могу понять, что им от меня нужно, все суют мне эти буклеты и истошно кричат. Я догадываюсь, что просят автографы. Я никогда ни у кого

не брал автографов и только однажды давал. Стоит сплошной крик, меня толкают, тычут буклеты прямо в лицо. Я торопливо ставлю каракули. Это продолжается с полчаса, вдруг толпу энергично расталкивают, и у меня берет интервью самая центральная программа телевидения. Откуда-то взялся работник Российского посольства. Он переводит, вопросы же задает элегантный и улыбчивый мужчина. В конце интервью он говорит, улыбаясь:

— Спасибо... Я тоже немного говорю по-русски...

Потом берут интервью еще две программы китайского телевидения. После их ухода толпы зрителей опять осаждают меня, опять крики, каракули, суют кепки, ставлю роспись на кепках. Вылезают чуть ли не из-под ног и опять суют буклеты...

На следующий день рано утром выезжаем в город Баодин, где расположена корпорация «Лаки». Баодин небольшой городок, километрах в 120 от Пекина. Быстро мчим по супердороге, высоко поднятой над уровнем земли. Через каждые двадцать километров съезд с дороги. Деревень не видно, сплошные поля, иногда редко какая-то постройка, похожая на ферму.

В Баодине вездесущие велосипедисты месят улицы с тем же необычайным упорством. Корпорация «Лаки» окружена невысоким кирпичным забором, все добротной и опрятно. Минуем проходную, за которой виден небольшой пруд с розовыми лотосами. Здания невысокие, чем-то напоминающие наши загородные дома отдыха. Нас встречает руководство «Лаки», затем нам показывают технологические процессы. Когда-то здесь стояли станки из Шостки, Казани, Переславля. Теперь — только из ФРГ, Италии.

Больше всего меня поразила проходная во время обеда: тысячи велосипедистов на большой скорости вылетают из ворот и исчезают на улицах Баодина. За пять, за десять минут до конца перерыва на обед все так же влетают на большой скорости через проходную обратно.

После прощального ужина в гостинице корпорации «Лаки» ко мне подошел замдиректора корпорации, чем-то напоминающий Аскара Акаева, и по-русски сказал:

— Вы хотели путешествовать Китай еще раз. Мы пригласили Вас. Вы пишите официальное письмо, и мы пришлем официальное приглашение. Вы платите деньги за билет до Пекина и обратно, мы платим в Китае за все остальное.

Я долго тряс руку улыбчивого замдиректора.

На следующий день нас ждала Великая стена. Это действительно удивительное сооружение, туристов там бродит, как мух на разлитом варенье. Жаркий день, испарения и пыльное марево смазывали пространство

гор, стена уползала вдаль жирной змеей, растворяясь в дымке.

На обратном пути мы заехали в какой-то заброшенный дворец. Наша машина остановилась на краю симпатичной деревеньки; прямо на шоссе крестьяне разложили кучи зерна, сушили и веяли его. Через дорогу начинался полуразрушенный дворец. Меня поразило отсутствие какого-либо сторожа. И отсутствие грязи, мусора, современных разрушений. Стены дворца, частично построенные из дерева, разрушились от времени. Сколько им лет? Я не мог определить из глаз, но ясно было что они очень стары. Древний сад одичал, я бродил по защитной стене, на которую нависали ветки деревьев, где-то совсем рядом слышались детские голоса. Ни во дворце, ни вокруг ни бумажки, ни соринки.

...А к китайской еде я быстро привык. Я не специалист в кулинарии и могу передать только свои впечатления.

Они краткие таковы: пища в Китае необыкновенно вкусна и не требует какой-либо подготовки для перехода с нашей русской кухни. Преобладают овощи, хлеба нет вообще. Перед поездкой я представлял, что китайцы едят в основном рис. Теперь думаю, что мы в России едим его больше.

Как-то мы заехали поужинать в обычное кафе-забегаловку. Выйдя из машины, пошли по неоновой улице душного города. У одной из стеклянных витрин сидел на стульчике старик, он то ли охранял что-то, то ли еще что. На нем были шорты и майка, в руках он держал чашку с едой, не спеша управлялся палочками и при этом еще что-то мурлыкал себе под нос. Меня заморозил его вид. В нем было то, что, может быть, выражает нацию, национальный характер. Отношение к старости. С одной стороны, он вынужден трудиться, хотя у него далеко запенсионный возраст, но он явно счастлив. Счастлив, что здоров, что приносит в семью доход, что он нужен людям. Потому-то и распевал себе песню, не обращая внимания на суету города. Сидел на своем стульчике, пел и смотрел на черное южное небо...

Мы зашли в стеклянную дверь и оказались в большом просторном зале, уставленном столами. Повсюду сидели люди, бежали официанты, видны были повара на кухне. Мы сдвинули два стола и расселись. Как всегда, еды принесли очень много. Подали блюдо с едой непонятного вида.

— Что это? — спросил я Ли.

— Это бэнди. Бэнди осень вкусно! Есть маленький бэнди, есть большой бэнди. Ешь бэнди, — ответил Ли.

Мне стало понятно, что надо есть. Я охотно подчинился. Так и не знаю, что же такое бэнди.

Но очень вкусно.

ВОКРУГЪ СВѢТА

ЖУРНАЛЬ ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ НА СУШЬ И НА МОРЬ.

Мост-канат в Тибете

Согласились бы вы, читатель, переправиться через реку по подобному мосту? Я думаю, что, во всяком случае, вы предпочли бы ему мост более сложной конструкции. Но Тибет — страна совершенно дикая, упорно отбывающаяся от всякой цивилизации, и там не редкость встретить даже через широкую реку мост, состоящий не более как из каната, переброшенного с утеса одного берега на утес другого. Туземцы пользуются подобными мостами, употребляя способ, представленный на этом рисунке.

Полярные экспедиции Нансена и Пири

Читатели "Вокруг света", конечно, помнят о смелых исследователях северных полярных стран: Dr. Нансене, вышедшем весной прошлого года на Fram с 12 спутниками из Вардо в 3-4- летнее путешествие к северному полюсу, и англичанине Пири, который с той же целью отправился полтора года назад на санях через Гренландию.

Нансен, как известно, благополучно проследовал через Карское море по направлению к устью Лены. Отсюда он намеревался искать то предполагаемое течение, которым обломки погибшего в 80-х годах у устья Лены французского судна Jeanette были принесены к берегам Гренландии. Существует мнение, что обломки Jeanette были доставлены в Гренландию течением, ведущим через Полюс.

В настоящее время в Daily Graphic появилась заметка, что эскимосы, кочующие около Сермилидака и Сермелика, видели в большом расстоянии от берега затертое во льду судно, которое по своей внешности очень напоминает Fram.

Неизвестно, насколько это сообщение справедливо, но обе местности лежат на том пути, которым Нансену следовало вернуться в Гренландию. Семь лет тому назад Нансен вернулся из своей полярной экспедиции именно около Сермелика.

Во всяком случае, принимая во внимание дальность и трудности пути, столь быстрое возвращение говорило бы за неуспех норвежской экспедиции.

Что касается английской экспедиции под управлением Пири, то последняя, по словам Vossische Zeitung, без успеха вернулась обратно.

1 апреля экспедиция снялась с зимовки и с 63 собаками отправилась к северу. Эскимосы сопутствовали Пири лишь 100 английских миль и затем вернулись обратно, после чего Пири продолжал путь с 2 спутниками и 48 собаками. К концу второй недели экспедиция оставила за собой 200 английских миль и находилась на высоте 7000 футов над уровнем океана; здесь свирепствовали сильные ветры, и термометр по Фаренгейту показывал 30-

Мост-канат в Тибете

45 холода. В следующую неделю экспедиция прошла еще 100 английских миль, но в течение четвертой недели, вследствие переутомлений и лишений, почти половина собак лишилась сил, и пришлось оставить несколько саней и сократить груз. На оставшихся двух санях было промерено еще 122 мили, и достигнута высота 8000 футов. Здесь воздух оказался столь разреженным, что из носа шла кровь и трудно было дышать; из провианта осталось лишь сырое замороженное мясо, которым должны были питаться и люди и собаки. Скоро и последние 11 собак лишились сил, и сани пришлось тащить самим путешественникам.

...Экспедиция продолжала путь и достигла, наконец, находящегося на восточном берегу залива Independance-Vai. Не имея больше запасов и физических сил, чтобы продолжать путешествие, решено было идти обратно, и после 25-дневного перехода по снегам и льдам экспедиция достигла своей зимовки.

1895 г.

«РАБОЧИЕ ЛОШАДКИ» НЬЮФАУНДЛЕНДА

Ньюфаундлендские пони — выходцы из вересковых пустошей Британии — в начале XVII века были привезены переселенцами в Новый Свет. Эти небольшие лошади хорошо освоились на новом месте. Сильные, выносливые, способные легко переносить жестокие зимы, ньюфаундлендские пони были когда-то главными «рабочими лошадками» самой восточной провинции Канады — Ньюфаундленд. Еще в начале этого века около десяти тысяч пони были заняты на пахоте, на лесоразработках и лесозаготовках, а в упряжи они тянули возки или сани с пассажирами. Кроткий нрав издавна сделал их любимцами и детей, и пожилых людей.

Однако, сейчас осталось немногим более 200 этих трудолюбивых животных. Их потеснили вездеходы и снегоходы. Кроме того, в 70-х годах тысячи пони были проданы на мясокомбинаты.

Э.Фрэйзер — отставной ветеринар решил взяться за восстановление поголовья этого почтенного животного. Сейчас в его распоряжении 25 породистых кобыл и 6 рабочих жеребцов.

Журнал «National geographic» сообщает, что в городе Сент-Джонс, административном центре провинции Ньюфаундленд, Фрэйзер официально зарегистрировал попечительство над пони. Он покупает оставшихся пони и создает условия для их разведения. Работа Фрэйзера получила поддержку в 1994 году со стороны администрации провинции, которая единодушно проголосовала за присвоение пони звания «живого наследия».

В.ВИНОГРАДОВ

БОЛОТА «УПРАВЛЯЮТ» ОЛЕДЕНЕНИЕМ?

Шведский ученый Ларс Францен предполагает, что судьба значительной части болот Земли, расположенных главным образом в умеренной зоне Северного полушария, может быть связана с циклами оледенений. Географическое распределение топей обладает заметным сходством с очертающими районов, подвергавшихся оледенению в ледниковые эпохи.

По мнению исследователя, торфяники не только порождают оледенение, но и «отдают команду» ледниковому покрову к отступлению. Во время таких отступлений площади, занимаемые болотами, постепенно расширяются, поглощая из атмосферы все больше углерода (сейчас они изымают примерно по 100 млн. тонн этого вещества в год). В ре-

зультате уменьшается «парниковый эффект» в воздушной оболочке планеты. Начинается похолодание. Ледяной покров вновь разрастается и перекрывает значительную часть торфяников. «Омертвелое» болото, оказавшееся под ледовым покровом, начинает разлагаться и возвращать накопленный им углерод обратно в атмосферу, что приводит к очередному потеплению. Вот такой болотно-ледниковый круговорот.

Не все климатологи полностью принимают гипотезу шведского ученого. Но видный специалист Ли Клинджер из Национального центра атмосферных исследований США признает, что «торфяные болота могут быть важной частью биологического механизма, способной вызывать оледенение».

Ларс Францен отмечает, что за последний 1 млн. лет оледенения постепенно преобразовали рельеф больших площадей в Северном полушарии в такой, который является наиболее благоприятным для образования переувлажненных территорий. Это и объясняет тот факт, что периоды потепления за последнее время стали короче — вместо 500 тыс. лет они теперь охватывают периоды протяженностью менее 30 тыс. лет. Критические этапы оледенений ныне наступают раньше, чем до сих пор, так как торфяные болота разрастаются все быстрее и быстрее. Следовательно, ледниковые эпохи и межледниковье должны теперь сменять друг друга чаще, чем ранее. Означает ли это, что планете грозит в будущем скорее похолодание, нежели потепление климата, пока не ясно.

Б.СИЛКИН

И СНОВА ПИТКЭРН

Три года назад республика Сан-Марино перестала быть самым малым по численности населения государством среди членов ООН. Этот своеобразный титул перешел к островному государству Питкэрн, 176-му члену этой всемирной организации.

Питкэрн совсем невелик; его площадь — всего 5 квадратных километров, население — 65 человек (данные 1992 г.). Он расположен в южной части Тихого океана, примерно на полпути между Австралией и Южной Америкой, в стороне от оживленных морских дорог (25 градусов южной широты и 130 градусов западной долготы — совсем недалеко от Южного тропика Козерога).

С 1825 года Питкэрн стал владением Британской империи, входил и в Британское содружество наций, управлялся от имени английской королевы верховным комиссаром Новой Зеландии. Сейчас экономическое положение маленького государства прочнее, чем у многих, значительно более крупных стран. Доходы от широкой продажи почтовых марок государства Питкэрн филателистам всего мира, ценящим их за экзотический характер, а также от торговли овощами,

фруктами и изделиями ручной работы, превышают расходы на приобретение необходимых островитянам муки, мяса, сахара, строительных материалов и мотоциклов.

Своеобразно население острова. Оно почти полностью состоит из потомков членов команды английского брига «Баунти». Этот военный корабль в декабре 1787 года был направлен английским правительством к островам Полинезии, чтобы привезти оттуда образцы пород хлебного дерева и других ценных растений для разведения их в британских владениях в Вест-Индии. В результате бунта команды корабля (истории этой и ее продолжению посвящены многие книги и кинофильмы) капитаном брига становится мичман Флетчер Крисчен.

Часть восставшей команды «Баунти» в поисках надежного пристанища оказалась на Таити. Их судьба была печальной. Через год английский военный корабль захватил и доставил их в Англию, где они были казнены. С Крисченом на «Баунти» отправились дальше 8 английских моржков, их жены-таитянки и еще шесть туземцев с женами. После длительного плавания они решили высадиться на острове Питкэрн. По приказу Крисчена «Баунти» был затоплен в бухте острова. Английские военные корабли отыскать беглецов не смогли.

Однако дела у них не заладились. Только год на острове царили мир и согласие, затем начались столкновения, заговоры таитя против европейцев, конфликты из-за женщин. Был убит и Крисчен. Через пять лет из тридцати восьми человек (из них 8 детей) на острове остался один Адамс с девятью женщинами и 22 детьми. Этот простой матрос сумел обеспечить спокойствие в колонии, которая начала увеличиваться после того, как подросшие дети стали вступать в браки друг с другом. Когда в 1824 году к острову случайно пристало английское судно, колония, возглавляемая патриархом Питкэрна шестидесятилетним Адамсом, насчитывала 76 жителей и процветала. В 1825 году Англия объявила Питкэрн своей колонией, Адамс был прощен. Его именем теперь называется столица государства, единственный населенный пункт — Адамстаун.

В настоящее время Питкэрн возглавляет прямой потомок в седьмом поколении одного из бунтовщиков — членов команды брига «Баунти». Он, несмотря на малые размеры государства Питкэрн, по уставу ООН, имеет право на столь же продолжительное выступление с речью в Генеральной Ассамблее, как и главы других стран, включая США, Великобританию и так далее.

Двое из молодых граждан Питкэрна учатся сейчас в гимназии в Новой Зеландии. Не исключено, что это будущие представители Питкэрна в ООН. В единственной народной школе на острове учатся еще 8 девочек и 5 мальчиков. Островитяне верят в будущее Питкэрна.

П.БАХАР

СНОВА НА ПОЛЮС

Продолжение. Начало см. на стр. 2.

Неожиданно совсем близко появляются два человека. Они почти бегут. Их догоняет третий. Останавливаемся. Нас разделяет неширокая, метров в 10, трещина. Это лидер свердловчан Николай Рундквист с двумя участниками пешего перехода. Парни с восторгом делятся впечатлениями, ревностно ведут подсчет купаниям, но, как нам показалось, немного завидуют нам...

Пожелав друг другу удачи, мы расстались. Теперь впереди нас оставались только Мишура Обо и Берг Оусланд.

25 марта. Пара утренних переходов привела нас к разводью, шириной метров 15-20. Противоположный берег медленно скользил куда-то влево, отражаясь в густой черной воде. Трещина шла на северо-восток, так что, не особенно задумываясь, мы двинулись вдоль нее вправо.

Вскоре подошли к большому «колену», которое делала эта трещина. Если направление перемещения полей не изменится, через некоторое время где-то неподалеку они должны будут сомкнуться, и тогда важно будет быстро, без суеты и суматохи успеть перебраться на другую сторону.

Находим ровную льдину, выступающую навстречу приближающемуся «берегу». Правее — высокая гряда то-

росов, дальше тонкий и ненадежный припайный лед, который будет смят моментально.

Ждем. Время тянется медленно, начинаем замерзать, натягиваем теплые куртки. Первые предположения не оправдались. Противоположное поле, на которое мы прицелились, проползло мимо, правда, трещина действительно значительно сузилась. На нас вместо ровного поля навдвигались ледяные громады, по которым и без живого торошения лезть не просто.

Мы стоим на краю льдины, ожидая, что будет дальше. Вначале по воде пошла своеобразная гармошка из тонкого, едва заметного ледка, затем поползли друг на друга наслоения более толстого льда. И вот соприкоснулись гряды торосов.

Пронизывающий тонкий писк льда словно пронзил нас до самых пяток. Льдина задрожала, потом вибрация чуть затихла, и мы стали подниматься вместе с льдиной на уровень наступающей гряды торосов, которые, почему-то полезли вниз. Движение полей стало прерывистым, с короткими, в несколько секунд, паузами.

В подобных ситуациях одному человеку действовать все же проще. Моменты, когда можно успеть перескочить эту критическую зону и отойти на безопасное расстояние, все-таки есть. Но что делать, если успеет один, успеет двое, пятеро, а остальные — нет?

Жду, когда ситуация немного ста-

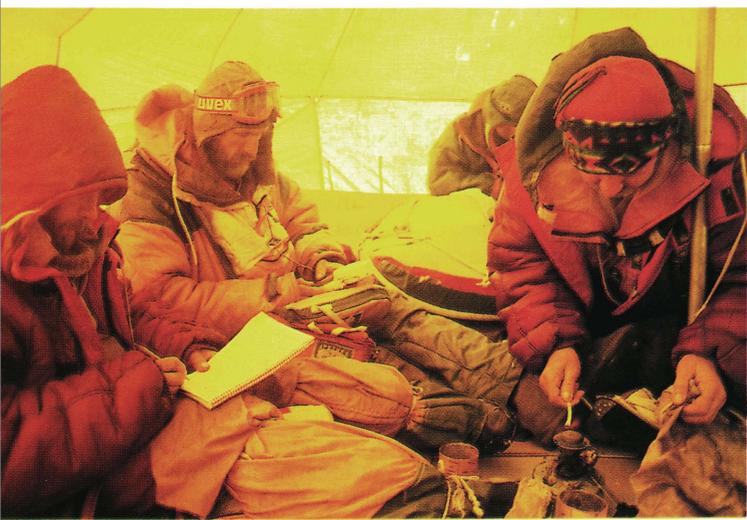
билизируется, начинать переправу пока не решаюсь. Между тем наша льдина дала трещину и начала медленно вставать на дыбы. Вот как раз тот случай, когда для других здесь дороги бы уже не было.

Вдруг что-то тяжело ухнуло. Наша льдина резко опустилась, и поверх нее хлынула ярко-зеленая вода. Крутя водовороты, она стремительно наступала на нас, пропитывая снег и превращая его в глубокий слой «киселя». Край льдины, где мы стояли несколько минут назад, возвышался над всем этим хаосом, а следы наших лыж на этой почти вертикальной стене выходили из-под воды и вели в небо.

Наконец мы стряхнули оцепенение. Вокруг все замерло, замолчало. Непривычная тишина давила на уши. Через какое-то время скрежет раздался вновь, но звуки шли откуда-то слева. Путь был открыт.

Нужно было срочно уходить на противоположную сторону. Расчистив ледорубом проход к вертикально стоящей льдине, мы, практически по ее ребру, как по мосту, перебрались на противоположный берег и принялись за работу, распределившись вдоль всего этого проторенного пути, передавая рюкзаки, сани и лыжи «по цепочке».

Уже заканчивали переход, когда вновь все зашевелилось. Последним, как всегда, шел наш фотограф Витя Русский. Ловил кадр. На этот раз пришлось ловить его самого и кофр с его бесценной аппаратурой.

После трудных дневных переходов — через торосы, трещины, разводья — отдых в палатке кажется блаженством. Мирно гудят примуса, настраивая на лирический лад. Мы чувствуем себя дома...

А за тонкой капроновой стенкой ледовый мир живет своей жизнью. Стоит хоть на мигновение забыть об этом, как скрежет льдин и завывание ветра возвращает тебя в реальность.

Как только мы встали на лыжи, недавние переживания отступили, и через минуту все внимание сосредоточилось на том, что ожидает нас впереди. Мне давно знакомо это ощущение. Видимо, пройденное препятствие уже перестает им быть, а значит, и моментально теряет для нас практический смысл. Остаются только воспоминания.

26 марта. Мы уже выработали своеобразную тактику, позволяющую максимально сокращать потери времени на ремонт саней. Вечером — тщательный осмотр, утром — мелкая починка, а во время дневной остановки на обед — серьезные ремонтные работы.

Запасные лыжи тают на глазах. Из восьми осталась нетронутой только одна. Наша творческая рационализаторская мысль лихорадочно работает, и появляется идея использовать пластиковые бутылки, в которых мы везем бензин и спирт.

Если у бутылки отрезать горловину и дно, а затем стенку оставшегося цилиндра разрезать вдоль, получится прямоугольник; накладывая эти прямоугольники друг на друга, словно чешую, можно залатать любую пробоину в полозе. Важно только обеспечить его жесткость. Для этого внутри полоза закрепляются все те же полуторалитровые бутылки с бензином, и все это туго прищуровывается тонкой капроновой стропой.

Главное — усилить переднюю часть этой скользящей поверхности, для чего очень хороши банки из-под растворимого кофе.

Этот метод ремонта нас впоследствии здорово выручал. Но решение, которое было найдено во время ремонта санок у Виктора Шарнина, достойно Книги рекордов Гиннеса.

Тогда идея с «чешуей» еще окончательно не сформировалась, а на раздумья и на сам ремонт времени было мало. Решено было снаружи по полозу пустить широкий капроновый ремень. А чтобы придать конструкции необходимую жесткость, в ход пошла копченая колбаса, попавшаяся на глаза ремонтникам. Два ее замороженных батона великолепно легли в полоз, словно в форму. Осталось только надежно закрепить их, но главное — сделать это быстро, пока наш грозный завхоз Валерий Андреевич Таякин не успел опомниться.

«Операция» прошла успешно и, забегая вперед, можно смело утверждать, что наша колбаса — лучшая колбаса в мире. Она благополучно доехала до самого Полюса. Правда, пришлось одна треть ее все же стесалась о дрейфующие льды Северного Ледовитого океана...

С моими санями фокусы с «чешуей» не проходят. Не выдерживают даже полозья из лыж, выкрашиваются. Приходится оставшийся кусок от лопаты крепить и к левому полозу. Теперь это уже не сани, а настоящий танк. Если тянуть его по уже проложенному следу — терпеть можно, но идти первому по рыхлому снегу в торосах — нужны нечеловеческие усилия.

До ночевки дотянул на одной воле. В глазах темно. Ребята говорят, что рядом проходит какой-то одиночный след. Кто-то шел по лина лыжах, то ли на снегоступах. Вероятнее всего, это следы Берга Оусланда, посмотрю утром. Сейчас мне не до Берга и не до Мицеры.

27 марта. Подходит к концу вторая неделя, как мы вышли на лед. Продвинулись всего на 80 километров. В среднем это меньше, чем по 6 км в день. Таких низких темпов движения у нас не было ни в 1989-м, ни в 1990-м. Правда, тогда не было и такого груза. Чувствуется, что у мужиков моих начинают закрадываться сомнения — а одолеем ли?

Прошу всех внимательнее посмотреть, что у каждого в рюкзаке и в санях. Чувствую, что тащим слишком много лишнего. Сборы на о. Среднем были настолько скорыми, что досконально разобраться со снаряжением каждого было просто невозможно. Правда, в команде нашей новичков нет. У всех по 25-30 лет экспедиционного стажа. Сами все понимают, да и говорили не раз о том, что вес индивидуального снаряжения не должен выходить за 10 кг, ведь все это тащить нам самим.

Разговор на эту тему все-таки возымел действие: килограмма по два-три удалось сбросить каждому.

Мне приходится перераспределять груз. Больше кладу в рюкзак, облегчаю носовую часть санок. Это сразу же сказывается, и теперь можно быть уверенным, что сани пойдут легче. Если бы еще парни почаще выходили на тропежку. Но, очевидно, пока говорить об этом рано. Видимо, каждый выкладывается настолько, насколько может.

Почти у каждого какие-то проблемы. Но больше всего не повезло Ивану Федоровичу. При падении в торосах получил сильный ушиб мышцы бедра, и теперь наш завхоз, он же массажист, Андрееч не дает пострадавшему покоя и почти каждый вечер устраивает ему сеансы массажа. На лыжне Иван — лидер, и мириться с тем, что он не может взять на себя нагрузку тропящего, ему, конечно, нелегко.

Чаще всего мне на смену выходит Василий Васильевич, горноспасатель из Норильска. При его явно не богатырском весе и росте тащить 100-килограммовые сани по всей теории просто невозможно. Василию приходится больше брать на плечи, чтобы как-то компенсировать недостаток собственного веса. Только после этого удается перехитрить законы физики и выходить победителем в единоборстве с санями. Парень этот, похоже, не двуязычный, а многоязычный.

То, что получается у него, — под силу далеко не каждому. Взять хотя бы его одиночные лыжные сверхмарафоны по Таймыру. А если еще рассказать о его четверых ребятишках... Уникальный человек.

Начинает пробовать себя на тропежке Виктор Владимирович — как мне показалось, главная надежда томичей. Он всегда в прежних путешествиях брал на себя роль штурмана, впередсмотрящего. Основная слабость Виктора Владимировича — давать полезные советы. Часто, подойдя к очередному препятствию, Владимырьч снимает рюкзак, отцепляет сани и, взобравшись на обзорную точку, пускается в пространные объяснения — как, по его мнению, лучше пройти в торосах. Сквозь ветер и натянутые на голову капюшоны ничего, конечно, не слышно, но, по выразительным жестам и открывающемуся рту, мы понимаем, что Виктор Владимирович все еще дает свои рекомендации. Нередко, так и не дождавись «впередсмотрящего», группа продолжает движение, а Виктор Владимирович пристраивается в кильватер всей нашей колонны...

На это можно было бы не обращать серьезного внимания, но порой Владимырьч умудрялся давать советы, идя вторым, третьим, а то и где-то из хвоста колонны, делая при этом завидные рывки, говорящие о скрытой в его теле мощи.

Несмело пробует свои силы Борис Дмитрич, но 15-20 минут его тропежки,

как правило, заканчиваются в непролазных торосах, откуда потом очень долго приходится выбираться, и нередко «челноком».

Нашим операторам Виктору Русскому и Ивану Кужеливскому достается и без тропежки, а Андрееча не пускает вперед старая травма. В 1991 году на Земле Франца-Иосифа порвал сухожилие, теперь ходит с лавсаном, так что надо быть осторожнее, а на тропежке это практически невозможно.

29 марта. Наконец-то вчера под вечер пересекли 82-ю параллель. Далась нам она не просто, но главное — движемся...

Если говорить откровенно — март нас порадовал погодой. Мы были готовы встретить морозы под 45 градусов, а температура держалась в среднем около 25.

Солнце, если и скрывается, то ненадолго, хотя для нас это не так уж и важно. В прежние годы мы только по солнцу могли определить свои координаты. Сейчас используем надежный японский навигационный прибор, который в считанные секунды показывает наши координаты с точностью до десятой доли секунды. Фантастика.

Мы можем безошибочно определить нужный азимут, пройденный путь, насколько наш лагерь отдрейфовал за ночь или за время обеденной стоянки и многое другое, что заложено в компьютерную программу, однако стараемся этим не злоупотреблять — бережем аккумуляторы.

На аккумуляторах у нас вся техника: радиостанция, видеокамера, навигационная аппаратура и даже фотокамеры. Выручает солнечная батарея. На каждом обеде она в работе — идет заряд. Если бы не солнечная батарея — вряд ли нашему видеооператору удалось бы отснять столько великолепного материала. Ведь на морозе штатная батарея разряжается буквально через пару-тройку минут работы.

Да и радиосвязь вряд ли могла бы быть такой устойчивой и надежной. С ужасом вспоминаю май 1990-го, заключительный этап нашей полярной экспедиции, когда наши сигналы перестали доходить до «базы». Тогда на себе, в спальнике отогревали «мертвые» аккумуляторы для того, чтобы в назначенное время подать короткий сигнал, означающий, что мы на Северном полюсе и с нами все в порядке.

Сейчас каждый вечер передаем на Средний «новости с маршрута», а Василий Ленков подробно докладывает нам: Мицура уже на широте 85° 11', Берг Оусланд несколько западнее, в пяти минутах от 85 параллели. Проходят за сутки по 11-12 минут. Нам пока это не удается, хотя на той широте, где сейчас находимся мы, они тоже выглядели довольно скромно.

30 марта. Живем по установившемуся режиму. В 4.30 встают дежурные, готовят завтрак и через час поднимают остальных. Около часа-полтора на утренние сборы. До обеда нужно сделать четыре перехода по 60-70 минут с 10-15 минутными перерывами для отдыха.

Во время коротких «пятиминуток» обязательная подкормка: орехи, курага, шоколад, изюм, конфеты и т.п. Со временем «технику» подкормки усовершенствовали: стали раздавать причитающиеся на день «восточные сладости» по утрам, чтобы избавить тех, для кого эти продукты еще и просто груз, заниматься дележкой на морозе. Это несомненный плюс для одних, но одновременно и невероятное искушение для других.

Обед, как правило, занимает около 2,5-3 часов. Быстро устанавливаем палатку, выстилаем коврики, и при желании можно даже выкроить часок для сна. Безусловное лидерство в этом деле захватил Иван Федорович. Порой не успеваем поудобнее расположиться в кружок и вытянуть гудящие от усталости ноги, а из дальнего угла уже доносятся мерное сопение — Иван Федорович «восстанавливается».

После обеда вновь четыре перехода общей продолжительностью от 4 до 4,5 часов и остановка на ночлег. В 21.00 связь с «базой», ужин и около 22-23 — отбой.

Коррективы в этот распорядок дня вносят только ремонты, которых, кстати, стало меньше, и серьезные препятствия в виде разводьев, зон торошения и т.п., о чем сказать, что их стало меньше, нельзя.

3 апреля. Утром, примерно в километре от лагеря, увидели огромный айсберг — словно далекий остров с горными вершинами и долинами рек. Картина фантастическая, но тяжелейшая дорога быстро поглощает наше внимание. Труднопроходимые торосы и глубокий снег, кажется, вцепились в нас мертвой хваткой.

К концу первого перехода появились широкие, до 200 метров, разводья. Обходим восточнее. Только часа через два картина с полынью стала меняться. Она как бы раздваивается, образуя небольшой ледовый остров. На этот остров можно перебраться по хлипкому ледовому мостику, а вот от противоположного берега его отделяет другая, постепенно сужающаяся трещина, покрытая тонким ледком.

Если не попытаться счастья здесь, то говорить о каких-либо перспективах на сегодня нет никаких оснований. Разводья простираются к востоку до самого горизонта, и что там нас может ждать, знает один лишь Господь Бог.

Перебираемся на остров и встаем на обед часа на два раньше времени. Есть надежда, что за это время трещина сузится и лед уплотнится. Кроме того, и мороз в 35 градусов должен помочь.

Обед позади, но наши надежды не оправдались. Подвижки совершенно прекратились, и ждать чего-то бесполезно. Голова трещит от напряжения — пытаюсь изобрести реальный и по возможности безопасный способ перебраться через трещину, покрытую льдом не толще 3-3,5 см.

Пока ребята в палатке, выбираю место предстоящей переправы. С нашей стороны у ледового берега находится низкая, вполне надежная льдина, которая может служить началом переправы. Сразу за ней идет тот самый тонкий лед, который легко протыкается штычком лыжной палки, а следовательно, не может долго выдерживать большого веса. Общая длина этого участка около 10 метров, но и ширина тоже ограничена, не более 15 метров. Слева пускает солнечные зайчики легкая рябь открытой воды. Справа цвет льда значительно темнее, а это значит, что толщина его ничтожна.

Осторожно ступаю на лед, оставив позади припайную льдину. Пытаюсь распределить вес на лыжи и на палки как можно более равномерно, пошире расставить лыжи, нагрузить палки. Один скользящий шаг, второй, третий. Лед прогибается, но пока держит. Без малейшей паузы, пятясь, начинаю двигаться по своему же следу в обратном направлении.

Несколько тягучих мгновений, и я на надежной льдине, а впереди меня след лыж, доходящий до середины этого коварного места. Теперь, если не начнутся подвижки, есть надежда перебраться.

Срочно снимаем лагерь, разгружаем единственные уцелевшие санки, которые тянет Виктор Русский. До стаем длинные концы репшнура и парашютных строп.

Теперь главная задача ложится на Василия Васильевича. Его 50 килограммов живого веса — это не мои 92, и лед должен выдержать наверняка.

Короткий инструктаж, напутствие, и Вася выходит на лед. Даже под его далеко не богатырским весом лед прогибается так, что смотреть на это жутко — ведь под ним около 4 километров воды, это больше, чем два наших часовых перехода...

Но глаза боятся, а руки, вернее ноги, делают. Через минуту Вася уже на противоположном берегу! Теперь дело техники. Перекидываем ему удлиненную репшнуром носовую веревку первых санок, другую веревку, прикрепленную к их корме, оставляем у себя. Первые санки медленно поползли к Васе.

Переправа заняла около полутора часов. Лед проламывался трижды. Вначале под Виктором Владимировичем, которого отправили на подмогу к Василию на разгруженных санях, потом под моими санями, окованными лопатами, которые просто прорезали эластичный лед, а напоследок и подо мной. Но это уже был последний рейс, и то, что после меня вместо мостика осталось месиво из мелкораскрошенного льда, нас уже не могло беспокоить.

Это была напряженная и красивая работа, где все действовало отлично.

До вечера успели сделать еще два перехода. Сидя в палатке, разгоряченные порцией глинтвейна, мы делились впечатлениями об этой необычной переправе до самого отбоя.

5 апреля. Вчера не дотянули до 83-го градуса всего 54 секунды. А сегодня Арктика преподнесла нам редкий сюрприз: ночью с дрейфом мы пересекли 83-ю параллель и теперь находимся на широте 83° 00' 16".

Ребята, кажется, осваиваются с тропежкой. Попробовал Андреич, немного потоптал снег Иван Федорович, но его мы быстро прогнали в хвост колонны. Подвиги и победы, даже над собой, здесь не нужны. От него с его травмой сейчас требуется совсем не это. Все должно быть рационально, грамотно и без надрыва.

Вчера немного потеплело, до минус 30 С, а сегодня вновь 37. Движение затрудняет глубокий рыхлый снег. Тропежка очень тяжелая. На последнем переходе, чтобы избежать необходимости барахтаться в глубоком снегу среди ледовых джунглей, воспользовались узкой «речкой» — недавней трещиной, которая шла почти строго по нашему курсу.

Около часа все шло действительно просто замечательно, и мы без особого труда, боясь сглазить, шли по ровной поверхности молодого льда, сквозь невообразимый хаос, который окружал нас.

Словно по расписанию, ко времени остановки на ночевку, трещина сузилась и сомкнулась. Мы выбрались из нее на последнюю ровную площадку и ужаснулись тому, что предстояло нам преодолеть завтра...

Окончание следует

Женевьева Ренсон целый год готовилась к своему двенадцатому путешествию по Африке, задавшись целью найти и сфотографировать одну из редчайших африканских птиц. Ничто не обещало фотографу счастливого случая. Однако только ему, господину Случаю, бесстрашная француженка, прошедшая через все перипетии опасной экспедиции по болотам северо-восточной Замбии, обязана своими лучшими фотоснимками.

Самая большая трещотка Африки

Птица, на поиски которой отправилась Женевьева Ренсон, — королевский китоглав (*Balaeniceps rex*). А.Э.Брем в «Жизни животных» говорит о китоглаве как об «одной из самых замечательных птиц Африки и даже одной из самых своеобразных птиц всего света». Эти птицы — большая редкость, настоящий раритет. Их можно повстречать небольшими стаями, а чаще в одиночку исключительно в Африке, в болотистых районах верховьев Нила, в Судане, Уганде, Танзании, Руанде, Заире и Замбии. Специалисты предполагают, что их популяция составляет в общей сложности десять-пятнадцать тысяч особей.

Отличительная особенность *Balaeniceps rex* — мощный клюв, очень похожий на тяжелый деревянный башмак, за что нередко птицу называют еще башмакоклювом. Арабские ученые-путешественники дали ей имя Абу Маркуб, что значит «Отец башмака».

Относятся ли башмакоклювы к аистам, цаплям, пеликанам или иному виду пернатых, учеными окончательно не выяснено. Но твердо установлено, что их клюв — около 20-30 сантиметров длиной — в отряде боевых птиц самый мощный.

Интересно, что другие представители отряда боевых птиц — цапли и ибисы — нередко собираются в стаи вокруг клювастых одиночек, чувствуя себя в безопасности рядом с этими устрашающего облика и внушительных — до полутора метров длиной — размеров птицами.

Перед тем, как отправиться в экспедицию, Женевьева Ренсон беседовала со всеми очевидцами, которые встречали необычных птиц с мощным клювом, тщательно изучала все сообщения, касающиеся *Balaeniceps rex*.

К сожалению, это мало что дало. Во всяком случае, ясно было, что в Замбии, по мнению ученых, эти пернатые гнездятся многие годы, в то время как в других странах Африки были отмечены всего-навсего только промежуточные места отдыха отдельных одиноких птиц.

И вот в Замбии, южнее озера Бангвеулу в болотах Кафуе, раскинувшихся на территории в 8000 квадратных километров, Ренсон находит районы довольно плотной популяции башмакоклювов.

Женевьева хорошо знала, что для успешного исследования и фотографирования редких представителей фауны Африки, в частности и в этих малонаселенных, почти первозданных регионах, нужно следовать непреложному правилу натуралистов — быть в определенном месте в строго определенное время. Правда, это правило умалчивает о том, сколько мужества и сил нужно для того, чтобы найти это место и в нем вовремя появиться, особенно когда все это происходит в болотах Северо-Восточной Замбии.

Отваге и поразительной целеустремленности путешественницы нельзя не удивляться. Ведь даже рыбаки замбийского народа бемба, живущие в этих краях, не отваживаются забираться туда, где вполне можно заблудиться среди однообразных берегов болотных водных потоков и где приятный в качестве ориентира, покрытый плотной растительностью холм может запросто бесследно исчезнуть.

По их мнению, в марте, в самой середине сезона дождей, отправиться пешком на разведку в эту обманчивую и жутковатую местность, как это сделала француженка, равняется попытке самоубийства. И рыбаки наоборот отказались быть ее проводниками: здесь даже твердой, казалось бы, надежной поверхности нельзя доверять. Под тяжестью человека она может внезапно уйти в трясину, где его подстерегают хищные, подчас ядовитые зубы болота — жирные водяные змеи и крокодилы, укрывающиеся под берегами плавающих островов.

После многодневной разведки — на самолете и на лодке — Женевьева пробралась наконец именно туда, куда так стремилась. Здесь, совершая пешую разведку со своим неразлучным тяжеленным рюкзаком, она не раз, к счастью, только по шею, проваливалась в болото, проклиная в серд-

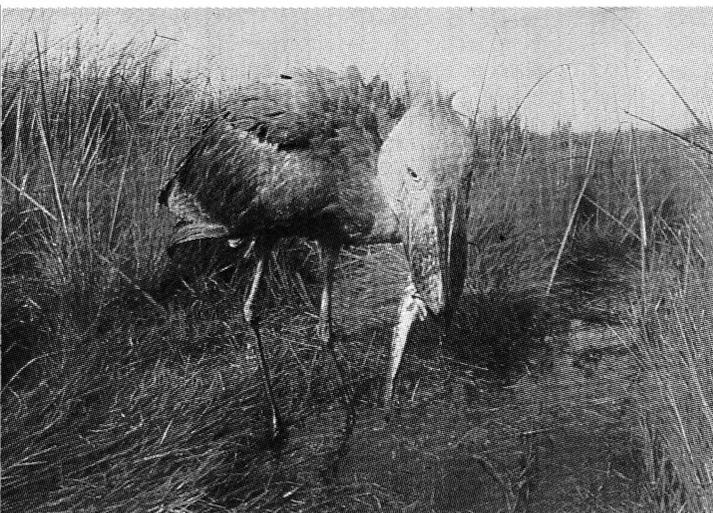
цах его коварство, пока не обнаружила в центре болотистой местности вполне подходящий островок на надежном, устойчивом грунте. Здесь и устроила она базовую стоянку.

...Вокруг до самого горизонта простирался ковер тростников и буйных трав; лишь кое-где виднеются редкие кустарники и одинокие деревья. Это своеобразное покрывало болота, под ним скрывается полное воображаемых и вполне реальных ужасов необозримое водное царство: таинственные омуты, трясины и гнилые булькающие вонючими испарениями пруды. А там, где появляются прогалы в растительном покрове болота, светится бодрящая, чудесная синь отраженного в воде тропического африканского неба. Медленно вращаясь, дрейфуют по ней плавучие острова из болотно спутанных гниющих и живых болотных растений. Кое-где из глубины на поверхность вырываются пузыри болотных газов, и запах падали наполняет неподвижный воздух. На многие километры ничто не напоминает о человеке, как будто он еще вовсе не появился на земле...

Тем не менее отважная представительница рода человеческого уже поставила на островке маленькую портативную палатку, а в развилке довольно крепкого приземистого дерева устроила закрытое ветками и противомоскитными сетками наблюдательное гнездо.

И вот уже, часто отирая пот со лба и то и дело стягивая со своих ботинок и плотно перевязанных на лодыжках брюк десятки кровожадных крылатых насекомых, которые проскальзывали даже через сетку, Женевьева опять проверяла свое снаряжение, камеры, штативы, объективы, пленки. Все было в состоянии готовности номер один. Только виновник всех этих приготовлений — башмакоклюв совсем не торопился появляться. Правда, Женевьева Ренсон уже успела убедиться, что без достаточного запаса терпения и выдержки ей не добиться цели.

Башмакоклюв вовсе не первый объект ее экспедиций. С 1969 года она

совершает все более дальние и длительные вояжи из своего родного Парижа, неутомимо выслеживая с фотокамерой почти неизвестных, редко встречающихся, иногда находящихся на грани вымирания диких животных. В своих экспедициях Женевьева отдает предпочтение почти неисследованным регионам, почти забытым людьми территориям нашей планеты. Она любит «обособленность тысяч звуков», среди которых отсутствует только голос человека.

Ко времени фотоохоты на башмакочлова путешественнице удалось побывать в Центральноафриканской Республике, в Чаде и Судане, в Заире, Ботсване, на Береге Слоновой Кости, где она разыскивала таких редких животных, как большой куду, бонго, ситатунга, мандрил, окапи, ставших почти легендой, ибо даже ученые очень мало знают о них. Незнакомое, редкое интересно исследователю больше и серьезней, чем то, что известно многим. Так было всегда во всех ее делах.

Так, еще в пятидесятых годах, в пору детства, Женевьева часто проводила лето в сельской местности западнее Парижа, где на задворках роди-

тельского дома открывала и осваивала свои первые «джунгли»: дебри жгучей крапивы и заросли колючей ежевики; через щели в изгороди она выбиралась иногда из мира своей домашней будничной повседневности «на другую сторону».

Окончив школу, Женевьева была коммерсантом, потом четыре года работала в каком-то бюро в Париже, была даже хозяйкой небольшого ресторана в Тунисе.

В конце концов в 1968 году она находит свой путь к независимости и свободе. Женевьева начала работать в парижском агентстве, специализировавшемся на фотографировании редких и примечательных объектов природы. Краски дальних стран, жизнь и привычки диких животных, запечатленные корреспондентами, стали ее страной чудес. И однажды Женевьева Ренсон отправилась в Африку сама.

Два с половиной года сопровождает она исследователей и охотников, переживает приключения полевой походной жизни, начинает понимать, что значит вести наблюдения за природой. Она покупает свою фотокамеру и возвращается в Париж уже мастером фотосъемки.

Многому очень ценному и важному в этом деле Женевьева Ренсон научилась от других, но до многого доходила сама. Может быть, поэтому все свои последующие экспедиции она организовывала только сама и была всегда единственным их участником. И непременно только в полюбленную ею Африку.

В результате ее работы появился атлас фауны Центральноафриканской Республики и книга о жизни обезьян мандрилов. В Париже она получает награды за свои фотоснимки, а многие ученые очень высоко ценят ее наблюдения за жизнью редких и находящихся под угрозой исчезновения диких животных.

...Женевьева Ренсон долгие дни не видит ни одного башмакочлова. Ночами она слышит только топот слонов, пробирающихся через заросли папируса, и изредка неосторожные крики браконьеров. Неделями держит вахту на своем наблюдательном пункте, боясь пошевелиться, чтобы не вспугнуть ненароком башмакочлова. Несколько раз Женевьева все же удалось наблюдать эту неуловимую птицу, да и то вдалеке.

Однако то, что она увидела, мало вдохновляло. Часами стояли эти пернатые одиночки, не двигаясь и вытянувшись во весь рост в зарослях тростника, как столбы, врытые в землю. Причем, как правило, спрятав свой достопримечательный клюв в перьях, плотно покрывающих грудь и зоб. И никаких движений. Затем одна нога складывается под брюхом, а еще через несколько часов выпрямляется. И опять-таки через долгие часы начинает двигаться вторая нога. Некоторые, особо нетерпеливые и подвижные птицы поворачивают также голову на несколько сантиметров и потягивают крылом. И все. Только по отношению к рыбам, безмятежно плавающим в ближайшем водоеме, башмакочловы проявляют проворство. Попавшихся им крупных рыб они легко раздавливают мощным клювом. И снова замирают. А удовольствовавшись своими трофеями, только сильно встряхнут головой, чтобы освободиться от приставших травинки и ветки мощным клювом.

Так же, без всякой спешки, башмакочловы снимаются с места. Летят они медленно и спокойно, поглядывая вокруг. Пролетая над своими сородичами, приветствуют их громким щелканьем клюва. Однако башмакочловы редко сбиваются в стаи. Правда, однажды целых девять башмакочловов собрались одновременно на площади примерно в один гектар, но на очень далеком расстоянии от наблюдательницы.

Уже многие недели Женевьева Ренсон жила на клочке суши в сплошном болоте. Обувь ее стала красного цвета, а одежда была разодрана колючками. И все-таки ей так и не удавалось близко видеть башмакочлова, балансирующего на плавучих растительных островах...

Через шесть месяцев почти бесплодного ожидания Женевьева Ренсон решила перебраться на другое место. И вот тут она повстречала рыбаков — в их сети случайно попались два башмакочлова, один из которых был ранен. Женевьева уговорила рыбаков отдать птиц ей. Она знала, что здешние рыбаки, считая этих больших птиц своими главными конкурентами, не задумываясь, подвергали их обычно короткой и жестокой расправе (хотя это было строго запрещено природоохраной).

Птицы так привыкли к Женевьева, что забыли всякую осторожность и иногда даже позволяли себя погладить. Вот за это время пристальными и близкими наблюдений она окончательно поняла, что главными особенностями характера башмакочловов являются удивительное спокойствие и чувство собственного достоинства. Спустя неделю ее подопечные поправились, и она отпустила их на волю. А за эту неделю она наконец-то сделала много замечательных фотоснимков, о которых так долго мечтала.

По материалам журнала «Гео»
подготовил Р. ТЕДЕР

От бога или от дьявола

Игральные карты известны во всем мире. Но вот где и когда они появились, не знает никто.

Некоторые средневековые теологи считали их «дьявольской выдумкой», которую сатана изобрел, чтобы множить людские грехи. Более здравомыслящие доказывали, что этого не может быть, потому что изначально карты использовались для гадания и других магических ритуалов, то есть для познания воли Божьей.

В качестве доказательств приводились весьма любопытные свидетельства, которые наверняка будут небезынтересны всем, кто когда-либо брал в руки атласную колоду. По одной из версий, изобретение карт приписывалось древнеегипетскому богу Тоту — родоначальнику письменности, счета и календаря. С помощью карт он поведал людям о четырех составляющих мироздания — огне, воде, воздухе и земле, которые олицетворяют четыре карточные масти. Гораздо позднее, уже в средние века, евреи-каббалисты конкретизировали это древнее послание. По их утверждению, масти воплощают четыре класса стихийных духов: бубны — духов огня саламандр, черви — повелителей воздушных стихий силфов, трефы — духов воды ундин и пики — владык подземного мира гномов.

Другие средневековые мистики считали, что карты символизируют четыре «главные стороны человеческой природы»: червовая масть олицетворяет любовь; трефы — стремление к познанию; бубны — страсть к деньгам, а о смерти предупреждают пики. Необыкновенное же разнообразие карточных игр, сложная логика взаимоотношений и соподчинений, чередование взлетов и падений, внезапных неудач и удивительных везений отражает нашу жизнь во всей ее сложности и непредсказуемости. Отсюда и проистекает завораживающая сила азарта, таящаяся в них к вящему негодованию пуритан и ханжей всех времен и народов. В этом смысле с картами не сравнятся ни шахматы, ни домино, да и вообще никакие другие игры.

Впрочем, не менее любопытна и версия, согласно которой в картах якобы отражается... время. В самом деле, красный и черный цвета созвучны представлениям о дне и ночи. 52 листа соответствуют числу недель в году, а не всем понятный джокер символизирует

еще и високосный год. Четыре же масти вполне соотносятся с весной, летом, осенью и зимой. Если каждого вала оценить в 11 очков (он идет сразу после десятки), даму — в 12, короля — в 13, а туза принять за единицу, то сумма очков в колоде составит 364. Добавив «единичного» джокера, получим число дней в году. Ну а число лунных месяцев — 13 соответствует количеству карт каждой масти.

Если же спуститься с заоблачно-туманных высот мистики на почву реальности, то наиболее вероятными представляются две версии происхождения карт. Согласно первой, их создали индийские брамины около 800-го года нашей эры. Другая же версия гласит, что карты появились в Китае в VIII веке в период правления Танской династии. Дело в том, что бумажные деньги служили подданным Поднебесной империи не только для расчетов, но и для азартных игр. Помимо цифровых номинаций на банкнотах были изображены императоры, их жены, губернаторы провинций, что и обозначало достоинство той или иной купюры. А поскольку у игроков не всегда было достаточное количество банкнот, они применяли вместо них дубликаты, нарисованные на листках бумаги, которые в конце концов вытеснили из игр настоящие деньги.

Столь же неопределенно и время появления карт в Европе, хотя большинство историков сходятся на том, что скорее всего их привезли с собой участники крестовых походов в XI—XIII веке. Правда, не исключено, что сей предмет азарта появился на нашем континенте в результате вторжения в Италию в X веке сарацин, как называли тогда арабов, у которых местные жители заимствовали карты. Во всяком случае, в 1254 году Людовик Святой издал эдикт, запрещающий под страхом наказания кнутом карточные игры во Франции.

В Европе арабский оригинал подвергся значительной переработке, поскольку Коран запрещал правоверным рисовать изображения людей. Предположительно родиной карт с фигурами королей, дам и оруженосцев — валетов была Франция, где на рубеже XIII—XIV веков художник Грэгоннер разрисовал для Карла VI картонные листы.

Самая ранняя из известных европейских

карточных колод «Таро»¹ была изготовлена в XIV веке в Ломбардии. В ней были четыре масти, изображенные в виде чаш, мечей, дубин и жезлов или дубинок. Каждая масть состояла из десяти карт с цифрами и четырех картинок: короля, королевы, рыцаря и оруженосца. Кроме этих 56 карт, она включала еще 22 козырные карты с цифрами от 0 до 21, носившие следующие названия: шут, фокусник, монахиня, императрица, император, монах, любовник, колесница, правосудие, отшельник, судьба, сила, палач, смерть, умеренность, дьявол, гостиница, звезда, луна, солнце, мир и судилище.

По мере роста популярности карточных игр в Европе в течение всего XIV века из колоды Таро постепенно исчезли все козырные карты и четыре рыцаря. Правда, остался шут, переименованный уже в наши дни в «джокера». Полные же колоды сохранились только для гадания.

Причин для этого было несколько. Во-первых — стремление отделить мир азарта от таинств оккультизма и магии. Потом, правила игр с таким большим количеством карт были слишком сложны для запоминания. И, наконец, то, что до изобретения печатного станка карты размечали и раскрашивали вручную, и поэтому стоили они очень дорого. Поэтому в целях экономии колода «похудела» до нынешних 52 карт.

Что же касается обозначения мастей, то из исходной итальянской системы с ее мечами — аналог будущих пик, булавами — треф, кубками — червей и монетами — бубей, позже выделились три: швейцарская с желудями, розами, листьями и гербовыми щитами; немецкая с желудями, листьями, сердцами и колоколами, и французская с трефами, пиками, червами и бубнами. Наиболее устойчивой оказалась французская система изображения мастей, которая после Тридцатилетней войны (1618 — 1648 г.г.) вытеснила остальную символику и теперь в ходу почти повсюду.

За последующие 300 лет не один художник пытался ввести в обиход новую карточную символику. Время от времени появлялись колоды, в которых четыре масти представляли в виде зверей, растений, птиц, рыб, предметов домашнего обихода, посуды. В самом начале этого процесса в Германии масти изображались в виде ларцов для церковных пожертвований, гребня, кузнечных мехов и короны. Во Франции появились аллегорические фигуры Свободы, Равенства, Братства и Здравья. Позднее приверженцы социализма даже пытались выпускать карты с изображениями президентов, коммиссаров, промышленников и рабочих. Впрочем, все эти «изобретения» оказались слишком искусственными и поэтому так и не привились. А вот с картами-картинками дело сложилось иначе.

Сегодня редко кто из игроков интересуется биографиями давно исчезнувших персонажей карточных фигур, да и рисунки на картах-картинках в современных колодах мало чем напоминают реально существовавшие личности. Это — не что иное, как стилизация стилизаций, бесконечно далекая от

¹ Иногда встречаются названия Тарот или Тарок. (Прим.ред.)

Карта с изображением Вольтера, заменяющая короля червей

Двойка бубен из немецкой колоды XVI века

Король желудей из немецкой колоды XVI века

Карта Правосудие из колоды Карла VI

первоначальных оригиналов. Между тем первоначально, например, четыре короля символизировали легендарных героев — правителей древности, которыми могли восхищаться европейцы в средние века: Карл Великий, король франков, возглавлял червонную масть; пастух и певец Давид — пиковую, поскольку благодаря своим подвигам он стал легендарным древнееврейским царем; Юлий Цезарю и Александру Македонскому соответственно были отданы бубновая и трефовая масти.

Правда, в некоторых колодах червонный король попеременно изображался то в виде волосатого Исава, то Константина, то Карла I, то Виктора Гюго, то французского генерала Буланже. И все-таки в споре за обладание короной бескровную победу одержал Карл Великий. Современные карты героические черты этого прославленного мужа в виде мудрого старца, укутанного в горностаевую мантию — символ богатства. В левой руке у него меч — символ мужества и власти.

Изображение Давида изначально украшала арфа — как напоминание о музыкальном таланте легендарного царя Иудеи. Во время наполеоновских войн пикового короля недолго изображали в виде Наполеона Бонапарта во Франции и герцога Веллингтона в Пруссии. Но потом справедливость восторжествовала и Давид вновь занял свое законное место среди карточных царственных особ.

Хотя Юлий Цезарь никогда не был королем, он тоже вошел в венценосный ареопаг. Его обычно рисовали в профиль, причем на некоторых старинных французских и итальянских картах Цезаря изображали с вытянутой рукой, словно он намеревается что-то схватить. Это должно было говорить о том, что бубновая масть традиционно отождествлялась с деньгами и богатством.

Александр Македонский — единственный из карточных королей, в руку которого была вложена держава — символ монархии. Правда, на современных картах ее часто заменяет меч — как свидетельство его полководческих талантов. К сожалению, внешность трефового короля стала жертвой безжалостной моды и из мужественного героя с яростным взглядом он превратился в изне-

женного царедворца со щегольской бородкой и элегантными усами.

Первой дамой червей была Елена Троянская. Кроме нее в роли претенденток на этот трон выступали Элисса, основательница Карфагена в римской мифологии — Дидона, Жанна д'Арк, Елизавета I Английская, Роксана, Рахиль и Фауста. Однако долгожительницей оказалась героиня библейской легенды Юдифь, чей образ на протяжении веков кочевал из колоды в колоду.

Что касается дамы пик, то ее было принято изображать в виде греческой богини мудрости и войны Афины Паллады. Правда, тевтоны и скандинавы отдавали предпочтение собственным мифологическим персонажам, олицетворявшим войну.

В XIV—XV веках художники не смогли прийти к согласию, кого избрать в качестве прототипа дамы бубен. Исключением была лишь Франция, где им стала королева амазонок, в греческой мифологии — Панафизелия. В XVI веке кто-то придал даме бубен черты Рахили, героини библейской легенды о жизни Иакова. Поскольку, по преданию, она была женщиной жадной, ее амплуа в качестве «королевы денег» пришлось по вкусу широкой публике, и она утвердилась на этом троне.

Долгое время ни одна из мифологических или исторических героинь не претендовала на роль дамы треф. Иногда в колодах мелькали фигуры правительницы Трои Гекубы или Флоримелы, олицетворения женского обаяния, созданного талантом английского поэта Спенсера. Но они не сумели утвердиться в этой роли. В конце концов французам пришла в голову мысль изобразить даму треф в виде этаккой, как теперь говорят, секс-бомбы и назвать ее Аргиной (от латинского слова «регина» — «царственная»). Затем оказалась настолько удачной, что прижилась и стала традицией. Больше того, все королевы, очередные фаворитки и любовницы французских монархов, героини злых пасквилей и фривольных острот, стали носить имя Аргина.

Первоначально в роли валетов выступали четыре безымянных рыцаря. Хотя название этой карты переводится скорее как «слуга, лакей», и у игроков эта фигура традиционно отождествлялась с искателем приключений, не всегда почитающим закон, но чуждым низкого коварства. Подобное толкование

слова «валет» прекрасно соответствует образу валета червей. Пытаясь подобрать для него достойный образ, французы остановили свой выбор на известном историческом персонаже — Этьене де Виньеле, служившем в войсках Карла VII. Он был доблестным воином, храбрым, щедрым, безжалостным и язвительным. Некоторое время он состоял советником при Жанне д'Арк и сохранился в памяти потомков как герой народного фольклора, наподобие Тили Уленшпигеля, Вильгельма Телля и Робина Гуда. Может быть, поэтому без всяких возражений со стороны других наций Этьен де Виньель прочно занял место валета червей.

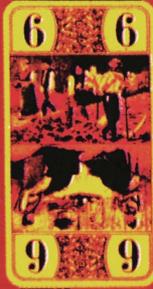
Прототипом валета пик был Огьер Датский. Согласно историческим хроникам в многочисленных битвах его оружием были два клинка толедской стали, которые обычно рисовали на этой карте. В многочисленных сказаниях этот герой совершал многочисленные подвиги: побеждал великанов, возвращал околдованным принцам их владения, а сам пользовался покровительством феи Морганы, сестры сказочного короля Артура, которая, обручившись с Гиером, даровала ему вечную молодость.

Первым валетом бубен стал Роланд, легендарный племянник Карла Великого. Однако позднее, без явных на то причин, его сменил Гектор де Марэ, один из рыцарей Круглого стола и сводный брат сэра Ланселота. По крайней мере, именно этот герой сегодня ассоциируется с валетом бубен, хотя знаменитое благородство рыцаря де Марэ плохо вяжется с дурной славой, приписываемой этому валету.

Валетом треф карточных дел мастера избрали самого сэра Ланселота, старшего из рыцарей Круглого стола. Первоначально он был самым ярким из валетов. Но постепенно манера рисунка менялась, и валет треф лишился своего роскошного камзола, хотя в руках у него остался лук — символ его непревзойденного мастерства лучника. Впрочем, в современном валете треф трудно узнать того могучего воина, который, будучи ранен в бедро стрелой, тем не менее сумел одержать верх над тридцатью рыцарями...

Такова галерея фамильных портретов, о которой не подозревает никто из игроков, беря в руки атласную колоду.

С. ВАХРОМЕЕВ

J. Breton

УЖИН

НА МОНМАРТРЕ

Слово «Париж» будоражило много больше, чем будоражил сам Париж. Все, с чем ты собирался встретиться, — встретившись, не удивляло. Вернее, удивляло то, что ничего не удивляет. То, от чего ты ждал откровения, оказывалось давно уже прочувствованным тобой, многое было до обидности знакомо. Пусть в общих чертах, пусть в ощущениях — все вроде нами проиграно, пережито в сюжетах прочитанных книг... Я ходил по парижским улицам, и мне казалось, что я здесь уже бывал, только не пропустить бы кого из знакомых. Кого? Каких знакомых? Не сегодняшних, не вчерашних... И в то же время абсолютно здоровое чувство подсказывало: эта встреча мне ничего не обещает. Просто неудобно будет пройти мимо...

Еще в Москве, настраивая себя на волну Парижа, я определенно знал, что сразу же по приезде первым делом схожу в Музей д'Орсэ, посмотрю импрессионистов, а потом выйду на улицу, увижу Париж таким, каким он сложился в моем представлении, пойду бродить и, смешавшись с толпой, дойду до Монмартра. С ним у меня были связаны свои мотивы. Правда, у меня из этого ничего не получилось. Я просто не учел, что впервые выезжаю в другую страну с организованной группой, и поэтому, как только оказался в Париже, мои домашние заготовки разбились вдребезги. Точнее, я даже о них не вспомнил. И как человек, всегда дороживший мнением окружающих, тут же, не задумываясь, подчинился программе, ставшей хрестоматийной для всех, кто когда-либо побывал в Париже, — Нотр-Дам, Эйфелева башня, Лувр, Версаль, многое другое и все остальное, что связано у французов с именем Наполеона.

Я хорошо понимал, что обрекаю себя на праздное созерцание, но, правда, не настолько, чтобы смотреть на Париж одними глазами, а воспринимать его другими.

...Вот он Собор, где разыгрывалась трагедия звонаря Квазимодо и красавицы цыганки Эсмеральды. Чужестранцы ходили по площади, разглядывали Нотр-Дам с видом людей, наконец-то добравшихся до него. Кто-то из наших говорит, что хорошо смотреть витражи в пасмурную погоду; какой-то незнакомец с бородкой профессора, возвышаясь над людским водоворотом, на старомодном русском разглагольствует о Кельнском соборе, о его колоколе, а я, совсем не желая этого, вспоминаю собор в Остенде, в Бельгии, собор в кружевах, вырезанных из камня, и невольно думаю, как же много на Земле прекрасных соборов, но почему-то именно этот, перед которым толпимся мы, привлекает со всего света странствующее население. Люди приходят к нему, как и мы пришли, чтобы сказать: «Я видел Нотр-Дам». Откуда такое стремление к нему, сравнимое лишь с тягой к самому Парижу? Ведь есть и в Париже соборы подревнее, и никто из королей Франции здесь, в Нотр-Дам, не короновался, никто из королей не был захоронен здесь... Не оттого ли, что где-то в середине прошлого столетия был написан роман Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери», и для людей Собор осел литературным знаком?

Я немало поездил, научился смотреть на себя со стороны, но это был Париж, и я, не скрою, вел себя со сдержан-

ностью человека, появившегося у Нотр-Дам после долгого отсутствия. Насмотревшись на огромное ажурное окно, готические фигурки святых и королей на теле собора, о которых в свое время страстно говорили мои учителя, и не найдя для себя ничего нового, я отошел в сторону, где виднелась зелень и угадывалась тишина. Я решил проверить себя — действительно ли Собор стоит на острове Ситэ; не наваждение ли это, неизвестно откуда возникший в моей памяти остров?.. Когда мы шли сюда, мой мозг не зафиксировал момент перехода с материка на остров посреди Сены.

Удалившись от шумной толпы на приличное расстояние, я наткнулся на парапет Сены и успокоился. Обрадовал меня лоток букиниста: оказывается, они еще существуют...

Я бросился, не задумываясь, разглядывать книги, разложенные тут же на тротуаре, хотел найти что-нибудь русское, и совсем не надеясь на это, вдруг чуть было не вскрикнул: «Павел Муратов!» Русского человека, более влюбленного в Италию я не знал. Его «Образы Италии» я впервые увидел и приобрел у букиниста в Москве, на Арбате. Кажется, все мое юношеское поведение бывало тогда под влиянием его страничек... Я нагнулся, взял в руки книгу Павла Муратова — это был тот самый первый том, с которым я носился когда-то. Точно такой же потрепанный, та же небогатая зеленая обложка, и дата издания та же: Москва, 1917 год.

— Quanto costa? Сколько стоит? — спросил я по-итальянски, не зная, как это будет по-французски.

Букинист назвал цену по-своему, а я, чтобы убедиться, верно ли понял его, достал и показал ему пятидесятифранковую бумажку. Букинист, неверно поняв меня, взял у меня деньги и движением руки дал понять, что сделка завершена. Я же, как и всякий россиянин, даже не успел перевести в уме франки на доллары и тем более не успел сообразить, что еще недавно в Москве вышло трехтомное издание Павла Муратова... И хорошо, что не успел. Хорошо, что не сообразил. «Павла Муратова», которого я снова нашел, — приобрел у парижского букиниста и не где-нибудь, а на набережной Сены. И потом, мне до сих пор кажется — в этот день у меня произошло серьезное общение с настоящим французом.

В Люксембургском саду светило солнце, золотилась зелень, золотились окрашенные голубишной неба статуи королей Франции, старинный дворец Марии Медичи в глубине сада; из соседнего Латинского квартала едва слышался автомобильный шум... Наш гид, поляк Метек, с неутомимостью часового механизма продолжал просвещать нас. На этот раз он вел разговор о Марии Медичи, которая так и не привыкнув к атмосфере Лувра, после смерти мужа Генриха IV приобрела дворец герцога Люксембургского с обширным земельным участком и поручила Саломону де Бросу построить нечто похожее на флорентийские дворцы...

А у каждого из нас «Люксембургский сад», как нечто много раз произнесенное, прослышанное, вызывал свои ассоциации. Один находил сходство решеток Люксембургского с решетками Летнего сада в Петербурге, другому казалось, что он словно бы здесь когда-то ходил, но только ему для уверенности не хватает духового оркестра. Что же касается меня, то я готов был согласиться с любым мнением, но только без духового оркестра... Мимо проследовал немолодой господин с морщинистым лицом. Он даже не удостоил нашу компанию взглядом, тогда как наше характерное многоголосие, не успевших еще справиться с сидилической тишиной сада людей, не могло не привлекать внимание прохожих. Но сухая шея господина осталась стойкой и неподвижной. Дойдя до клумбы, вокруг которой на стульях сидели, видимо, завсегда таи сада, выглядывшие со стороны так, словно для них остановилось время, — он выбрал себе уединенное место, оглянулся по сторонам, сел и раскрыл над собой зонт. Небо было чистое, и эту его странность ничем иным, как желанием отгородиться от остального мира, нельзя было объяснить.

Я не мог отвести глаз от его огромного черного зонта. И я знал, почему это делаю. Точно с таким же очень старым и черным зонтом ходил по Парижу Модильяни. Шли теплые летние дожди, и Модильяни с Анной Андреевной Ах-

матовой приходили сюда, в Люксембургский сад, сидели под этим зонтом на скамейке — не на платных стульях, как было принято тогда, а на скамейке. Недалеко дремал старый дворец в итальянском вкусе, и они читали в два голоса Верлена и радовались тому, что помнили одни и те же вещи.

Париж сам напоминал о давнем — заполнял мимолетность содержанием, ибо то, что видишь, то, что тебе показывают, — слишком на поверхности, слишком снаружи... Не знаю, как другим, но мне в эти дни Париж представлялся одним большим театром, где публика, то есть приезжие, ходят и рассматривают одни только декорации из спектаклей прошлых веков. Сама же сегодняшняя жизнь парижан скрыта от постороннего взгляда. Она, эта жизнь, где-то рядом за фасадами роскошных особняков и дворцов. За то время, что я ходил по Парижу, ни один француз не мелькнул за окном или на каком-нибудь балконе, и не помню случая, чтобы кто-то раскланялся с кем-то на улице. Чувствовалось, что парижане не очень-то желали смешиваться с туристами. Они им просто надоели. И это можно было понять. Складывалось впечатление, будто все коренное население Парижа бежало из осажденного туристами города. Бежало, оставив им все, чем сами жили — бесчисленные бистро, кафе, магазины и метро, дворцы и соборы, гробницу Наполеона, целый район ночного развлечения с Мулен-Руж на Плас-Пигаль, проституток с улицы Сен-Дени, глядя на которых, можно было удивляться, что они все такие коренастенькие и плотно сбитые — совсем как их предшественницы с картин Тулуз-Лотрека; и Гранд-Опера, которая не всякому праздному шатающемуся по Парижу доступна. Правда, за небольшую плату можно было войти и посмотреть внутри, посмотреть «Большую лестницу», ведущую вечерами в страшно освещенный блеском нарядов зал... Оставили и гигантский культурный центр Помпиду, построенный на месте бывшего Центрального рынка — «чрева Парижа». Снаружи он напоминал авангардистскую композицию из труб и металлолома, вид которой неизбалованному странностям человека мешал проникнуться идеей его создания, мешал любоваться им, как врожденный стыд мешает любоваться обнаженным телом... Но самое главное, парижане оставили туристам прекрасные музеи. Они-то и пожирали драгоценное время, отпущенное на Париж, особенно если это время исчислялось пятью-шестью днями.

Уже где-то в середине поездки я пришел к выводу, что преданность не всегда удобна. В моем случае я имею ввиду преданность своей группе, людям, с кем мне было хорошо. Привыкший к поездкам как к работе, составной частью которых было обязательное преодоление трудностей, сейчас, когда эти трудности взяла на себя организация, я утратил бдительность, дал втянуть себя в общее течение коллективного благополучия и слишком поздно обнаружил, что приезжать впервые, ненадолго, в Париж и тратить основное время на музеи — нелепо... Правда, не сразу я решился об этом сказать вслух.

В Музее д'Орсэ я обнаружил у галерейной дамы знание русского языка, мы так разговорились, что я даже забыл, зачем к ней подошел, точнее, я должен был справиться у нее о местонахождении туалетной комнаты. Но музейная тема увлекла нас, и не позволила мне уже вернуться к тому, в чем я нуждался.

От нее я узнал, что Модильяни не очень-то хорошо отзывался о путешественниках. Он считал, что путешествие есть подмена истинного действия... Я уверен, это высказывание адресовалось людям, доверчиво отдающим себя в руки парижских гидов, этих профессиональных укротителей, умело направляющих поток необузданного любопытства в заранее намеченные русла.

По истечении двух-трех дней я уже мог сказать: Париж и музеи Парижа — это две разные территории, два разных пространства со своими климатами, ритмами, разным нравом и стилем поведения. Надо бы из Парижа входить в музеи, а не из музеев усталыми выходить в Париж... И потом музеи требуют от человека не каждодневного отношения. К нему надо готовиться, как готовится человек в театр в небудничном состоянии, а такое не может быть каждый день. В Париже надо долго жить, чтобы вошло в привычку иногда отправляться куда-нибудь смотреть

картины. А то и одну картину или одного художника. Нельзя узреть Хальса или Веласкеса мимоходом, галопом пройдя по залам. Это слишком серьезно — можно испортить впечатление. Человек — даже подготовленный, зрелый — не способен за одно посещение осмотреть более пяти-десяти картин. А их тысячи.

На третий день я увидел Джоконду. Но сначала я радовался Нике Самофракийской. О ее местонахождении знает каждый культурный чужестранец и, увидев ее в Лувре, радуется, как встрече с давней знакомой. Уверен, по этой же причине люди кружили вокруг Венеры с острова Милос или толпились перед Джокондой. А иначе как объяснить невнимание к другой картине Леонардо, висящей тут же рядом. На ней женщина тоже улыбалась, но с некоторой растерянностью — улыбку вызывал у нее младенец...

За толстыми дворцовыми стенами стояла осень, не похожая ни на одну из осеней. Аллеи платанов продолжали аллеи каштанов, бульвар переходил в бульвары, над Сеной чередовались мосты, открывая глазам знакомые каждому парижские силуэты, а в музейном климате — полчища туристов: англичане, датчане, шведы и еще Бог весть кто; их дети носятся, путаются под ногами... Картины одной эпохи соседствуют с другой; нагромождение стилей, направлений — и все это обилие шедевров излучает какую-то неведомую энергию, и глаза теряют естественную остроту; которую требует от человека каждое полотно. Мозг отказывается трудиться.

И лишь однажды, отстав от своих, по счастливой случайности заблудившись на улицах Парижа и изрядно потрудившись, ты начинаешь трезветь от этого музейного дурмана.

В Латинском квартале, пока наши пошли менять деньги, я говорил учителя, человека, с кем мы держались вместе, посидеть в кафе. И не столько из-за мгновенно возникшей безудержной потребности выпить кофе, сколько из желания скинуть с себя музейную усталость, расслабиться и попытаться посидеть за чашечкой кофе просто так, без дерганья, спокойно. Это хорошо делали парижане в кафе с выставленными на тротуар столиками. Они сидели долго и прочно — кто в одиночестве с газетой, кто без ничего, кто с подружкой, молча, подперев рукой подбородок, — совсем как на картине Пабло Пикассо «Странствующие гимнасты».

Но почему-то это «просто так» в Париже, как нигде, вызывало у меня чувство нормальной зависти. Что порождало это состояние, я, наверно, не мог бы объяснить, впрочем, как не смогли бы объяснить околдованные Парижем люди, что они имеют в виду, когда говорят: «Париж есть Париж» или: «Париж всегда прекрасен».

Не знаю. Боюсь, что своим усердием выглядеть достойно, могу быть непонятым, но я уже с первых шагов в Париже приступил мысленно к моделированию того образа жизни парижан на улице, в котором, наверняка, нашлось бы место и для меня.

Видя, как легко укладывается Париж в мое устоявшееся представление о нем, за столиком на обочине тротуара я ненадолго (надолго я не смел) почувствовал себя парижанином. Официант принес нам кофе, и я, с высокомерием человека, нашедшего себя в Париже, сказал учителю:

— Приедете домой, можете сказать, что кофе в Париже пили в Латинском квартале... А еще лучше и звучнее — на Итальянском бульваре.

И тут учитель достал фотоаппарат, чтобы зафиксировать это мгновение.

Я встал, собираясь сделать снимок.

— Нет, нет, — остановил он меня, — давайте вместе...

Он вовремя напомнил мне, что к этой парижской жизни я никакого отношения не имею.

Возник момент: кто же будет нас фотографировать? И вдруг с соседнего стола поднялся один из двух молодых людей, очень молодых, и без всякого, по-русски, предложил свою услугу, сфотографировал нас, сел на свое место и, наверно, тут же забыл бы о нашем существовании, если бы я не заговорил с ним.

— Откуда будешь? — спросил я, как свой своего.

— Из Тулузы, — просто последовал ответ.

— Как из Тулузы? — рассерженно удивился учитель. — Ты же русский...

Напротив, через дорогу, на улице появились наши. Учитель поторопился к ним, а я остался сидеть.

Познакомились мы с парнем, фотографировавшим нас, просто, без натяжки. Я сидел довольный неожиданным решением оторваться от своих, перед глазами плыли автомобили, за их полблескивающими телами виднелась зелень Люксембургского сада...

— А вы откуда будете? — донеслось до меня, и я понял, что обращаются ко мне.

Оглянулся. За столиком, где только недавно сидели двое, сидел один «наш». «Второй был француз», — подумал я, ответил парню — кто я, откуда, — и так слово за слово, и не запоминающийся в подобных случаях разговор, в конце концов, обязал нас встать и пойти вместе.

В Латинском квартале солнце грело, как греет только осенью. Парня, с которым мы брели без всякой цели, звали Сережей, в Москве он жил где-то на Пироговке, в восемьдесят шестом его, девятилетнего, мама увезла во Францию, в Тулузу, к своему дяде; пока они гостили, дядя слег и больше не встал. Сережа с мамой оказались наследниками половины небольшого домика. Мама стала учить соседских детей играть на фортепиано, а Сережу — соседские дети учили французскому. В Париж он подался, не окончив школу. В момент нашего знакомства Сережа все еще учился в лицее и подрабатывал тем, что помогал знакомым гидам, работающим с русскими туристами.

Я не спрашивал, как дядюшка оказался во Франции. Мне было это неинтересно, да и Сережа рассказывал только о том, о чем хотел рассказывать. А я, честно говоря, слушал его вполуха. Меня отвлекал Латинский квартал. Он сильно отличался от фешенебельного Парижа с наглухо закрытыми дверями и воротами. Вчера я прогуливался в одном из таких районов. Случайно оказавшись на площади Трокадеро, забрел на авеню Жоржа Манделя — это название неизвестно каким чудом запало в мою голову... Гуляя по аллеям парка, я пытался — просто так, без особой надобности — угадать в одном из уютных особняков за ухоженной зеленью дом Мстислава Ростроповича...

Латинский же квартал чем-то напоминал мне атмосферу университетских дворов на Моховой и немного — Трифоновки, района общежитий артистического студенчества в Москве. Никакой холодной сдержанности здесь от присутствия рядом Сорбонны, институтов Французской Академии или от близости к студенческому корпусам храма Сент-Женевьевы — усыпальницы великих французских Руссо, Вольтера, Гюго... Улицы Латинского квартала полны молодых людей, они толпились на тротуарах, кто-то перебегал улицу с тарелкой картошки, кто-то кричал, звал в окно, а иные, странного вида с мотоциклами, ошивались около колледжей, откуда выходят студентки...

К Сереже подошел худенький паренек, о чем-то коротко поговорив, отстал. Я слушал с завистью свободную французскую речь Сережи и не мог не спросить:

— Слушай, а ты считаешь себя французом?

— Меня не считают, — ответил он. — Нет. Пожалуй, я бы сказал иначе. Чем старше становлюсь, тем больше чувствую себя иностранцем.

— Поясни, — пытался я разговорить Сережу.

— Для того, чтобы чувствовать себя французом, нужно говорить без ошибок и без акцента. А если у тебя акцент... К белому отнесутся, скорее, снисходительно, а цветному никогда не простят.

И вдруг как-то незаметно разговор соскользнул на тему о метро.

Тут надо сказать, что мы жили на окраине Парижа в маленькой уютной гостинице на бульваре Даву и в основном пользовались метро. Пользовались им в Париже туристы и из других стран. Но большей частью в метро ездили арабы, негры из бывших французских колоний, вьетнамцы, китайцы, студенты-чужестранцы и нищие. И как бы мы ни были ни на кого не похожи, выходило, что нас всех с ними объединяло метро. И конечно же, после езды в такой компании, выйдя из подземелья на поверхность, при всей предупредительности парижан, они казались невнимательными к остальному миру. В метро ездили и французы, но ими могли быть очень рядовые французы. Я не замечал, чтобы французы — такие улыбчивые и куртуазные в нашем представлении — в метро кому-нибудь улынулись или с кем-нибудь флиртовали. Не замечал, чтобы

кто-то кому-то в метро уступил место. Мне показалось: если, в силу воспитания, ты сделаешь это, то рискуешь своим вниманием поставить человека в неловкое положение или рискуешь, сам того не желая, подчеркнуть свое превосходство перед тем, кто не хочет уступать свое место никому...

Не скрою, и у меня были свои проблемы в метро. Здесь незнание языка, как нигде, требовало находчивости и трудолюбия. Но, как я ни старался, все равно плутал в подземелье со множествами линий и переходов; не всегда с ходу мог найти дорогу на поверхность. Не просто оказалось запоминать мне и всевозможные надписи-указатели, название станций, где звук, выраженный в других языках одной буквой, у французов пишется чуть ли не тремя-четырьмя разными... И надо же было мне однажды вдруг на полпути вырваться из метро, чтобы понять: все, что под землей, — путано и долго, на поверхности — просто и рядом.

А в остальном в Париже можно обойтись и без знания языка. Особенно тем, кто знаком с азами пантомимы. В стране Марселя Марсо язык жестов и пластики понимают неплохо.

— Но для этого твои руки должны быть свободны от тяжелых чемоданов, а голова свободна от набора поручений, — говорил я Сереже, словно не он, а я был парижанином.

Похоже было, мои высказывания развлекали Сережу, и это я видел по его глазам. В такие моменты он походил на повесу, увязавшегося за человеком, который так и не нашел себе равного собеседника.

— Пожалуй, Париж единственный из западных городов, — продолжал я, — где, пускаясь в многокилометровые переходы, не стоит ни о чем заботиться. В Париж надо ездить налегке. Лучше с одним портфелем. И тогда легко будет переходить дорогу, оглядываться по сторонам, легко задержаться перед той, кто улыбнется тебе, и даже, случись непредвиденное, — провести ночь на скамейке. Одним словом, в Париже вполне можно на время чувствовать себя и бездомным. Это только может обогатить твое пребывание... Нет. В Париже хорошо бродить в одиночестве. Правда, оно может надоесть, и тогда...

— И тогда надо искать случайное знакомство, — перебивая меня, подхватывал Сережа.

И я прощал ему эту маленькую непочтительность, ибо он сознательно шел на игру. Я прощал ему и нотки иронии, в которых, несомненно, крылось мальчишеское любопытство уличным «экземпляром», каким — допускал — мог явиться для него я сам...

Не знаю, уже сколько времени в этот день мы гуляли с Сережей, сколько раз пили кофе — последний раз мы это делали на бульваре Сен-Мишель, и Сережа, я помню, объяснял мне, где мы находимся:

— Теперь направо Латинский квартал, — говорил он, — а налево район Сен-Жермен.

Остаток дня я собирался провести на Монмартре. Сережа, проводив меня до станции метро, подробно расписал мой план, где и на какую линию я должен буду сделать пересадку и на какой станции — на Бланш или Антверпен — должен буду выйти.

Было время, когда мы, молодые люди, живущие в Москве, на Собачьей площадке, называли свою обитель Монмартром. Здесь, в двух шагах от Арбата, в тихих переулках Собачьей площадки, как и на Монмартре, истари жил артистический люд, и эта площадка считалась старыми москвичами местом, Богом отмеченным, — здесь жили, бывали, останавливались почти все ярчайшие личности русской культуры, разве что Достоевский обошел Собачью площадку стороной... Но если взять то время, когда в Париже, казалось, рисовали все, и Монмартр являлся центром жизни богемы, где существовал единый, не расщепленный язык живописи и художники, сами того не подозревая, создавали свою Вавилонскую Башню, — то здесь, над Собачьей площадкой, продолжал витать дух сочинительства и артистизма...

Помню, два моих знакомых художника из соседнего дома, побывав в Париже, называли Монмартр — Собачьей площадкой Парижа. Мы, молодые, были в восторге от подобного сочетания и смотрели на них, видевших Мон-

мартр, квадратными глазами... Но в нашей тогдашней обыденности, даже несмотря на оттепель, слово «Париж» звучало так роскошно и нереально, что мы играли в свой Париж, в глубине души боясь, что его нет вообще, а если и есть, то мы уж точно там никогда не будем.

В ту пору с одним консерваторским гением был случай, который нами воспринимался не иначе, как анекдот. Я не хочу все произносить имя этого великого музыканта — он и ныне здравствует, — однажды он в рассеянности прогулялся до Казанского вокзала и в билетной кассе спросил билет до Парижа. Кассирша не растерялась:

— В Париж? Обращайтесь по месту работы.

— Как, — спросил он, — разве в консерватории продают железнодорожные билеты?

Но кассирша, лучше знавшая реалии нашего быта, оказалась права: спустя несколько лет гений свой первый билет в Париж получил в консерватории.

По-разному у студенческой части арбатского населения разыгрывалась парижская тема. И не только вокруг Монмартра, но и Монпарнаса или Латинского квартала. Например, прилегающие к Собачьей площадке кварталы с театральными и музыкальными вузами кому-то представлялись тем же, что в Париже Латинский квартал. Только там господствовала латынь, а у нас — язык театра и музыки...

Чего греха таить, мы, богемные молодые люди, начитавшись о Париже времен Бель-Эпок, часто заменяли институтские занятия роскошной говорильней за чашечкой кофе в «Праге»... Черный кофе тогда для многих был в новинку, но поскольку он был обязательным компонентом атмосферы нашей «Ротонды», — давились, но пили.

Наверное, у каждого есть свой Париж. И каждый рано или поздно должен побывать в Париже. И не столько из-за того, чтобы увидеть город, который знаешь, но никогда не был в нем, сколько из-за того, чтобы снять с души груз недостижимости Парижа.

Мой Париж вмещался в Монмартр, окутанный той самой разноцветной дымкой, которую я впервые увидел на полотнах Моне и Писсарро... На картинах старых мастеров встречались только облака. У барбизонцев облака уже перестали выглядеть идеальными — и над буйной зеленью, и высоко в небе. Но эту легкую, как печаль, как грезы, висящие над осенним Парижем, дымку, — то розовую, то фиолетовую, а чаще — лиловато-розовую с добавкой охры, кажется, оценили и привнесли в свои полотна лишь импрессионисты.

Когда мы поднимались на Эйфелеву башню, учитель жаловался мне, что объективу его фотоаппарата дымка мешает охватить панораму города. А я вместо того, чтобы сказать, что и мне она мешает разглядеть на расстоянии Монмартр, снисходительно заключил:

— Какой же Париж без этой дымки...

Монмартр находился на северной окраине столицы, и с верхней ли площадки Триумфальной арки или с любой другой высоты достаточно было отыскать глазами вдалеке белые купола Сакре-Кера, базилики, возвышающейся над остальными строениями и не похожей ни на один из парижских соборов, — чтобы представить себе, как же неблизко Монмартр от Сены, от всего, что порождено ею. И не потому ли центр жизни богемы в одно время переместился поближе — с Монмартра на Монпарнас. И вокруг папаша Либиона в его «Ротонде» собиралось много разноязычных чудаков, некоторые из которых потом стали знаменитыми...

Нет. Разглядеть Монмартрский холм со стороны мне так и не удалось. Мешала все та же самая легкая дымка. А когда вскоре представилась возможность отправиться со всеми туда, куда я собирался сходить в первый же день, меня насторожила обыденность этого коллективного мероприятия. И я отложил Монмартр на потом.

Выйдя из метро, осмотревшись, я ничего не узнал, и вся моя фанатерия исчезла. Не узнал я то, что обязан был узнать, и тогда, когда свернул в узенькую, вертко ведущую вверх, к фуникулеру улочку, и мне открылся вид на Сакре-Кер, и пока стеклянная кабина, поднимаясь по наклонной, достигла верхней площадки и открыла свои

творки перед белой громадой базилики на Монмартрском холме, я все еще ничего не узнавал. Того, из чего для меня складывалось понятие «Монмартр», не возникало. Широкая лестница перед фасадом церкви, осажденная пумной молодежью, тоже ничего не прояснила. И лишь в тороне от этой будоражащей картины единоверующих из племени студенчества, за тремя глухими закоулками, представ перед площадной толчеей, я понял — это и есть тот самый Монмартр. Что-то насторожило. И я, как человек, не веривший своим глазам, что его Бог оказался глиняным изделием, преодолел эту настороженность, шагнул в почти замкнутое квадратное пространство. Людской поток увлек меня в гущу, и я сразу оказался в пестрой тесноте. И, еще не освоившись, я увертывался, отмахивался от каких-то витийствующих молодых людей, каждый из которых, не обращая внимания на неудобство, доставляемое прохожим, что-то предлагал.

Так я, сделав круг, вернулся на исходную точку.

Площадь на холме была ограничена небольшими, тесно стоящими плечом к плечу, без промежутков, домами. Сверху они плавно закруглялись мансардами. Нижние этажи были распахнуты ресторанами, кафе, бистро... Казалось, они, переполнившись, как пена из кружек изливались на тротуары, точнее, на центр площади, белыми стульями и столами и растекались меж деревьев. За ними оставался узкий проход для нескончаемого потока людей. Какая-то часть площади была забаррикадирована мольбертами художников. Здесь же, на брусчатке, были выставлены картины для продажи. Они воспринимались скорее как сувенир для туриста, нежели как предмет серьезной живописи. Были среди них и поделки под Тулуз-Лотрека, Дега, Писсарро, под других мастеров, имена которых остались связанными с Монмартром... Готовые портреты на мольбертах, знакомящие прохожих с манерой художника, в большинстве своем смотрелись ученическими работами. И вся эта прямо-таки самостоятельность — вокруг клоуны, фокусники, самозабвенно гримасничали со всем традиционным набором трюков и шуток — и художники с мольбертами, — все это представлялось мне имитацией доброй звездной поры Монмартра...

Как же я обрадовался, когда, изрядно потолкавшись, увидел Сережу. Он сидел у стены в длинном ряду круглых мраморных столиков и выглядел таким нарядным, что я не сразу его признал. В рыжем вязаном пиджаке, с великолепной небрежностью завязанной галстук; перед ним чашка с кофе, и глазами он прощупывает толпу.

— Сережа! — крикнул я, кажется, на весь Монмартр.

— А я вас ищу, — сказав, усадил меня за стол. — Гарсон! — позвал он такого же паренька, как и он сам, и заказал мне кофе.

— Тебя не узнать, — сказал я поощрительно.

— Это так, к случаю. Сегодня я веду группу петербуржцев в Мулен-Руж.

— И сколько это будет стоить им? — спросил я, зная, что не каждому туристу это по карману.

— Сеанс традиционного канкана с бутылкой шампанского около пятисот франков... А мне проценты от хозяев кабаре за каждого туриста.

После кофе Сережа повел меня посмотреть окрестные улицы бывшей некогда деревни. С двух сторон площади расходились улочки, от них разветвлялись другие, изломленно кривые, такие, какими их писал Утрилло... Сережа показал мне дом, в котором работал Пикассо в бору, когда рождался кубизм — геометрическая живопись. После Пикассо нас больше не хватило на прогулку, мы не стали отдаляться и, оставив где-то в стороне «монмартрской деревни» кладбище и виноградники, повернули обратно. Вот тогда-то Сережа и предложил нам поужинать «У мамы Катрин». Он привел меня к дому номер шесть на площади, подвел к дощечке, висевшей на видном месте, на которой была описана история того, как в 1814 году казаки развлекались здесь в корчме деревни, требовали подавать вино и еду быстро... А потом хозяин корчмы на Монмартре назвал свое заведение «Бистро».

— Это самое первое бистро в Париже... — пояснил Сережа. — Во всяком случае, так принято говорить туристам. Сережа был прав. Хотя такое объяснение и убеждало, но от него отдавало байкой.

Столы «У мамы Катрин» стояли в крайней секции. Мы сели за первый с угла столик, открытый тротуару.

Подошел официант, и я сразу поставил условие перед Сережей:

— Или я плачу за ужин, или каждый за себя...

Мы остановились на втором условии, и каждый стал заказывать ужин себе сам. Официант оказался латиноамериканцем, и потому осмелев, я «вывалил на стол» весь свой словарный запас итальянского, вынесенного когда-то из консерватории. Его с лихвой хватило, чтобы заказать себе бокал красного вина — bicchiere di vino rosso; бифштекс с картошкой фри — bistecca con patatine fritte... И конечно, на десерт кофе. Сережа заказал себе то же самое. Я уже не говорю, как он тарашил на меня глаза. Откровенно говоря, вольности мне прибавила сильно уцененная атмосфера Монмартра. Потом уже Сережа, не уловив на моем лице восторга от происходящего вокруг, решил подчеркнуть свою солидарность со мной.

— Здесь французы не отдыхают. И Монмартр, и Мулен-Руж принадлежат туристам. — Сказав это, он переключил мое внимание на молодого человека, пристающего к немецкой семье за соседним столом, за которым сидели мать, дочь и старикашка. Облокотившись на барьер секции, в наглой позе, весь изворачиваясь, смазливый парень отпуская комплименты старшей из женщин. Похоже было, мама уже забыла, что она мама, а молодой повеса, усыпив ее бдительность, принялся за дочку — занялся ею. Ножницы уже скользили по черной бумаге — он вырезал ее профиль, — когда к столу подошла пожилая полная француженка с корзиной цветов. Мастер по профилям, на секунду отвлекшись, едва заметным движением руки достал из корзины розу и протянул позирующей девушке. Но за цветок заплатила мама... Глядя на это, надо было согласиться, что монмартрское население стареется, очень стареется — эта бесшабашная обстановка, своего рода отдушина для туристов, возвращает их к естеству, которое, возможно, сдерживал респектабельный Париж.

Цветочница потом, обойдя еще кого-то, подошла к Сереже, перебросилась с ним какими-то веселыми словами, отошла. Она называла его Сержем, он ее — мадам Жанет.

— Я обещал ей, — сказал Сережа, — когда у меня появится хорошая девчонка, куплю у нее все цветы... Вот она и торопит меня.

Что-то мягкое коснулось моей ноги. Я нагнулся и увидел пушистого белого песика.

— Ой, какой прекрасный малыш, — только успел сказать, как услышал над собой:

— Его зовут Дружок.

Подняв голову, я увидел над собой пожилого элегантного русского человека во всем вельветовом. Я предложил ему сесть, предложил кофе.

— Нет, — отрезал он, — я живу на Монмартре и здесь, на площади кофе не пью, — сказал и улыбнулся.

Мы с Сережей быстро расплатились за ужин, встали и пошли все вместе.

Сережа торопился к своим туристам вниз, к подножию Монмартра, в Мулен-Руж. Расставались мы с ним, твердо пообещав встретиться когда-нибудь. Он ушел, и мы с моим новым знакомым побрели прочь с площади.

Мы недолго с ним гуляли, и мало что я узнал о нем. Родился в Париже. Отца — полковника белой армии убили в гражданскую. Сам он архитектор в прошлом. Дочка с мужем живут под Парижем... Мы дошли до узкой крутой лестницы на окраине. Она вела в нижние жилые кварталы. И тут он остановился. Почувствовав, что он собирается подать мне руку, я сказал о своем желании поговорить с ним.

— Нет, нет, — возразил он, — в другой раз. — Он достал и протянул мне визитку.

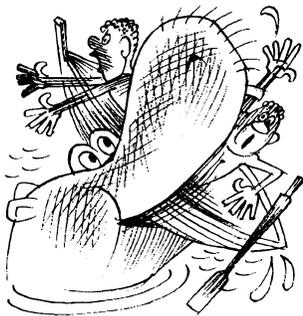
Я не стал говорить, что другого раза может и не быть.

— У меня возникло к вам уйма вопросов...

— Тем более пора! — сказал он и, дружески потрепав меня по плечу, последовал за своим маленьким симпатичным другом.

Я еще некоторое время стоял и смотрел ему вслед.

Из ярко освещенного, пустого ресторана доносились неуверенные фортепианные звуки. Пора было и мне вернуться в отель на бульваре Даву.

ГОРЕ-БЕГЕМОТ

Крестьяне из деревушки на берегу реки Нигер в 130 километрах от малийской столицы Бамако утратили покой по ночам. В реке бесчинствует гиппопотам. Днем он нападает на лодки рыбаков, а по ночам вытаптывает рисовые поля. Если учесть, что рис и рыба — хлеб засушливого сельчан, положение можно назвать угрожающим. В декабре прошлого года мужички получили от властей лицензию на охоту и высшую меру для толстокожего хулигана, но выследить его не удалось. Местные колдуны, проведя расследование, пришли к выводу, что в животное вселилась душа деревенского пьяницы. Рекомендация: расставить на гиппопотамьих тропках бутылки с местным самогом. Пока и это не помогло, но зато — все бутылки оказались пустыми...

БРИТАНСКИЙ ХАРАКТЕР

Англичане гордятся своей способностью оставаться спокойными и вежливыми в любой ситуации и сдержанно принимают восхищение всего мира этим качеством. Но за рулем британец превращается черт-те в кого, просто в иностранца-южанина какого-то. Автомобильная ассоциация провела исследование и выяснила, что: 1) ожидание в очереди для оплаты проезда приводит в бешенство 62 процента; 2) мигание фарами — 59; 3) хамские жесты из окон соседних автомобилей — 48. Настоящая угроза британскому характеру! Но когда выяснилось, что 60 процентов терпеливо переживает пробку, у джентльменов из Ассоциации отлегло от сердца: нация жива!

ПИНГВИНЫ — КОНСЕРВАТОРЫ

Австралийские ученые обеспокоены высокой смертностью среди пингвинов в районе антарктической станции Моусон. 1800 птиц родилось там в декабре прошлого года, а выжило всего 126. Очевидно, дело в том, что в районе исчезла мелкая креветка, а другую пищу, что подбрасывают полярники, пингвины не едят. Гордые, они предпочитают скорее умереть, чем изменить привычки.

Понятно теперь, почему люди, чем больше узнают пингвинов, тем больше их уважают. (Человек бы в таких условиях и пингвина съел.)

НЕ ССЫЛАЙТЕСЬ НА МАЛОЛЕТСТВО

Мэр калифорнийского города Сакраменто издал распоряжение: тот, кто портит стены надписями и рисунками, обязан поработать, приводя в порядок стены и окружающую территорию. Если преступник — малолетний, то с ним (но не вместо него) должны поработать и его папа с мамой.

Очевидно, сакраментские родители будут теперь бдительно проверять пальчики своих крошек: не в краске ли они, и выяснять — что за краска, что ты с ней делал? Так что пальчики станут чище. Стены — тоже.

ХАЛЯВА, СЭР!

Потолстел нынешний бритт, округлился. Число толстяков удвоилось — это выяснили специалисты из Кембриджа. Было высказано предположение, что виной тому — злоупотребление спиртным. В университетской клинике решили провести эксперимент. В течение четырех дней в точно назначенное время добровольцы (не на кроликах же алкогольные опыты ставить!) получают пищу и 14 раз в день (прописью: четырнадцать) — джин с тоником. Но при этом приходится крутить педали велоэргометра, днем и ночью сдавать анализы и проходить тесты. (Тут бы самому доплатить, чтоб в такой рай не угодить!) Но десятки кандидатов в мученики науки стоят в очереди на эксперимент. Халява, сэр, великая вещь...

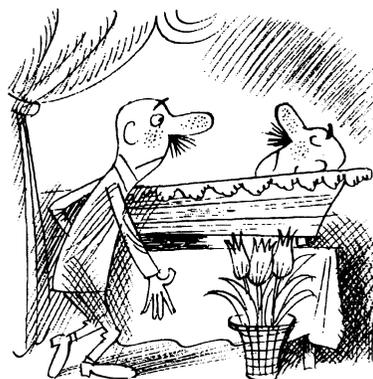
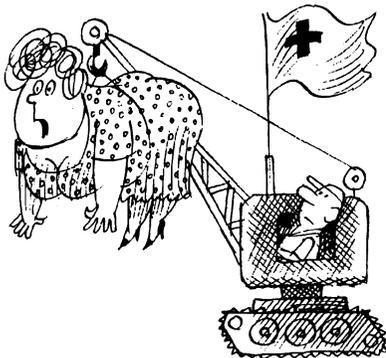
НА ДРУГИХ ОСТРОВАХ

...а именно — в Японии тревоги по поводу тотального потолстения не бьют. Наоборот, там рассматривают толстяка как человека приятной наружности и примерного образа жизни. Достаточно перевести на доступный язык самые популярные в последние годы японские имена, чтобы в этом убедиться. Мальчикам давали имя Кэнта, что значит «здоровый и толстый», а девочкам — Мисаки, что переводится как «красивая и цветущая толстушка».

И ВСЕ-ТАКИ ЛУЧШЕ ПОХУДЕТЬ

Даму из Франкфурта доставили в госпиталь. Дай ей Бог выздороветь, скажет сердобольный читатель, но что тут интересного? А то, что доставляли беднягу с помощью строительного крана. Больно уж много она весит: 230 килограммов. Санитары отказались нести по лестнице — вдвоем тяжело, а шестерым — ни пройти, ни уцепиться. Вызвали кран и пожарных и через окно квартиры смогли помочь больной перебраться в карету «скорой помощи».

Позвольте эту маленькую заметку считать немецким аргументом в заочной англо-японской дискуссии по вопросам лишнего веса.

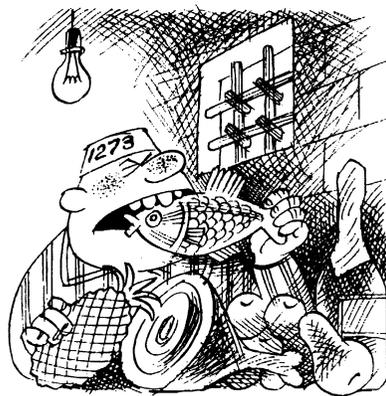

ВОСКРЕС? А ТЕБЯ ПРОСИЛИ?

Немного на земле людей, побывавших на собственных похоронах. Дон Хосе Альваро Санчес Гарсия-и-Ортега, мусорщик из колумбийской столицы Боготы, один из таких счастливых. Впрочем, последнее слово можно взять в кавычки. Судите сами. Дон Хосе, зайдя после работы в бар, узнал от знакомых, что его братья опознали его — дон Хосе — в убитом в перестрелке человеке. Он пошел домой и увидел рыдающих родственников и друзей. В гробу лежал неизвестный, как две капли воды на него похожий. Мусорщик страшно перепугался, но потом сообразил, что это не он. Поняв, он обрадовался и поделился радостью с близкими, которые тоже испугались, но потом (см. предыдущую фразу)...

Но официально дон Санчес считается умершим, и ему предстоит выяснить законные условия возвращения к жизни, восстановления на работе, права на социальную помощь.

И кроме того, сеньора Альварес Санчес и т.д. его несостоявшаяся вдова, так рассчитывала на пенсию...

ПЕРЕД СМЕРТЬЮ НЕ НАДЫШИШЬСЯ

Но наесться можно. Митчелл Рупи, грабитель и убийца, был приговорен к смертной казни еще в 1981 году. В камере смертников он начал безудержно есть. Отказаться ему невозможно: по закону еще XVIII века смертнику не отказывают в еде. Вскоре его вес составил 200 килограммов.

Тут его адвокаты обратились в суд: вешать негодяя нельзя — под тяжестью туши может оторваться голова. А согласно законам США, «обезглавливание — чрезмерно жестокое наказание». Дело разбирается и, похоже, безнадёжно увязло в юридических дебрях. На увещевания же тюремного врача, что столько есть вредно для здоровья, Митчелл отвечает:

— Знаю, док. Но ничего не могу с собой поделать...

ЗАВСЕГДАТАЙ МОГИЛЫ

Вот уже 46 лет на рассвете 19 января, в день рождения Эдгара Аллана По, таинственный почитатель писателя приходит к его могиле, чтобы поставить к изголовью три белых розы и полбутылки коньяка. Он появляется на кладбище в Балтиморе в 4 часа утра, кладет розы, ставит бутылку, прикасается к шляпе и исчезает.

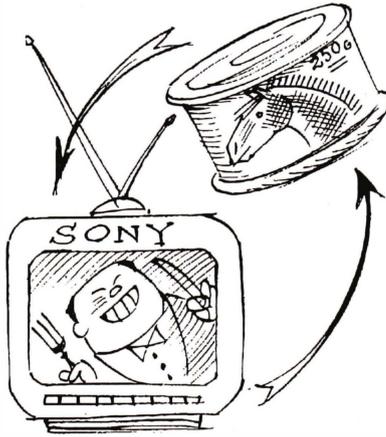
Любители творчества По — они приходят позднее — считают, что розы символизируют поэта, его жену и тещу, лежащих тут же. А что означает полбутылки? Это остается загадкой. Может быть, другую половину поклонник выпивает сам? Так сказать, с тенью писателя. Известно, что Эдгар По мог выпить.

Но не с каждым же незнакомым...

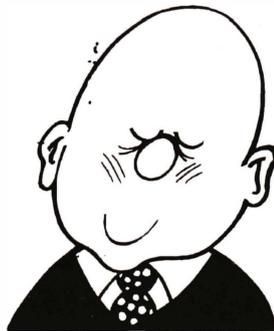
И ЧЕГО БЕЖАЛ?

В один из универмагов Мюнхена зашел человек в поношенных синих штанах. Он попросил примерить брюки того же цвета, передел их в кабинке и смылся, оставив старые висеть. Довольно распространенное мошенничество, и, вообще-то, оно удалось, но не совсем. Воровать тоже с умом надо. Наш же мошенник для этого не годился. Продавщица обнаружила в старых штанах удостоверение личности и 260 марок. Примерно столько и стоили новые брюки — так для чего бежать? Теперь придется отвечать перед судом и — если не посадят — доплатить до десятикратной стоимости в виде штрафа. И на рассеянность не сошлешься: вынул ведь ремень и даже носовой платок не забыл. А глупость смягчающим обстоятельством не является.

КОНЯ! СТО «СОНИ» ЗА КОНЯ!

Из Японии в Монголию завозят телевизоры, приемники и прочие японские традиционные товары. Из Монголии в Японию — тоже традиционные. Но традиционные для монголов, для японцев же — очень даже и очень новые и необычные. Мы имеем в виду съестные продукты из конины. Небеса свидетель, что жители Страны Восходящего Солнца до сих пор слабости к конине не питали. Но оказалось, что конина — и не какая-нибудь, а монгольская степная — предотвращает артеросклероз и преждевременное старение. И превратилась она в доходную статью экспорта. Конь всегда монгола выручал...

ЛЫСЫЕ ВСЕХ СТРАН!..

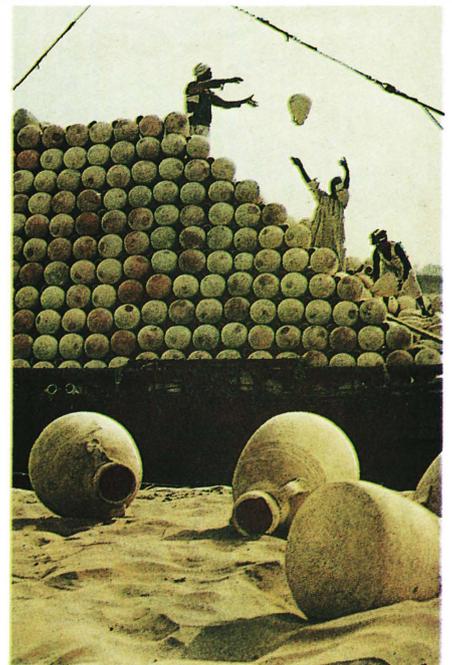
...Соединяйтесь и боритесь за свои права! Таков лозунг, выдвинутый польской Партией лысых. Партия требует получения дополнительных рабочих мест для своих членов. С точки зрения активистов существует дискриминация лиц «с совершенной формой головы, не прикрытой шерстью» (формулировка ПЛП. — прим. ред.): среди дикторов телевидения или манекенщиков — все волосатые. В кино — лысым актерам чаще всего достаются роли мерзавцев. Лысые же, по мнению ПЛП, имеют право на привилегии: они, как правило, умнее других, сдержаннее и среди них гораздо меньше различных извращенцев.

Польских коллег поддержал британский Клуб сторонников лысых. На их значке — портрет сэра Уинстона Черчилля. «Настало время, когда наши лысины должны засиять», — заявил спикер клуба Ян Парсонс. Британцы выпустили плакат: «Лысый — прекрасен! Бог создал очень немного совершенных голов. Остальные он покрыл волосами».

НЕПОТОПЛЯЕМЫЕ

Город Кена в верховьях Нила славен на весь Египет своими горшками. В этих горшках вода не нагревается, не портится, а потому многие предпочитают их современной посуде. И причины тому: дивное качество глины кенских окрестностей, великолепная работа гончаров и — последнее, но не по значению — придирчивый контроль купцов. Горшки грузят на фелюки, те оседают по самую ватерлинию, но, нагруженные пустотелым товаром, становятся непотопляемыми. Не было еще случая, чтобы утонула кенская фелюка с горшками!

Идут они вверх по Нилу и в конце путешествия фелюка становится все легче. Первый базар — в Этфу, следующий — в Эсне, лучший — в Луксоре. Но отдых матросы дают себе только в конце пути и то перед новой загрузкой. А в обратный путь отправляются груженные товаром, который не столь объемист, но и не так безопасен в воде, как добрый, надежный горшок из Кены.

И В ЕВРОПЕ ВОРУЮТ

52 квартирных кражи на тысячу жилищ — таков средний показатель этих преступлений в странах Европы.

Италия и Британия занимают тут первое и второе места. В прошлом году в Италии обчистили 70 домов из каждой тысячи, а в туманном Альбионе — 64. Лучший (в смысле: худший в соревновании) результат у норвежцев — всего-то два на тысячу. Зато какие два! Самые знаменитые кражи года в этой стране имели место у иностранцев: у мистера Старкинса, английского бизнесмена, проживающего в Тромсе, и у сеньора Сурдо, корреспондента итальянской газеты. Если воров найдут и если они еще окажутся соотечественниками жертв, можно ли вообще включать их в норвежскую статистику?

Раздел ведет
Л.МИНЦ
Рисунки
В.ЧИЖИКОВА

Деннис УИТЛИ,
английский писатель

Роман

СОКРОВИЩА ЩАРЯ КАМБИЗА

Глава XVI

ДОЧЬ САМОГО ЧЕРТА

Конечно, мы с Уной безбожно опоздали к отплытию, и никакого оправдания, — кроме того, что я не мог вырваться из ее объятий у меня не было. Но дело не в этом. И капитан, и Махмуд прекрасно понимали, что туристы могут где-то потеряться, а приближалась ночь. Они несли ответственность за пассажиров, и было просто некрасиво отплывать без нас. Оставалось предположить, что они сочли, что мы вернулись на борт в толпе туристов. Кипя от злости, я попытался осмыслить положение.

К моему удивлению, Уна рассмеялась.

Я повернулся в сиде и взглянул на нее.

— Что же теперь делать? Если бы мы могли нанять катер и догнать их, но здесь только парусные суденышки. Разве пересечь реку на одном из них и дойти пешком до железной дороги, которая проходит, наверное, в двух-трех милях от берега...

Она покачала головой.

— Мы сможем добраться лишь до какой-нибудь станции, где поезда останавливаются, в лучшем случае, раз в сутки.

— Тогда мы не попадем на пароход раньше утра. Боюсь, к тому времени от вашей репутации ничего не останется!

— Я рада, что вы проявляете такую заботу обо мне. Но мне глубоко наплевать, что подумают эти люди.

— Дорогая, сейчас я пожертвовал бы чем угодно, лишь бы очутиться на пароходе. Я уверен, что блохи и вши вам нравятся не больше, чем мне. И я не представляю, где мы сможем провести ночь.

Продолжение. Начало в № №2, 3, 4/1995

Она пожала плечами и, бросив взгляд в сторону деревни, насчитывавшей десятка два хижин, произнесла:

— Аллах позаботится об этом.

Из деревни к нам уже спешила толпа мужчин и мальчишек, и, когда они приблизились, Уна расспросила их о случившемся. По их словам выходило, что пароход не дождался нас, поскольку ему нужно было стать на якорь около Бени-Мухаммеда до наступления темноты. Капитан просил местного шейха отправить людей на розыски, если мы не вернемся до заката, и передать нам свои сожаления. Подобная причина показалась мне достаточно веской: пассажиры действительно обязаны своевременно возвращаться на борт.

К нам подошел шейх, — дружелюбного вида пожилой человек со слезящимися глазами, опирающийся на палку, — и я попросил Уну узнать у него относительно поездов. Ее предчувствия подтвердились: ближайшая станция с названием Дейр Мовас находилась на другом берегу реки, поезда останавливались там только три раза в неделю, и следующий поезд на юг будет лишь завтра утром.

Однако была и приятная новость: горничная Уны со всем багажом своей госпожи сошла с парохода перед самым отплытием. Мы спросили шейха, где можно разместиться на ночь, и этот, несколько неопрятный, старик предложил нам воспользоваться его домом, причем с такой царской учтивостью, словно предоставлял в наше распоряжение дворец.

Слава Богу, у горничной хватило сообразительности не только вынести на берег багаж Уны, но и захватить кое-что из моих вещей.

Дом шейха оказался одноэтажным строением всего с двумя комнатами. Одна из них была полна женщин, но шейх с помощью пинков и проклятий выгнал их и усадил нас на тростниковые маты на полу. Комната жутко воняла козами и была неизмеримо грязной.

Нам подали кофе, и, пока мы пили его, Уна и шейх неторопливо беседовали. Я не особенно прислушивался к их разговору, но уловил слово «палатка», после чего Уна повернулась ко мне.

— Нам повезло, — сказала она. — С прошлой зимы здесь осталось снаряжение археологов. Я боялась оскорбить старика отказом спать в его доме, однако настояла, чтобы нам разбили за деревянной палатки, под предлогом, что мы не хотим причинять ему неудобств.

Около входа в дом прямо на земле горел огонь, на котором что-то готовилось. В низкой комнате без всякой вентиляции было невообразимо жарко и смрадно, а от дыма буквально текли слезы. Шейх отправился распорядиться относительно палаток, и примерно через час мы наконец-то приступили к еде.

Большое деревянное блюдо с жареными голубыми просто поставили в центре комнаты. Уна, шейх, его старший сын, мужчина лет сорока с бельмом на глазу, и я уселись вокруг него. Шейх залез пальцами прямо в блюдо и предложил нам по голубью. Мы разрывали их на части пальцами и зубами. За голубьями последовало блюдо из крохотных куриных яиц и сладкой кукурузы, затем сыр из козьего молока и наконец какие-то липкие, неопределенного вида сладости. Вновь подали кофе, и только после этого Уна вежливо рыгнула и поклонилась шейху, сказав «Мабрук!», что означает «Поздравляю с великодушными кушаньями, которые вы приготовили». Затем легонько толкнула меня локтем, я повторил ее действия и слова, а наши хозяева в подобной манере выразили свое удовлетворение.

Свежий ночной воздух благоухал, как ароматное вино, после зловония гостиной шейха, и я глубоко дышал, идя за стариком к палаточной роще на берегу реки, где для нас поставили палатки.

Их было две: одна — маленькая, армейская, а другая — побольше, напоминающая шатер. Я предположил, что первая предназначалась для меня, и эта мысль доставила мне облегчение.

Легко же представить мою реакцию, когда я увидел горничную Уны, появившуюся у входа в армейскую палатку. Шейх ввел нас с Уной в шатер, и из оброненного им замечания я понял, что он считает нас супругами. Уна, как я заметил со смешанным чувством восторга и тревоги, проигнорировала его реплику и начала поспешно расточать похвалы шейху за его заботу. И было за что благодарить, поскольку внутренность палатки немало удивила меня. Я всегда считал, что археологи живут в весьма суровых условиях. Теперь же эта иллюзия рассеялась. Палатка разделялась на две половины шторой, сейчас отдернутой, в одной части находились чемоданы Уны и ее спальные принадлежности, а в другой, служившей, вероятно, прихожей, стоял стол и несколько удобных кресел. На полу лежали ковры, и я заметил даже несколько бутылок шампанского, вероятно, тоже из запасов археологов. Палатка освещалась двумя масляными лампами, дававшими приятный, неяркий свет.

Старый шейх поклонился нам. Он тронул свой лоб, потом сердце и произнес:

— Благословенно имя Аллаха. Пусть он дарует вам радость и много красивых ребятишек.

Мы поклонились в ответ, и он ушел. Проверив правдивость Уны, я спросил ее:

— Что он пробормотал?

— Он пожелал мне того, чего я не хочу, — пожалала она плечами, — кучу детей.

Я натянуто рассмеялся, и мы замолчали. Затем, не сообразив, что можно сказать в таких обстоятельствах, я заметил:

— Ну, вот мы и здесь.

— Да, вот мы и здесь, — повторила Уна с оттенком насмешки в голосе. — Как насчет шампанского?

— Грандиозно, — ответил я и открыл одну из бутылок.

Я налил шампанского Уне, усевшейся в кресле, затем себе и тоже ел. Она немедленно встала, подошла ко мне и устроилась у меня на колене.

Не помню, чтобы еще когда-нибудь я чувствовал себя так неловко. Я был обескуражен и не знал, что сказать, и это — после проявленного рвения у гробницы Эхнатона! Мы поцеловались, но весьма робко.

Наконец в полном отчаянии я заговорил о египтологии, но она прервала меня, и, поднявшись, произнесла с подчеркнутой вежливостью:

— Думаю, мне пора в постель. Хотя вам, боюсь, здесь будет не очень-то удобно.

— О, я как-нибудь устроюсь, — пробормотал я. — Спокойной ночи и приятных сновидений.

— Спасибо, — улыбнулась она, — и... вам того же. — С этими словами она исчезла за шторой и поплотнее задернула ее.

Я пригасил лампу и, зная, что ночь будет довольно холодной, взял пальто. В этот момент штора снова раздёрнулась и появилось лицо Уны. На нем не отражалось ни гнева, ни изумления, ни презрения. Она просто тихо спросила:

— Вы еще не сделали зарядку?

— А-а? — пораженно воскликнул я. — Зарядку?

— Именно. Я делаю ее каждую ночь. А вы?

— Э-э, нет. Боюсь, что нет, — несколько нерешительно ответил я.

— Тогда вам просто необходимо начать. Это очень полезно для фигуры. Если бы у нас были рапиры, мы могли бы на несколько минут заняться фехтованием, — это самое хорошее из упражнений. Но, раз их у нас нет, мы вместо этого можем побегать.

— Побегать? — откликнулся я.

— Почему бы и нет? — оборвала она. — Смотрите, как это делается: через кресла, под столом, по кругу, прыгая, спотыкаясь, и опять бегом. Это прекрасное средство для поддержания формы.

— Ну-у, — пробормотал я, изумленный этой неожиданной для меня ее стороной. — Если вы так настроены, я не стану вам мешать.

Она шагнула вперед и оказалась рядом со мной. На ней почти не было одежды, но я не обратил на это внимания, поскольку спокойно взглянув на меня, она сказала:

— Я в лучшей форме, чем вы. Могу поспорить, что вы не поймаете меня.

— Не обольщайтесь, — рассмеялся я и сделал выпад, чтобы схватить ее. Но она уклонилась и отбежала за стол.

— Смелее, — сказала она. — Я бросаю вам вызов.

— Хорошо! — вскричал я. — Мне хватит двух минут, чтобы поймать вас.

Улыбнувшись, она наклонилась и погасила лампу. В следующую секунду ее насмешливый голос донесся из дальнего конца палатки:

— Попробуйте! Поймите меня! Поймите, если сможете!

Никогда в жизни я не испытывал большего возбуждения, чем от этой погони. Возможно, но мне пробудился первобытный охотничий инстинкт, который все еще силен в каждом мужчине, — но я твердо знал, что если не поймаю ее, то потеряю всякое уважение к себе.

Когда я поймал ее, — хотя уверен, что она сама позволила это сделать, — она повернулась ко мне в объятия и наши уста сомкнулись. Крепко сжимая ее горячее, податливое тело, я чувствовал, как сердце колотится в ее груди. Все мои колебания развеялись, как паутина на ветру. Я взял ее на руки и отнес в постель.

В котором часу я проснулся, сказать трудно, вероятно, где-то за полночь, поскольку в палатке было совершенно темно. Я сразу понял, что Уны нет рядом.

Все мои чувства мгновенно обострились, сна как не бывало.

Я выскользнул из постели, зажег спичку и, раздвинув штору, выглянул. Уны нигде не было, и я на цыпочках прокрался к выходу, где различил голоса. Уна разговаривала со своей горничной и, видимо, только-только разбудила ее. Слышно было плохо, я сделал несколько шагов вперед, но в темноте зацепился за одну из веревок палатки и с жутким грохотом растянулся на земле.

— Кто там? — раздался быстрый, возбужденный шепот Уны.

— Это я, дорогая, — проблеял я. — Я проснулся и, не найдя тебя рядом, забеспокоился, что случилось.

— Я на минутку вышла, — успокаивающим тоном произнесла она. — Возвращайся в постель, любовь моя. Я сейчас приду.

Мне ничего не оставалось, как повиноваться, но, повернувшись, я услышал ее торопливые слова, сказанные по-арабски:

— Ты поняла? Мне нравится этот англичанин, и я не хочу, чтобы ему перерезали глотку. Я не боюсь Закри. Наша договоренность отменится.

Как прелестно услышать подобное от своей подруги в середине первой ночи, проведенной с ней. Приятно было узнать, что я произвел на Уну такое впечатление, что она решила пощадить меня.

Но кровь буквально застыла в моих жилах при мысли о предательстве, которое она замышляла.

Мне стало ясно, что она все время знала, кто я на самом деле. Она, должно быть, детально продумала свой коварный замысел в первый же вечер на пароходе и на следующее утро послала инструкции Закри-бею до нашего отплытия.

Посещение гробницы Эхнатона послужило прекрасным предлогом увести меня прочь от нашей группы; палатку, вероятно, доставили по железной дороге, поскольку Уна слишком привередлива, чтобы спать в арабской лачуге, а местный шейх исполнял, скорее всего, ее же приказы, когда лгал относительно археологов.

Безмятежная, с ангельской улыбкой на устах, она вернулась прежде, чем я успел налить шампанского. Подойдя ко мне, она обвила руками мою шею, притянула голову к своей и очень скоро я начал теряться в догадках: не ослышался ли я? Невозможно было поверить, что столь юное создание могло замыслить такое черное дело. Однако же в этом не было никаких сомнений.

Утомившись от любовных игр и допив шампанское, мы вновь уснули, но ненадолго. Меня разбудили сердитые голоса. В тот же момент проснулась и Уна. Выскользнув из моих объятий, она выпрыгнула из постели, натянула платье и торопливо сказала:

— Это, должно быть, шейх и люди из деревни. Они, наверное, напился после нашего ухода. Что бы ни происходило, не выходи отсюда, любовь моя. Когда эти люди напьются, с ними трудно поладить, они ненавидят англичан.

Однако я все же вылез из постели, зажег лампу, проверил пистолет и стал одеваться.

Штора, разделяющая палатку, была задернута, но посетители находились уже в прихожей — Уна ругалась с ними; внезапно я с ужасом понял, что их предводитель вовсе не шейх. Высокий, напоминающий женский, голос мог принадлежать только Закри-бею.

Уна старалась изо всех сил. Она грозила всем смертью и проклятиями, если они немедленно не уберутся, но Закри был настойчив.

— Я не позволю твоим фантазиям путать наши планы! — воил он, и я начал лихорадочно натягивать одежду.

— Этот человек опасен для нас! Если хочешь, можешь взять в любовники хоть всех мужчин Египта, но Дзя надо устранить. Сейчас же отойди в сторону! Или я заставлю тебя сделать это.

Я не стал слушать далее, поднырнул под край палатки и вылез наружу. Луна давно уже села, звезды побледнели, но света было достаточно, чтобы убийцы заметили меня. Я изо всех сил бросился бежать вдоль высокого берега реки, молясь, чтобы никого не оказалось снаружи палатки. Я пробежал не более пятидесяти ярдов, как до меня донесся крик Уны:

— Джулиан! Джулиан! Спасайся, или эти люди убьют тебя!

Затем послышались выстрелы. Я остановился как вкопанный, но только на мгновение. Каким бы беспринципным ни был Закри-бей, он не рискнет убить женщину вроде Уны сгоряча. Особенно, когда достаточно просто приказать оттащить ее в сторону. Скорее, это она успела выхватить маленький пистолет, который я заметил среди ее вещей, и сама выстрелила в них.

Через сотню ярдов я остановился и осмотрелся. Пальмовая рощица была плохим укрытием, а за ней тянулась голая пустыня. Взглянув на небо, я увидел, что оно посветлело, — до рассвета оставалось недолго. Прежде чем взойдет солнце, я преодолел от силы пару миль. За мной отправят погоню и застрелят задолго до того, как я доберусь до линии холмов на горизонте.

Но тут я заметил у берега реки темные контуры катера. В нем, должно быть, и прибыл Закри-бей со своими головорезами. Без долгих размышлений я бросился по крутому откосу к реке и побежал вдоль берега к катеру.

На корме я увидел человека у руля, в тот же самый миг и он заметил меня и выхватил нож. Речь шла о моей жизни, и я трижды упор выстрелил в него. Вскрикнув от боли, он рхнул на дно катера, и в следующий момент я уже карабкался через планшир. Мне повезло: они оставили всего одного человека стеречь катер. Внезапно со стороны палатки раздался крики. Это Закри и его люди, услышав выстрелы, торопились сюда.

Собрав все силы, я перескочил раненого человека через борт, и он с гулким всплеском рухнул на мелководье. Я оттолкнулся от берега, завел мотор и развернул катер носом к фарватеру. Пуля щелкнула по деревянной кабине, другая — разнесла вдребезги ветровое стекло, обсыпав меня осколками. Я расслабился на дне катера, бросив руль, а люди Закри принялись решетить пулями его борта. Но расстояние между нами быстро увеличивалось, и выстрелы скоро прекратились.

Я не имел понятия, как далеко от Дейр Моваса находятся соседние станции железной дороги. До них могло быть и пять миль, и все двадцать. Если я не успею на поезд, то застряну здесь еще на пару дней, но если окажусь там вовремя, у меня будет больше шансов уехать без помех.

Если идти на юг, то поезд будет догонять меня, и у меня окажется около получаса в запасе, но Закри, не найдя меня в Дейр Мовасе, почти наверняка поедет на юг, в Асьют, откуда сможет быстро вернуться в Каир. Они наверняка заметят, как я буду садиться в поезд на следующей станции, и произойдет то же, как если бы я садился на поезд в Дейр Мовасе.

Шансы успеть на поезд сильно уменьшаются, если я стану двигаться на север, ему навстречу, но, по крайней мере, я смогу сесть незамеченным.

Я решил рискнуть и отправился по тропинке через хлопковые поля на северо-запад. Вставало солнце, а красота восходов в Египте соперничает с красотой закатов. Но мне было некогда любоваться великолепным зрелищем; я, не останавливаясь, шагнул вперед и через полчаса вышел к железной дороге.

В следующие два часа идти становилось труднее с каждой минутой. Солнце начинало припекало, и сказывалась усталость предыдущей ночи. Однако около девяти часов я заметил на горизонте купол небольшой мечети, а затем строения железнодорожной станции. Местечко называлось Масара. В маленьком магазинчике я взял себе на завтрак кофе, яйца и фрукты и затем почти два часа терпеливо ждал местного поезда. Когда он наконец прибыл, я купил билет до Асьюта, и, как только поезд отошел от станции, тут же заперся в туалете.

К счастью, дорога заняла не более двух часов, но, когда поезд остановился в Асьюте, я обнаружил, что не зря терпел дискомфорт — Закри и его люди действительно ехали в поезде, и прежде чем покинуть свое убежище, я терпеливо ждал, пока они не растворились в толпе на перроне.

Я решил в тот же день отправиться в Луксор, но сначала надо было забрать с парохода багаж. Я помнил, что на четвертый день путешествия по Нилу паром ранним утром отправляет из Бени-Мухаммеда и прибывает в Асьют к девяти часам.

Все пассажиры были на берегу, поэтому я избежал любопытных взглядов и ненужных расспросов, но мне хотелось сказать пару «приятных слов» капитану. Однако стюард сообщил, что перед тем, как покинуть корабль, Уна сказала капитану, чтобы нас в эту ночь не ждали, поскольку местный шейх пригласил нас в гости, и мы вернемся на корабль только в Асьюте. Мне ничего не оставалось, как взять свои вещи и поспешить на вокзал, к трехчасовому экспрессу, следующему в Луксор из Каира.

Я не увидел Закри-бея в поезде — видимо, он вернулся в Каир — но теперь я не опасался его. В поезде ехало много европейцев, и я знал, что он не осмелится предпринять что-либо в их присутствии. В восемь пятьдесят мы прибыли в Луксор, и я прямо с вокзала поехал в отель «Зимний Дворец».

Предыдущие сутки вымотали меня, и, пообедав, я сразу же лег в постель. Подоткнув под края матраца сетку от москитов и съжившись между прохладными чистыми простынями, я размышлял, смогу ли я когда-нибудь добраться до О'Кива и Закри. Но, по крайней мере, приятно было чувствовать, что опасность миновала, и через три минуты я погрузился в тяжелый сон без сновидений.

Я проснулся в крошечной темноте, понятия не имея, что меня разбудило. Но с ужасающей определенностью знал, что кто-то находится в комнате и крадется к моей постели.

Глава XVII

ПОЛНОЧНЫЙ ГОСТЬ

Несколько мгновений я лежал, не шевелясь, и вглядывался в темноту. Я ничего не видел, но всем своим существом явственно ощущал чье-то зловещее присутствие. Кто-то стоял совсем близко от меня, и стоило протянуть руку, как я коснулся бы своего посетителя через натянутую сетку от москитов. Казалось, я даже мог уловить его затаенное дыхание, хотя сердце мое колотилось так сильно, что кровь стучала в ушах, и я мог только благодарить Бога, что вовремя проснулся, и хотя бы оставалась возможность откатиться в сторону, когда будет нанесен удар невидимым ножом.

Оказавшись в отеле, я вновь почувствовал себя в полнейшей безопасности, и не только не положил под подушку пистолет, но даже забыл запереть дверь.

Я попытался успокоить сердцебиение и явственно различил рядом с собой тихое дыхание.

Кто-то коснулся простыни чуть выше моего левого локтя, что-то прошуршало вдоль руки вверх, и мне на плечо мягко легла чья-то ладонь. Мгновение — и фигура наклонилась надо мной, обдав щеку теплым дыханием. У меня мелькнула мысль, что гость слишком близко, чтобы нанести хороший удар, и, рынком приподнявшись на постели, я выбросил вперед правую руку и схватил склонившегося надо мной человека за шею, изо всех сил потянув его вниз, на себя.

Голова больно ударилась о мое плечо, раздался приглушенный крик, а затем голос Уны:

— Джулиан! Не надо! Это я! Мне больно!

С огромным облегчением я ослабил хватку и уселся на кровати.

— Мне жаль, что я испугала тебя, — тихо сказала она. — Здесь ужасно холодно. Подвинься, дорогой, чтобы я могла забраться к тебе в постель.

Памятуя о том, как мы расстались прошлой ночью, я не верил своим ушам. Но она, не дожидаясь ответа, приподняла одеяло и угнездилась рядом, просунув руку мне под шею.

— Как, черт побери, ты оказалась здесь? — только и смог спросить я.

— Я приехала сюда тем же каирским экспресом, что и ты. Но на вокзале ты так торопился, что даже не заметил меня.

— Но тебя не было на станции в Дейр Мовасе, — возразил я, — и, кроме того, я потопил катер Закри. Как тебе удалось добраться в Асьют и успеть на поезд?

Я почувствовал, как она пожала плечами.

— Я телеграфировала из Дейр Моваса и попросила остановить экспресс. Я села на него где-то в половине второго.

— Ну и ну! Тебе не занимать нахальства! — пробормотал я.

— Его и не требовалось. В конце концов, это моя страна, и здесь я — принцесса. Но ты, я вижу, не особенно рад видеть меня.

— Если бы я знал, что вы придете, ваше высочество, я приготовил бы шампанское со льдом, — с сарказмом сказал я и добавил, — и крепкую веревку, чтобы утром задушить вас.

— Это было бы нелюбезно с твоей стороны и очень глупо.

— Нелюбезно? — откликнулся я. — Да какое право ты имела бы жаловаться, если бы я на самом деле решил свернуть тебе шею? Ты прекрасно знаешь, какую судьбу мне готовили. Все было заранее подстроено с таким расчетом, чтобы наверняка избавиться от меня. Неужели ты станешь отрицать это?

— Нет, дорогой, нет. Но я все это задумала прежде, чем как следует узнала тебя.

— Какая разница? — сердито спросил я. — Все равно факт остается фактом: ты замыслила убийство человека и заставила его заниматься с тобой любовью, зная, что твои друзья готовятся убить его.

Уна вздохнула и еще крепче прижалась ко мне.

— Я скверная женщина, дорогой, — сказала она голосом раскаивающегося ребенка, — я очень скверная женщина. В этом нет сомнений. Но я ничего не могу с собой поделать.

На это трудно было что-либо возразить, поэтому она потерлась своей щекой о мою и нежно продолжала:

— Все это правда — каждое слово. Я действительно собиралась убить тебя. Ты доставил много неприятностей моим друзьям, и мы решили, что лучше всего убрать тебя с дороги. Но, видишь ли, я влюбилась в тебя, и с этим я тоже ничего не могу поделать.

— Очень хорошо, — сказал я, — в последнюю минуту ты передумала, но это ничуть не отменяет того, что сначала ты хотела убить меня.

— Но, Джулиан, это несправедливо! — возразила она. — Ты рассуждаешь абсолютно неразумно. В Александрии ты выдаешь себя за нашего человека и похищаешь у меня табличку, что досталась нам с таким трудом. В Каире ты крадешь наркотики, из-за тебя ликвидируют заведение бедного Гамала, а его самого теперь надолго упрячут в тюрьму. В Исмании, благодаря тебе же, сгорел «Дом ангелов», мы потеряли восемь женщин, стоивших кучу денег, масса людей арестована, и все наше дело разгромлено. Неужели после всего этого ты рассчитываешь, что никто не станет желать твоей смерти?

Конечно, она была в чем-то права. Если бы я не вмешивался в их дела, они не стали бы вмешиваться в мои, а теперь у них были весьма веские основания убрать меня с дороги.

— Ты больше не сердись на меня, нет? — умоляюще спросила она и, внезапно нагнувшись, поцеловала меня в губы.

— Честно говоря, не знаю, — признался я, отклонив голову. — У меня не было опыта общения с молодыми женщинами, сначала хладнокровно готовящимися убить меня, а на другой день признающимися в любви.

Она рассмеялась.

— Тогда, радость моя, ты ничего не знаешь о настоящей любви. Твой опыт, вероятно, ограничивается чопорными англичанками. Я же совсем другая. Когда я считала тебя врагом, я могла пойти на все, чтобы убить тебя. Но теперь, когда люблю, я принадежду тебе душой и телом.

— Как тебе удалось определить, кто я? — спросил я. — Неужели ты сразу же узнала во мне человека, который в наряде краснокожего индейца приходил к тебе в Александрии?

Она покачала головой, и концы ее темных кудрей заплясали вокруг шеи:

— Нет, я не узнала тебя. Но ты оказался не слишком-то сообразительным, дорогой. Ты не представился мне в Саккаре, и, встретившись со столь привлекательным молодым человеком, я, естественно, заинтересовалась, кто он. Оказалось, что его зовут Джулиан Дэй, а поскольку человек с таким именем в последние дни был главной темой разговоров моих друзей в Александрии, этого было для меня достаточно. Конечно, взглянув затем в его глаза, я узнала в нем незнакомца, выдававшего себя за Лемминга.

Теперь настал мой черед смеяться. Как же я мог совершить такую вопиющую оплошность и зарегистрироваться на корабле под своим именем? Находясь на борту, я все время тешил себя иллюзией, что Уна не подозревает, кто я такой, хотя с таким же успехом мог бы повесить на своей груди бирку, подробно рассказывающую обо мне.

— Ну, ладно, — сказал я, — что мы сейчас будем делать?

— К сожалению, здесь нет шампанского, — прошептала она, — но, по крайней мере, можно выключить свет.

Я взял ее маленькое сердцевидное лицо в свои ладони и посмотрел прямо в ее изумительные глаза.

— Уна, — сказал я, — готова ли ты доказать свое расположение ко мне и рассказать все, что ты знаешь об О'Киве, Закри-бее и об их организации?

— Да, — просто ответила она. — Завтра утром я отвечу на любые твои вопросы. А теперь нельзя ли погасить этот жуткий свет?

Но утром все сложилось несколько иначе.

Она ушла к себе, когда за окном уже забрезжил рассвет, и до ланча не выходила из своего номера.

Едва я приступил к ланчу, как в ресторан царственной походкой вошла Уна. Передней низко склонился официант, но она, не удостоив его вниманием, подошла прямо ко мне.

Я с улыбкой подставил ей стул, но в глубине сознания шевельнулась мысль: не дурачу ли я себя?

Не подозревая о моих дурных предчувствиях, Уна оживленно болтала, и мне показалось, что ее интерес к египтологии вполне искренен. Она была раздосадована, что, прервав поездку по Нилу, не посетит Абидос — древний центр культа Осириса — и Дендери, где находится храм времен правления Птолемеев.

Теперь она намеревалась наверстать упущенное в Луксоре и, даже не посоветовавшись со мной, заказала нам на вечер машину для поездки в Карнак.

— Превосходно, — сказал я, — но, знаешь, нам надо серьезно поговорить, и чем скорее, тем лучше.

— Конечно, дорогой, — согласилась она, будто и не подозревая, о чем пойдет речь, — но мы можем поговорить, пока будем бродить около храма.

Я был вынужден согласиться.

Туристы приезжают в Луксор, чтобы взглянуть на развалины стовратных Фив — величайшего города древнего мира. Он моложе Мемфиса, но приобрел свою значимость раньше него, в эпоху Среднего царства, в 2100 году до нашей эры, когда фараоны XII династии избрали его своей столицей.

В период правления «пастушьих» царей город на несколько сот лет пришел в упадок, но вновь возродился — в почти немисломом великоколении — во времена Новой империи, когда фараоны XVIII династии управляли отсюда огромной территорией, простирающейся от Абиссинии до Персидского залива. В отличие от полностью исчезнувшего с лица земли Мемфиса, в Фивах сохранились бесчисленные храмы, красноречиво свидетельствующие о величии их строителей.

Сам город, в котором жителей было больше, чем в современном Париже, Берлине или Риме, стоял на восточном берегу реки, где теперь находится Луксор и храмы Карнака. На западном берегу на много миль тянется некрополь, представляющий еще больший интерес. Именно там находятся знаменитые Долина Царей, Долина Цариц и Долина Знати.

В двадцати минутах езды от Луксора расположен Карнак, где воздвигнут величайший храм всех времен. Его площадь настолько велика, что внутри уместился бы римский собор Святого Петра и весь Ватикан. Он представляет собой не один, а множество храмов, которые строили или реконструировали бесчисленные фараоны, начиная с XI династии и кончая династией Птолемеев, так что строительство растянулось на срок более длительный, чем период от рождения Христа до наших дней.

В самом центре стоит храм Амона-Ра со своими ста пятьюдесятью шестью огромными колоннами, возвышающимися, подобно каменному лесу, в его главном зале. Колонны так велики, что на площади основания каждой могут свободно разместиться двенадцать человек. В древности вся поверхность храма была ярко расписана, огромные флаги развевались на высоте в сотню футов над его пилонами, массивные двери были из меди и бронзы, а священные изображения — из чистого золота с драгоценными камнями. Сейчас от этого великоколеса не осталось и следа, но храм все еще поражает своим величием.

Чтобы целиком осмотреть Карнак требуется несколько дней, но мы с Уной провели там не более часа, побывав лишь в запомнившихся нам от прошлых посещений местах. После чего уехали на огромном каменном скарабее около священного озера и начали беседовать.

Уна оказалась более откровенной, чем я предполагал. Она мало знала об О'Киве и никогда не слышала о Большой Семерке, зато многое рассказала мне о Закри. Она сообщила все, что ей было известно о торговле наркотиками, назвала адреса складов, где их хранили, и пути их доставки сюда. Того, что она сказала, было вполне достаточно, чтобы упрятать Закри за решетку, но моя радость была преждевременной.

— Как жаль, дорогой, что ты не воспользуешься всем этим, — неожиданно сказала она.

— Что?! — воскликнул я. — Почему бы нет?

Она удивленно взглянула на меня.

— Но, Джулиан, ведь им известно, что я бросила их и стала твоей любовницей. Если ты сообщишь в полицию то, о чем я рассказала, и она примет меры, Закри сразу догадается, кто их предал, и меня наверняка убьют.

— Мы можем попросить полицию защитить тебя, — пробормотал я.

Она презрительно пожала плечами.

— Единственной защитой будут десять лет тюрьмы. Я сама сильно замешана в их деятельности, и первым делом полиция арестует меня. Нет, Джулиан. Ты ничего не сможешь сделать, если не хочешь увидеть меня мертвой или за решеткой.

С горьким разочарованием я был вынужден признать ее правоту. Даже став свидетелем обвинения, она сможет рассчитывать лишь на смягчение приговора. И хотя я горячо желал, чтобы она порвала со своим преступным прошлым, я не мог своими действиями ставить под угрозу ее жизнь или свободу. Однако в глубине сознания шевелилась мысль, что она с самого начала знала, как повернуть дело так, чтобы я не смог воспользоваться ее информацией.

— Что же мне тогда остается, как ты думаешь? — довольно мрачно спросил я.

— Ну-у, все очень просто, — улыбнулась она, — если Закри твой враг, нам надо позаботиться, чтобы его убили.

— Мне надо подумать об этом, — сказал я, поспешно вставая. — А сейчас давай пойдем к тому маленькому храму, где находится изумительная статуя львиноголовой богини Сехмет.

Она несколько цинично улыбнулась, соглашаясь, и в этот вечер больше не упоминала о Закри.

За обедом Уна была само очарование, и опасения, терзавшие меня днем, вновь отодвинулись на задний план.

Я знал, что Гарри, Кларисса и Сильвия этой ночью выезжают из Каира и их прибытие в Луксор означает для меня бесчисленные осложнения, но сейчас я отказывался размышлять об этом.

Меня несколько не заботило, что они подумают или скажут, — я полностью отдался удовольствиям этой ночи с Уной.

И эта временная, безумная погруженность в нее заставила меня забыть, что кайрский экспресс прибывает в Луксор в семь утра. Элементарная предусмотрительность должна была подсказать мне, что швейцар наверняка сообщит им о моем появлении, и они поспешат узнать, что заставило меня так рано объявиться в Луксоре, поскольку нильский пароход должен был приплыть только вечером.

С характерной для нее небрежностью Уна забыла на ночь запереть дверь моей комнаты, и мы еще дремали рядом, когда внезапно раздался резкий стук, повернулась ручка двери и на пороге появился улыбающийся Гарри.

— Привет, Джулиан, старина! — воскликнул он. — Подумать только, ты оказался здесь раньше нас!

В следующий момент он заметил в постели Уну и со словами «О Боже!» захлопнул дверь.

— Кто это был? — поспешно спросила Уна, садясь на кровати. — Гарри Бельвиль, — ответил я. — Если помнишь, вчера я говорил, что мои друзья сегодня утром приезжают в Луксор.

— Да, конечно, — согласилась она. — Ты думаешь, я понравлюсь им?

— Я в этом уверен, — ответил я с тоской подумал о проблемах, с которыми мне предстоит столкнуться.

ГЛАВА XVIII

ЗЕЛЕНОГЛАЗОЕ ЧУДОВИЩЕ

Я вспомнил строчку из Киплинга: «Я не устоял перед соблазнами, и настало время платить», словно написанную о ситуации, в которую я попал. Но сначала надо было объяснить с Уной:

— Жаль, что он так вломился. Но это могло случиться гораздо раньше. Тебе стоило уйти от меня пару часов назад.

Она пожала плечами.

— Не имеет значения, дорогой. Наши номера на одном этаже, и мне нетрудно пробраться к себе незамеченной.

Когда я сошел вниз, в ресторан, Бельвили и Сильвия заканчивали завтрак. Меня встретили очень дружелюбно, я сел за столик и рассказал о своем знакомстве с Уной на нильском пароходике и последовавших за этим приключениях в Тель-эль-Амарне. Я попытался объяснить, как изменилось отношение Уны ко мне, как она пробовала спасти меня и как я старался получить от нее информацию о наших противниках.

Когда я закончил, воцарилось неловкое молчание. Наконец Гарри сказал:

— Амин встретил нас на вокзале и сообщил, что шесть автомобилей и почти все снаряжение для экспедиции уже прибыли из Каира и сейчас находятся на привокзальном складе. Мы собираемся проверить их состояние. Вы пойдете с нами?

— Не имеет смысла всем нам идти туда, — вмешалась Кларисса. — Вы с Сильвией вполне справитесь с этим. Джулиан останется здесь и покажет мне знаменитый сад, о котором мы столько слышали.

Фасадом отеля «Зимний Дворец» повернут в сторону Нила, откуда открывается великолепный вид на далекие Ливийские холмы, а позади отеля разбит один из самых красивых садов Египта, занимающий много акров.

Как только Гарри и Сильвия ушли, Кларисса взяла меня под руку:

— Ну, Джулиан, сейчас с нами нет Сильвии, и я хочу знать, что происходит на самом деле.

— Вы, наверное, уже догадались, — уклончиво ответил я.

— Вы влюбились в прекрасную Уну, не так ли?

— Видите ли... — нерешительно начал я. — Это трудно объяснить. Я не собираюсь жениться на ней и абсолютно убежден, что наша тяга друг к другу недолговечна. Временами, однако, я нахожу ее просто неотразимой.

— Я могу это понять, — тактично согласилась Кларисса. — Когда я впервые встретила ее на маскараде в Александрии, она показала мне красивейшим созданием, которое мне когда-либо доводилось видеть. Но уверены ли вы, что ее отношение к вам действительно изменилось? Это как-то не вяжется с ее характером.

— Честно говоря, не знаю, — признался я. — Иногда я верю, что она любит меня до самопожертвования; но бывают моменты, когда я не сомневаюсь, что при первой же возможности она обманет меня.

— Вероятно, вы правы и в том, и в другом, — задумчиво произнесла Кларисса. — Удалось ли выудить что-нибудь из нее?

— Ничего, чем можно было бы воспользоваться, не подвергая ее опасности.

— Я так и думала. Вы подцепили древнюю заразу, Джулиан, и, пока она у вас в крови, улучшения не наступит. Развлекайтесь, сколько душе угодно, но ради Бога, не будьте чересчур доверчивы.

— Кларисса, вывеликий человек, — улыбнулся я. — Вы умудрились все поставить на свои места. Но скажите теперь, как нам быть дальше? Рискнете ли вы познакомиться с Уной?

— Конечно, представьте нас друг другу. Но будет лучше, если

вы, Джулиан, останетесь за своим столиком и в следующие несколько дней не станете беспокоиться о наших делах. Она наверняка ревнива и требовательна, и, кроме того, чем реже вы будете встречаться с нами, тем меньше она сможет узнать о наших намерениях.

За ланчем Уна была в отличным настроении. Пароход, на котором мы плыли по Нилу, прибывал этим вечером, и сегодня же должен был приехать из Каира ее водитель с машиной. Поэтому она была полна идей относительно всевозможных поездок.

После ланча я представил Уну своим друзьям, и мы выпили кофе с ликером в баре. Все началось лучше, чем я ожидал. Гарри, возможно, не отличался большой сообразительностью, но его дружелюбие и расположение ко всем без исключения подействовали очень благотворно. Вскоре Уна непринужденно смеялась и шутила с Бельвильями, и только Сильвия оставалась несколько в стороне, но, узнав, что Уна интересуется египтологией, тут же вылезла из своей скорлупы, и ближайшие полчаса оказались приятными для всех.

Но в конце нашей встречи Сильвия сказала мне:

— Джулиан, мне бы хотелось пройтись с вами по городу. Мне будет нужен ваш совет.

Ее слова звучали так, словно она приглашала меня на прогулку, но я сразу догадался, что речь шла о людях, подобранных Амином для экспедиции, и она хотела, чтобы я познакомился с ними, прежде чем принять окончательное решение.

Мы с Уной ни о чем не договаривались на сегодня, и я немедленно согласился. Но тут я взглянул на Уну, и то, что я прочитал в ее лице, явилось для меня откровением. Она смотрела на Сильвию так, будто с радостью убила бы ее. В следующий момент она взяла свою сумочку и, не говоря ни слова, покинула нас.

Возникло неловкое молчание. Затем Кларисса сказала, что собирается пойти отдохнуть, и они с Гарри ушли вслед за Уной, а мы с Сильвией отправились по своим делам.

Около отеля нас встретил Амин, и по дороге к пристани они с Сильвией рассказали мне о подготовке экспедиции. В головной машине отправятся наши слуги и проводники, во второй, которую мы с Гарри будем вести попеременно, поедут Кларисса, Сильвия и Амин. Нас будут сопровождать четыре грузовика с запасами воды и снаряжением, и для каждого потребуются водитель и помощник, который будет выполнять еще и обязанности разнорабочего.

Всего в экспедицию должно было участвовать восемнадцать человек; Амин представил нам повара по имени Абдулла, и двух слуг — Омара и Мусу, причем предполагалось, что последний поведет автомобиль с проводниками. Их мы собирались найти в оазисе Харга, лежащем на пути, а с четырьмя водителями и четырьмя рабочими Амин договорился здесь, в Луксоре.

Мне не часто приходилось нанимать для работы арабов, но я переговорил с каждым, и их ответы удовлетворили меня, но самое главное — я всецело доверял Амину, и мы зачислили всех.

Вернувшись в отель, я обнаружил у себя в комнате Уну, ждущую моего возвращения и тут же устроившую мне жуткую сцену ревности.

Как я осмелился, спросила она, ударить при первой же возможности и променять ее, Уну, на эту бесстыжую, желтоволосую, бледнолицую мадемуазель Шэйн?

Я пытался убедить ее, что нас с Сильвией не связывает ничего, выходящего за пределы обычной дружбы. Но она продолжала бушевать, не давая мне вставить ни слова и заявляя, что если я предпочту ей эту хладнокровную, плоскогрудую верзуню, она не вынесет подобного унижения и скорее убьет Сильвию и себя, чем уступит меня ей.

И тогда я поступил единственно возможным образом: закатил ей пощечину.

На мгновение глаза Уны расширились, словно она собиралась упасть в обморок, а затем разразилась безудержными рыданиями. Я обнял ее и принялся целовать. В силу странностей женского ума пощечина не только привела ее в чувство, но, казалось, убедила в силе моей любви к ней.

За обедом она вновь выглядела веселой и счастливой и предложила завтра отправиться на экскурсию через реку.

Наутро, прихватив с собой корзину с продуктами, мы сели в моторную лодку и пересекли Нил. На другой стороне нас ждал шофер Уны, переправившийся на пароме вместе с машиной — прекрасным, серебристого цвета «роллс-ройсом», и мы поехали к скалистой гряде, тянущейся вдоль границы пустыни, где расположены многочисленные гробницы и храмы.

Наиболее интересный из них — чудесный храм Дейр-эль-Бахри, вырубленный прямо в скале тремя огромными террасами. Он был построен Хатшепсут, величайшей из цариц Египта, своего рода королевой Елизаветой древности. Она жила во времена XVIII династии и вышла замуж за Тутмоса II, оказавшегося безвольным правителем и вскоре отдавшим в ее руки всю реальную власть. Вдальнейшем ей удалось свергнуть с престола своего слабохарактерного супруга и объявить себя божественно-избранной наследницей его умершего отца — Тутмоса I. Однако влиятельные жрецы провозгласили ее сводного брата — или, быть может, пасынка — Тутмоса III, и эта решительная дама вышла за него замуж, тем самым избавившись от возможного соперничества.

Тутмос III был в весьма юном возрасте и совсем не хотел находиться под каблуком своей властной и немолодой жены. Поэтому он покинул ее и присоединился к находящемуся в изгнании Тутмосу II. Но затем Тутмос II умер, а Тутмос III счел за

лучшее вернуться в Египет и отказаться от борьбы. Некоторое время они правили вместе, хотя даже в возрасте сорока лет Тутмос III оставался на заднем плане, а его супруга безмятежно царствовала, сосредоточив в своих руках неограниченную власть.

Самое удивительное, что Тутмос III впоследствии оказался величайшим фараоном в истории Египта. Когда ему было сорок с небольшим, произошло восстание в Сирии, находившейся тогда под властью Египта, и царица позволила ему возглавить армию, посланную для умиротворения мятежников. Кампания прошла успешно, и, пока он воевал в Сирии, Хатшепсут умерла. Освободившись, наконец, от помочей своей состарившейся жены — мачехи — сводной сестры, он стал верховным правителем и царствовал еще семнадцать лет, сражался в пятнадцать войн и раздвинул границы Египетской империи от третьего порога Нила до берегов Евфрата.

Недавность этого великого завоевателя к своей супруге, в течение двадцати лет державшей его в бездействии, была столь велика, что после ее смерти он искалечил большинство построенных ею памятников.

Но все его усилия стереть память о великой царице оказались тщетны — о ней постоянно напоминают возведенные ею храмы, и самый прекрасный из них — в Дейр-эль-Бахри.

Мы с Уной все утро бродили по храму и его окрестностям, а затем поехали в гостиницу Кука, расположенную всего в четверти миль от храма, съели захваченный из отеля ланч и с удовольствием выпили превосходного кофе.

Потом решили вечером отправиться в Долину Знати, в определенном смысле даже более интересную, чем Долина Царей. Гробницы там гораздо меньше царских, зато тематическое разнообразие. Они не ограничиваются традиционными изображениями умершего фараона в окружении богов, а показывают многочисленные бытовые и семейные сценки из жизни египтян: как они жили здесь, на земле, и как надеялись жить на небе после смерти.

Многие рисунки выглядят столь ярко и свежо, словно выполнены не три тысячи лет назад, а лишь вчера, и египтяне представлены на них так живо, что покров времени приподнимается, и они предстают перед нами добрыми, культурными людьми, во многих отношениях похожими на нас. Вот, например, знатный египтянин, уносящий рыбу с лодки, его жена расправывает корзину с провизией, а маленькая дочка обвивает руками ногу отца, опасаясь, как бы он не упал за борт; вот надсмотрщик на поле, вставший на колени и угаскающийся занозу из голы ступни девушки-рабыни; вот слепой арфист, игравший для семьи египтянина и теперь наслаждающийся кушаньем.

Одна гробница, — Сенуфера, смотрителя царских садов, — производит особое впечатление. Ее потолок не отшлифован, а оставлен шероховатым и разрисован зелеными листьями с фиолетовыми гроздьями винограда, и при мерцающем свете свечей создается фантастическая иллюзия пребывания в обширном винограднике, плоды которого созрели для сбора. Ив каждой гробнице, на дальней стене погребальной камеры изображены муж и жена, и их руки нежно обвивают талии друг друга.

Целый день под палящим солнцем мы карабкались по склонам крутых холмов, в которых вырублены гробницы, спустились по узким и пыльным проходам в крошечную тьму погребальных камер и к пяти часам вечера почувствовали, что совершенно выбились из сил и пора возвращаться в отель.

За обедом к нам подошел Гарри и предложил всем вместе собраться в баре. Мы с Уной, естественно, согласились, и через некоторое время вся компания как ни в чем не бывало попивала кофе и смеялась. Я танцевал по очереди со всеми тремя девушками. Сильвия была в отличном настроении, хотя ее веселье мне показалось несколько натянутым. Она постоянно подначивала меня насчет моего успеха у Уны, и мы много смеялись, скользя по полу площадки для танцев.

Именно это, я думаю, больше всего не понравилось Уне. К тому же танцевала она из рук вон плохо, а Сильвия, несмотря на свой рост, — божественно. И, когда оркестр вновь заиграл любимую мелодию Сильвии, она вновь предложила мне потанцевать.

Уна поспешно поднялась и угрюмо заявила, что устала и собирается спать. Элементарная вежливость не позволяла мне отказать Сильвию, и я пожелал Уне спокойной ночи и повел Сильвию в сторону оркестра.

После этого инцидента настроение Сильвии резко изменилось, и она раздосадованно заявила мне:

— Идиотка! Что, по ее мнению, я намерена сделать? Съесть вас? Она сама наверняка привыкла отбивать мужчин и считает, что это свойственно всем.

— Ну-ну! — рассмеялся я. — Подождите немного. Хотя она по-европейски образованна, но часто мыслит совершенно примитивно, и, не будь вы столь хороши собой, она, я думаю, не ревновала бы.

— Благодарю за комплимент, но я не более привлекательна, чем три или четыре другие девушки, что находятся в этом зале. Если ваша маленькая египтяночка хочет встречаться с приличными людьми, ей следует научиться соответствующим образом вести себя.

— Со временем она научится, — пожал я плечами, — но, думаю, куда больше ее задело то, что она скверно танцует, тогда как ваше умение выше всяких похвал.

Сильвия немного оттаяла.

— Сейчас мне лучше отойти на задний план, чтобы вас не встречали сценами ревности всякий раз, когда вы пробираетесь к ней в спальню.

— Почему вы так считаете? — спросил я.

— Дорогой мой, разве это не очевидно? Что еще в ней могло привлечь вас? Послушайте-ка, я думаю, что вам очень повезло с Уной, поскольку она как будто рождена для одного-единственного занятия, и я не побоюсь утверждать, что только им она и живет. Но ее тупость и беспардонная ревность раздражают меня, ведь из-за них я лишаюсь прекрасного партнера для танцев. Арчи Лемминг тоже неплохо танцевал, но вы превзошли его.

— Лемминг? — удивленно повторил я.

— Да. Он участвовал в экспедиции отца прошлой зимой, и мы танцевали почти каждый вечер.

До этого момента я и не подозревал, что Сильвия и Лемминг хорошо знакомы друг с другом, и я спросил ее, слышала ли она что-нибудь о нем после его возвращения в Египет.

Она покачала головой.

— Нет. Бедняга, наверное, сошел с ума, спутавшись с человеком типа О'Кива. Во всяком случае, вы, я надеюсь, займете его место на танцевальной площадке.

Уна и на этот раз устроила мне сцену ревности, и я не нашел лучшего способа успокоить ее, как терпеливо ждать окончания ее словоизлияний. Затем я помолчал еще минут пять, чтобы она немного остыла и прочел ей краткую, но убедительную лекцию на тему различия между танцами и любовью, как это понимается в западном мире, и поклялся, что ничуть не люблю Сильвию.

Она приняла мои заверения и вскоре вновь мило ворковала, но меня не покидало чувство, что «не все в порядке в Датском королевстве» — этим вечером, когда Уна уже ушла, мы решили отпраздновать Рождество в Луксоре и еще через пару дней отправиться на поиски сокровищ Камбиза. Как на это отреагирует Уна, я не осмеливался даже себе представить.

Глава XIX

ГРОБНИЦЫ ЦАРЕЙ

Максимально оттягивая разговор с Уной, я мог бы даже избежать сцены, сообщив новость в самый последний момент и оставив ее плачущей на террасе отеля.

Но так поступать было бы некрасиво, и, к тому же, мне надо собрать вещи, а это она наверняка заметила бы. Поэтому я решил дать ей возможность высказать все, что она обо мне думала. Уна была буквально ошарашена, и мне пришлось дважды повторить свои слова, прежде чем их смысл дошел до нее. Но потом ее ярость не знала границ.

Она прекрасно понимала, почему Бельвилли и я прибыли в Луксор, но по каким-то причинам предпологаала, что наши приготовления к экспедиции окажутся более длительными, и она успеет отговорить меня от участия в ней. Видя, как рушатся ее надежды, она кипела от возмущения, что я ничего не говорил ей раньше.

Наконец ее силы иссякли, и она, плача, свернулась клубочком у меня в объятиях, всхлипывая так, словно ее сердце готово разорваться от горя. И только к трем часам ночи она осознала, что я непреклонен в намерении покинуть Луксор с Бельвилями, и начала проявлять первые признаки смирения.

Внезапно она напомнила мне, что мы собирались еще раз посетить Долину Царей, и кротко спросила, не хочу ли я лишиться ее и этой поездки.

Экспедиция отправлялась из Луксора вечером и предстоял очень напряженный день, но у меня просто не хватило духу отказать Уне.

В десять утра мы встретились на террасе. Уна выглядела очень подавленной, и рядом с ней находился странного вида драгоман. Это немного удивило меня, потому что прежде мы никогда не пользовались услугами гидов.

— Это Саид, — сказала она. — Его рекомендовал швейцар отеля, когда узнал, что мы собираемся посетить сегодня малоизвестные гробницы, которые ни ты, ни я еще не видели.

Я сразу же согласился, и мы втроем пошли на пристань.

Переправившись на другой берег, мы сели в машину Уны и проехали несколько миль через хлопковые и пшеничные поля, а затем, оставив слева храм Дейр-эль-Бахри, свернули на каменистую дорогу, ведущую глубоким ущельем к Долине Царей.

Мне уже неоднократно доводилось проезжать здесь, но это безжизненное ущелье всегда производило на меня неотразимое впечатление. Дорога вилась между отвесными утесами из песчаника, дно усеивали огромные валуны, и вокруг не было ни одного растения или живого существа. Это действительно была Долина Смерти, говорили, что даже змеи и стервятники не живут среди выжженных солнцем скал. И появлялось странное чувство, будто находишься на краю свега, за миллионы миль от обитаемого мира, и что за мерцающей дымкой, поднимающейся от нагретого солнцем камня, могут лежать только ворота Гадеса. Ничто не нарушает тишину ущелья, и ощущение времени совершенно теряется. Кажется, что вот-вот из-за поворота появится величественная процессия бритоголовых жрецов в белых одеяниях и роскошно одетых военачальников, с торжественными песнопениями сопровождающих фараона империи, существовавшей задолго до Греции, Карфагена или Рима, к месту его последнего упокоения.

Ущелье заканчивается огромной впадиной, окруженной со

всех сторон желто-красными скалами, и в нее ведет лишь узкий проход. Скалы поднимаются здесь крутыми уступами, и именно под ними вырублены в камне многочисленные гробницы царей.

Всего здесь насчитывается около шестидесяти захоронений, и почти все они были разграблены в период анархии, последовавшей за крушением империи.

Только две из заново обнаруженных гробниц избежали разорения, их мумии и сокровища сохранились нетронутыми и найденны в том же виде, в каком были оставлены жрецами после погребения.

Одна из них — гробница Тутанхамона, открытие которой составило целую эпоху в истории археологии. Она избежала участи других захоронений лишь потому, что была на удивление мала и находилась между двумя большими гробницами, где, казалось, никак нельзя было ее разместить.

Огромное количество сокровищ, оказавшихся в ней, дает весьма отдаленное представление о том, что хранилось в других гробницах, зачастую более чем в двадцать раз превосходивших по размерам гробницу Тутанхамона. Другое нетронутое захоронение — гробница Иуа и Тиуа, деда и бабки фараона-еретика Эхнатона — тоже сравнительно невелико по размерам, но его сокровища составляют второе по значению собрание египетских древностей.

По конструкции захоронения разделяются на три типа, по которым можно определить, к какому периоду они принадлежат. Фараоны XVIII династии, первыми устроившие здесь гробницы, почти отсюда вырубали в скале глубокие шурфы, причем каждый последующий располагался ниже предыдущего; они соединялись друг с другом горизонтальными коридорами, а саркофаг размещался иногда в нескольких сотнях футов от поверхности. Цари XIX династии сделали наклон шурфов менее крутым, чтобы поним можно было ходить без труда, а правители XX династии ограничились лишь слегка уходящим вниз коридором, ведущим прямо в погребальную камеру, находившуюся почти на одном уровне со входом в гробницу.

Все они отличаются размерами, соответствующими продолжительности царствования фараона. Как только фараон восходил на трон, он приступал к работе над местом своего погребения. В скале вырубался коридор и комната размером футов в двадцать. Если правление фараона было коротким, как в случае Тутанхамона, эта комната становилась его погребальной камерой. Если царствование продолжалось, то добавлялись камеры по бокам, прорубался новый коридор и еще одна комната, которая, в свою очередь, становилась местом погребения, если фараон умирал. Но если фараон правил достаточно долгий срок, его гробница представляла собой целую цепь коридоров и комнат, все дальше проникающих в глубь скалы по мере того, как текли годы его жизни.

Ни одна из гробниц не закончена, и все они завершаются частично вырубленными камерами или начатыми коридорами. Когда фараон умирал, работы по углублению гробницы прекращались, каменотесы шлифовали до блеска неровные поверхности коридоров и камер, жрецы красной краской наносили очертания священных символов, художники черной краской доводили их линии до совершенства, затем скульпторы высекали изображения, и, наконец, их ярко раскрашивали.

Все изваяния и настенные росписи — религиозного характера и представляют собой тексты и иллюстрации к ним, взятые из «Книги Литаний Ра», «Книги Ворот», «Книги Того, Кто Правит Преисподней», «Книги Откровения Рта» и «Книги Мертвых», которые составляли священную литературу древних египтян. По их верованиям, когда фараон пробуждался от смертного сна, он видел перед собой записанные иероглифами на стенах камеры и саркофаге все магические тексты и символы, которые могли потребоваться, чтобы успешно ответить на вопросы чудовищ, преграждающих путь в Долине Теней, прежде чем он доберется до лодки Ра и отплывет в египетский рай.

Ранее мы с Уной осмотрели большую часть самых значительных захоронений, но ни она, ни я не видели замечательную гробницу Меренптаха и военачальника, занявшего престол после смерти Тутанхамона, — фараона Хоремхеба. Более часа мы провели в этих холодных, душных помещениях, прежде чем вновь оказались под ярким солнцем.

— Что бы ты еще хотела осмотреть? — спросил я ее. — После того, как мы посетили наиболее интересные гробницы, можно выбрать любую из оставшихся.

— Как насчет гробницы Тутмоса III? — предложила она.

Саид, не особенно проявивший себя как гид, но казавшийся вполне приличным малым, покачал головой:

— Я бы не рекомендовал ее, госпожа. В прошлом году там случился обвал, и спуск в нее небезопасен.

— Она заперта сейчас? — спросила она.

— Нет, — после небольшой паузы ответил он, — но там бываю только археологи. Для вас она вряд ли представит интерес.

Тутмос III был как раз тем фараоном, который, освободившись от помочей царицы Хатшепсут, державшей его почти тридцать лет, стал затем величайшим из завоевателей за всю долгую историю страны. Идея посетить могилу египетского Наполеона внезапно показалась мне привлекательной.

Но Саид колебался.

— Это далеко отсюда; и к тому же я не знаю, есть ли там лестница, без которой нам не спуститься ко входу в гробницу. Да и сам саркофаг находится очень глубоко.

— Я не против, дорогой, — сказала Уна.

— Тогда пошли, — решил я.

Саид пожал плечами.

— Хорошо. С позволения госпожи, я спрошу ключи у сторожей, но нам предстоит долгий путь, и госпожа устанет.

Арабы, вообще говоря, весьма ленивы, и у меня сложилось впечатление, что Саид выдвигал возражения лишь потому, что не хотел идти туда по солнцепеку. Все эти разговоры об опасности — сущий вздор, иначе власти закрыли бы гробницу для посещений. Однако, что-то бормоча себе под нос, он пошел искать сторожей.

Через несколько минут он вернулся с одним из них, сказавшим, что пребывание в самой гробнице не опасно, так как обвал случился у входа, но спуск к нему достаточно труден. В этом сезоне даже профессиональные археологи ни разу не осматривали ее, и она закрыта с прошлого года.

Сам факт, что мало кто из приезжавших в Египет отваживался посещать могилу великого завоевателя, еще более воодушевил нас, и Уна сказала, что мы всегда сможем вернуться, если спуск окажется слишком опасным. После этого сторож снял один из больших ключей с железной цепочки и вручил Саиду.

Мы направились вверх по тропинке. Подъем был очень крут, и через десять минут, идя гуськом вдоль обрыва, мы оказались на высоте не менее сотни футов от дна долины.

Обрыв справа от нас постепенно сближался с тем, по которому мы шли, но прошло не менее получаса, прежде чем мы добрались до конца расщелины, круто уходящей вниз и ограниченной с трех сторон отвесными скалами, где и находился вход в гробницу. Но спуститься туда можно было лишь с помощью связанных друг с другом лестниц, предусмотрительно прикрепленных к скале.

— Вы бывали здесь раньше? — обратился я к Саиду.

— Всего однажды, господин, — запнувшись, ответил он, — когда мне это потребовалось для получения свидетельства гида. Здесь не то место, которое я хотел бы посетить еще раз.

Я только рассмеялся и обещал хорошие чаевые за хлопоты.

— Как ты относишься к этому спуску? — спросил я Уну. — Не боишься головокружения? Или, может быть, нам лучше вернуться?

Она покачала головой, улыбнулась и положила свою маленькую мягкую ладонь на мою руку.

Спуск, однако, оказался не столь тяжел, и вскоре, немного запыхавшись, мы стояли у последней ступеньки лестницы. Однако вход в гробницу находился еще в двадцати футах ниже, и путь туда загораживали груды скальных обломков.

— Здесь я пойду первым, — сказал Саид, — а Саид поспеет за мной, положив руку на мое плечо.

Так мы добрались до запертой железной решетки, петли которой были прикреплены прямо к скале. Саид вставил в нее смазавшийся, очевидно, с прошлой зимы замок ключ и с трудом повернул его. Затем достал из кармана свечи, зажег их и подал нам.

Гробница была построена во времена XVIII династии и являлась одной из самых глубоких, почти перпендикулярно уходя в скалу. Первый шурф был настолько крут, что нам с трудом удавалось сохранять равновесие, спускаясь в затхлую черноту.

Мы пересекли довольно большую камеру, затем преодолели еще один крутой шурф, заканчивавшийся коротким горизонтальным коридором, а дальше перед нами внезапно возникла черная пустота, разверзшаяся у ног Саида. Он остановился, зажег полосу магна, и в лозещем мертвенном свете взором открылась широкая пропасть и деревянный мостик, перекинутый через нее. Саид указал вниз, в темноту:

— Это для грабителей. Фараоны были очень предусмотрительны. В середине туннелей они устраивали такие ловушки, и, похоронив фараона, жрецы, уходя, забирали с собой мостик. Грабители не знали этого. Они приходили, падали и ломали себе шею. Когда эту гробницу открыли, здесь нашли шесть скелетов грабителей, разбившихся или умерших от жажды, не сумев выбраться отсюда.

Я видел подобные западни в местах других захоронений и нетерпеливо попросил его двигаться дальше.

Он бросил догорающую полосу в казавшуюся бездонной пропасть, и она на мгновение осветила почти перпендикулярные стены этой огромной ловушки. У дальнего конца мостика коридор неожиданно поворачивал под прямым углом, а через десять ярдов поворачивал еще раз, уже перед самым входом в погребальную камеру.

Саид зажег еще одну полосу магна, и, оглядевшись вокруг, я сразу понял, что гробница стояла того, чтобы ее посетить. Я думаю, многие побывали бы здесь, не будь доступ к ней столь затруднен, а гиды столь ленивы. Своими надписями и рисунками, выполненными на темном фоне, она во многом напоминала гробницу Аменофиса II, но формой отличалась от всех прочих, представляя собой удлиненный овал.

— Место погребения фараона Тутмоса Третьего, — заученно и напыщенно объявил Саид, — Очень великий фараон. Заставил все соседние страны поклоняться Египту. Правил очень долго — пятьдесят четыре года. Эта могила — одна из глубочайших в долине. Сейчас мы находимся в трехстах футах под землей. Мумия, как и все остальное, давно украдена, но саркофаг остался.

При этих словах он рукой ударил по саркофагу, ответившему гулким, пустым звуком.

Саркофаг был не очень велик в сравнении с сооружениями весом не менее ста тонн, которые мне приходилось видеть в

местах других погребений. Около него я заметил осколки разбившейся гипсовой вазы и подумал, что очень мало людей посещали это место прежде, иначе осколки давно были бы растащены туристами на сувениры.

Уна осталась стоять у входа в камеру и, когда я склонился над осколками вазы, спросила:

— Ну, Джулиан, как тебе тут нравится?

— Здесь куда интереснее, чем я предполагал, — ответил я, поворачиваясь к ней. — Я очень рад, что мы попали сюда.

— Мне бы очень хотелось осмотреть еще несколько захоронений вместе с тобой, — медленно проговорила она.

— Мне тоже, — сказал я, — но, боюсь, ничего не получится.

— Значит, ты все же решил уехать?

— Ты же знаешь. Я не могу подвести остальных.

— Неужели ты на самом деле не можешь уговорить их взять меня с собой?

— Прощу тебя! — воскликнул я. — Давай не будем возвращаться к этому и портить наши последние часы вместе. Представь себе, мы впятером целыми неделями не будем видеть никого, кроме друг друга. Начнутся ужасные ссоры. Вы с Сильвией...

— Сильвия! — завизжала она. — Вот ради кого ты хочешь бросить меня! — В следующую секунду она выкрикнула что-то по-арабски и, прежде чем я сообразил, что мне грозит, стоявший позади Саид сильно ударил меня по голове спрятанной под халатом дубинкой.

Я рухнул вперед, на пол, и, должно быть, на секунду потерял сознание. Ослепляющая боль, казалось, расколола череп надвое; когда же я снова обрел способность видеть, погребальная камера уже погрузилась в темноту, и я мог различить только очертания входа, подсвеченные с другой стороны. Уна и Саид исчезли, и я слышал лишь звуки шагов, быстро удалявшихся по коридору. Вне себя от страха, что меня хотят оставить здесь, я попытался подняться, но вновь упал. Собрав все силы, я заставил себя сначала опереться на колени, потом встал и, пошатываясь, побрел к входу в камеру, а затем, на ощупь — вдоль коридора. Мои ноги словно налились свинцом, голова безжизненно качалась от плеча к плечу, и, немного не дойдя до глубокой лонушки, я опять рухнул на пол.

Свет здесь был ярче, но то, что я увидел, привело меня в еще больший ужас. На другом краю пропасти стояли Уна и Саид и затаскивали на свою сторону дощатый мостик.

— Уна! — прохрипел я. — Уна!

Она высоко подняла свечу, и свет отразился в ее огромных голубых глазах. Но во взгляде не было ни капли жалости.

— Ты думал, тебе удастся повеселиться в пустыне с этой кудрявой англичанкой, не так ли? — резко выкрикнула она. — Какой же ты дурак! Ты, верно, вообразил, что я позволю променять меня на нее? Она любит тебя. Я знаю это. Но теперь она зачехнет от тоски, думая, что ты отверг ее и решил остаться со мной.

Я не успел даже вздохнуть по пощаде, как Уна повернулась и пошла прочь. Силы покидали меня, отсвет свечей становился все тусклее, а эхо гулких шагов затухало в отдалении.

И прежде чем погрузиться в черноту, я с ужасающей уверенностью почувствовал, что мне не спастись и я неминуемо умру здесь, в темноте.

Глава XX

ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЙ

Начав приходить в себя, в первые несколько секунд я никак не мог понять, где нахожусь и что со мной случилось. Но когда сознание вернулось полностью, в моем оцепеневшем мозгу понеслись мысли, заставившие меня помертветь от ужаса.

Я лежал лицом вниз, на том же месте, где упал, и моя рука свешивалась через край пропасти, вырубленной почти тридцать четыре столетия назад, чтобы служить западней для грабителей могил. Я поспешно убрал руку, отполз от пропасти и сел около стены. Голову сильно ломило, и тупая боль возрастала и убывала с регулярностью сердечных ударов. Очень осторожно я ощупал затылок и, почувствовав влагу на кончиках пальцев, сообразил, что рана кровоточит. Однако у меня достаточно густая шевелюра, и удар, на несколько секунд лишивший меня сознания, навряд ли пробил череп.

Решив, что прежде всего надо справиться с паникой, я вытер со лба пот и трясущимися пальцами нащупал сигареты. Я щелкнул зажигалкой, и пламя отбросило на стены жуткие тени, а совсем рядом, справа, разверзлась черная бездна.

Мгновение я размышлял, не попробовать ли перепрыгнуть ее, но тут же отогнала эту мысль как нереальную.

Еще секундой позже я сообразил, что, если окажусь на другой стороне и даже доберусь до железной решетки входа, то открыть ее без ключа окажется, скорее всего, непосильной задачей. Вход расположен на дне расщелины, в ста футах ниже тропинки по гребню отрога, служившей, видимо, только чтобы добраться сюда. Я мог бы кричать, пока мой голос не сорвется, но шанс, что меня кто-нибудь услышит, был лишь один из тысячи.

Оставалось надеяться на возможных посетителей, и я начал размышлять, насколько это вероятно. Сторож сказал, что гробницу Тутмоса III не открывали с прошлой зимы, и, следовательно, визиты сюда нанесли весьма редко. Да и осколки гипсовых и глиняных изделий вокруг саркофага свидетельствовали, что случайные посетители вообще не появлялись здесь.

Всякий уважающий себя египтолог должен когда-нибудь осмотреть захоронение этого известного фараона, но, помимо уникальной овальной камеры для погребения, тут не было иных достопримечательностей, ради которых стоило бы вернуться сюда еще раз. Большинство археологических экспедиций, ведущих раскопки в окрестностях Луксора, уже давно работали и наверняка успели побывать в гробнице, ставшей теперь моей тюрьмой. Следовательно, можно было рассчитывать только на какого-нибудь новичка, решившего спуститься сюда, или же на араба, которому потребуется получить удостоверение гида. Но я прикинул, что смогу продержаться без воды не более двух-трех дней и, если за это время никто не придет на помощь, мне никогда более не увидать дневного света.

Как ни странно, но от побоев рассуждений панические настроения покинули меня, и, по крайней мере, сейчас я был готов умереть. Я никогда не боялся смерти, — она могла быть либо полной чернотой и уничтожением, либо переходом, как учат все религии, в более приятное состояние.

Однако, не боясь самой смерти, я всегда сильно страшился умирания.

Теперь, когда я стал думать о смерти не как об абстракции, а как об ожидаемом ближайшем будущем, я содрогнулся от ужаса, поскольку умирание от жажды, выпадавшее, по-видимому, на мою долю, должно быть очень мучительным.

Можно было броситься в пропасть, но нет гарантии, что падение мгновенно убьет меня и я не останусь лежать внизу в мучительной агонии, истекая кровью и не имея возможности пошевелиться.

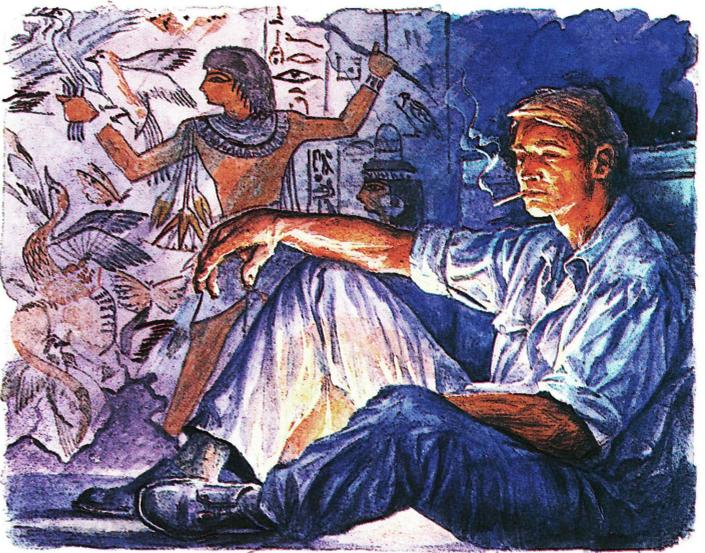
Я достал зажигалку, но ее крохотное пламя лишь на несколько футов рассеяло окружающий мрак. Затем, болезненно прихрамывая, я пошел по коридору в большой овальной склеп.

Там я внимательно осмотрел все помещение. Пламя зажигалки могло осветить лишь малую часть камеры, и я обошел ее кругом. Как я и предполагал, она была совершенно пуста, в ней не было ничего, кроме каменного гроба, где некогда находилось тело фараона, и разбившихся кусочков погребальной утвари.

Я обнаружил только одну полезную вещь, но, найдя ее, испытал больше радости, чем если бы нашел сундук с драгоценностями. Это была свеча, выпавшая у меня из руки в тот момент, когда Саид нанес удар.

Она нисколько не помогала спастись, но сам факт ее обнаружения явился для меня ответом небес на мои молитвы. Бензин в зажигалке мог кончиться в любой момент, тогда как свеча, оказавшаяся в длину не менее пяти дюймов, будет гореть несколько часов.

Расчистив от пыли место на полу, я взял два довольно крупных глиняных обломка, а между ними поставил свечу. Затем зажег ее, погасил зажигалку и сел рядом, прислонившись к каменному гробу, и, насколько мне позволяла раскалывающаяся от боли голова, постарался спокойно обдумать положение.

Было совершенно ясно, что Уна действовала по заранее намеченному плану. Исчерпав свои силы в сцене, устроенной прошлой ночью, она, вероятно, лежала рядом со смыкая глаз и придумывала, как лучше всего убить меня. В шесть утра она ушла к себе якобы вздремнуть пару часов, но вместо этого оделась и сразу же отправилась на поиски нужного человека. Саида она наверняка встречала раньше — скорее всего, он был ее гидом прошлой зимой в Луксоре — и знала, что это беспринципный негодяй, готовый за вознаграждение совершить любое злодеяние. Она заранее подговорила его с неохотой отреагировать на предложение посетить гробницу Тутмоса III и этим усыпить возможные подозрения, будто меня намеренно заманивают туда. Это был верный шаг — она знала, что нежелание ленивого гида показать любопытный объект только возбудит мой интерес.

Я размышлял, мог ли сторож, давший Саиду ключ, быть причастен ко всему этому, и решил, что, вероятнее всего, он ни о чем не догадывался. Все сторожа гробниц фараонов жили здесь, у

реки, и Уна просто не успела бы утром съездить сюда и вернуться в отель. На мгновение эта мысль оживила мои надежды. Саиду придется вернуть ключ, и сторож наверняка заметит, что к гробнице пошли мужчина и женщина, а вернулась лишь одна женщина. Он может заинтересоваться, что случилось с мужчиной и, если объяснение не удовлетворит его, захочет лично проверить гробницу.

Эта надежда быстро рассеялась. Я представил, что сделал бы на месте Уны. Помимо дороги, по которой мы ехали, есть еще крутая тропинка, выходящая по отрогу к вершинам холмов.

Путешественник, выбравший ее, через сорок пять минут напряженного подъема оказывается на плоской вершине скалы, выше храма Дейр-эль-Бахри, откуда открывается великолепный вид на окрестности.

Поднимаясь к гробнице Тутмоса III, мы прошли первые полмилионно по этой самой тропинке, ведущей на вершину холма, и лишь затем свернули с нее. Будь я на месте Уны, я остался бы сидеть там, где тропинки расходятся, велел бы Саиду отдать ключи сторожу и сообщить ему, что госпожа и господин отправились к гостинице Кука. Затем Саид мог послать шофера с машиной в объезд, а сам возвратиться, и подняться с Уной вверх по тропинке, а сторож бы оставался в уверенности, что мы ушли вдвоем.

Шофер — человек Уны и будет говорить только то, что она велит. Но что она станет делать, вернувшись в Луксор без меня?

Если я не появлюсь в Луксоре вечером, перед отправлением экспедиции, это обеспокоит моих друзей, и они задержат отъезд. К утру они поднимут тревогу и поставят на ноги полицию. За Уной будет послана погоня, сторожей допросят и узнают насчет ключа от гробницы Тутмоса III. В результате в ближайшие сутки я буду спасен, а Уне будет предъявлено обвинение в покушении на убийство.

Правда, я очень сомневался, что Уна окажется настолько глупа, чтобы поступить подобным образом. Скорее всего, она попробует заставить их поверить в то, что в последний момент я бросил их и решил остаться с ней.

Трудно представить, что они проглотят такое заявление, если оно не будет подкреплено запиской, написанной моей рукой, подделать которую ей вряд ли удастся.

Но надо ли ей вообще возвращаться в отель? У нее была машина, и, как только она переправится через реку, можно сразу же поехать либо на север, в Асьют, либо на юг, в Асуан. Оттуда послать несколько телеграмм: одну — от моего имени Бельвильям, с выражением сожаления, что пришлось покинуть их, и намеком на причину, по которой я это сделал, другую — своей горничной и еще две, подписанные ею и мной, — управляющему отеля, сообщающие, что ее горничная заберет из отеля наши вещи.

Во всем этом лишь одна деталь могла доставить Уне хлопоты — мое тело. Могли пройти дни, недели или месяцы, но рано или поздно кто-нибудь захочет спуститься в гробницу. И первое, что бросится в глаза — убранный деревянный мостик через пропасть, а когда его поставят на место, второе — мои останки в погребальной камере. И станет очевидным, что я умер не от несчастного случая или сердечного приступа, а брошен здесь намеренно, как в ловушке.

Неожиданно во мраке моего беспросветного уныния блеснул луч света — Уна не осмелится оставить мое тело в гробнице, если не хочет быть обвиненной в убийстве. Ей придется вернуться и забрать его.

Чем больше я думал об этом, тем сильнее становилась уверенность, что именно так она и поступит. Она могла снять слепок с ключа, изготовить его копию и ночью тайно проникнуть сюда вместе с Саидом. Они поставят на место мостик, вынесут тело наверх, спрячут его в какой-нибудь расщелине и завалят камнями так, чтобы его не обнаружили хотя бы несколько лет, а, может быть, и столетий.

Итак, когда же они должны вернуться?

Этот вопрос заставил заволноваться мой и без того возбужденный ум. Чем дольше тело будет находиться в гробнице, тем больше шансов, что его обнаружат, а как только это произойдет, им не избежать обвинения в убийстве. Мне казалось, что они не рискнут появиться здесь позже, чем через несколько дней. Им необходимо очень точно рассчитать момент возвращения — меня можно оставить здесь ровно на такой срок, чтобы не сомневаться в моей смерти, но ни на день дольше.

Но станут ли они ждать окончания этого срока, если каждый час удлиняет тень виселицы, грозившей им? Скорее всего, они появятся значительно раньше, когда сочтут, что мои силы достаточно подорваны, и я не смогу оказать сопротивления. Они просто выгатают меня и прикончат наверху в одном из оврагов.

От этой мысли пульс у меня забился быстрее. Если я прав, тогда еще есть возможность остаться в живых до их возвращения и попытаться улизнуть. Но как сберечь силы для схватки с ними?

Нельзя надеяться, что меня оставят здесь меньше, чем на пару дней, а без воды к концу этого срока я либо превращусь в бредящего лунатика, либо настолько ослабею, что не смогу ни ползти, ни связно мыслить. Следовательно, надо сейчас же, пока мой ум остр и подвижен, придумать, как перехитрить их.

В гробнице достаточно тепло, и, похуже, температура здесь веками оставалась постоянной, несмотря на то, что наверху скалы раскалялись от летнего солнца или остывали под холодным зимним ветром. Зная это, я разделся, собираясь осуществить задуманное.

Закончив приготовления к встрече Уны и Саида, я взглянул на часы: они показывали четверть третьего. У меня было ощущение,

что я нахожусь здесь уже очень долго, и наверху настала глубокая ночь. Мы спустились сюда днем, в начале первого, и с тех пор, следовательно, должно было пройти более четырнадцать часов. Внезапно мой взгляд упал на горевшую свечу. Ее длина составляла теперь около трех дюймов, но за четырнадцать часов она бы сторела целиком. Значит, сейчас только третий час дня, а не ночи, и я пробыл здесь всего лишь около двух часов!

Зная, что свеча потребует позднее, я поспешно задул ее, и все вокруг погрузилось в абсолютную черноту.

Сидя в накопившейся веками пыли, несколько смягчавшей жесткость каменного пола, я размышляла, как вынести предстоящие двое или более суток пыток. В гробнице стояла такая тишина, что казалось, ее можно потрогать. До сих пор это не особенно беспокоило меня: сначала боль в голове позволяла ни о чем не думать, потом, когда она слегка стихла, я принялся размышлять об ужасах моего положения, а последний час постоянно двигался, и звуки моих движений наполняли камеру, эхом отражаясь от стен. Но сейчас я понял, что царившая здесь жуткая тишь может сыграть злую шутку с моими нервами. Я не припомню, чтобы кто-то смог прожить более трех-четырёх дней без какой-либо жидкости.

Добравшись до этого момента в своих рассуждениях, я от ужаса огласил склеп таким воплем, что весь он, казалось, завибрировал. Дрожа, я вскочил на ноги, на лбу у меня выступили капли пота, и волосы на затылке как будто зашевелились.

Я ничего не надумывал, я был абсолютно уверен — из непроницаемой темноты появилось нечто и слегка коснулось моих губ.

Трясущимися пальцами я достал зажигалку и опять зажег свечу. Погребальная камера была по-прежнему пуста. Со свечой в руке я на пыпочках обошел ее кругом и даже заглянул в коридор, дойдя до края пропасти. Но там тоже ничего не было, и, сколько бы я ни вслушивался, ни один звук не нарушал полнейшей тишины.

Я вновь вытер пот со лба. Мне пришло в голову, что здесь присутствует какая-то сверхъестественная сущность — оскверненная могила фараона казалась самым подходящим местом для обитания духа или привидения. Я вспомнил жуткие рассказы о судьбе некоторых археологов и то, что суверенные люди приписывали это мести духов умерших, чьи могилы были потревожены.

Однако мертвенная тишина, царившая здесь, казалась вполне естественной, и не было ни малейшего намека на зловещий холод, почти всегда сопровождающий появление сил зла. Весьма странно, но мягкое тепло склепа создавало атмосферу почти дружественную или, точнее, беспристрастную. От этой пустой комнаты было ощущение пустой раковины, давным-давно покинутой некогда обитавшим в ней духом. И, несмотря на весь ужас, я испытывал глубокую уверенность, что тут нет никакой враждебной мне сущности.

Тем не менее, чтобы окончательно убедиться в этом, я совершил поступок, со стороны могущий показаться глупым, но я к нему в тот момент отнесся совершенно искренне. Я опустил свечу на пол и встал, протянув руки перед собой, ладонями вверх выше уровня головы. Это была поза, принимаемая древними, когда они молились. Я совершенно серьезно, как к живому существу, обратился к Тутмосу III с уверениями, что посетил его могилу в знак полного почтения к нему, и, будучи заперт в ней против воли, просил прощения за вторжение и помощи в предстоящем испытании.

Закончив эти действия, я взглянул на свечу и, видя, что она уменьшилась еще на четверть дюйма, буквально заставил себя погасить ее.

Я отлично знал содержимое своих карманов и не потрудился обшарить их раньше, но теперь настало время составить полный список вещей, которыми я располагал.

В карманах брюк я нашупал ключи, несколько серебряных египетских монет, перочинный нож и зажигалку. В пиджаке находилась наполовину пустая коробка с фруктовым драже — единственные сладости, которые удалось купить в Луксоре. Их я рассматривал как главное сокровище и собирался сосать по одной каждые несколько часов, чтобы, страдая от жажды, уменьшить сухость во рту. Еще я нашел старые счета из отеля, пачку египетских банкнот, чековую книжку и портсигар с девятью сигаретами. В поясе у меня хранилась приличная сумма денег в английских купюрах. Но в кармашке для часов я неожиданно обнаружил маленькую, плоскую упаковку аспирина, на две трети заполненную таблетками, о котором давно успел забыть. Невозможно передать, как я обрадовался такой находке. Я знал, что таблетки помогут мне крепко спать и тем самым максимально сберечь силы. Мне даже показалось, что дух Тутмоса III заступился за меня перед Великими, и они ответили на мою молитву.

В надежде, что пора ложиться спать, я взглянул на часы со светящимися стрелками и циферблатом, купленные специально для предстоящей экспедиции, но, к моему изумлению, они показывали только три часа. Я был готов заплакать от отчаяния, — настолько медленно тянулись минуты в темноте и безмолвии гробницы. Однако в ближайшие двое суток смена дня и ночи не будет иметь абсолютно никакого значения. Там, где я сидел, запертый за железной решеткой на глубине почти в четверть мили от поверхности, не было ни восходов, ни закатов, поэтому я не видел причин, чтобы не лечь спать немедленно и отрешиться от своих страхов и страданий.

Но в этот момент сверхъестественная сущность опять появилась здесь. Она была легкой, как пушинка, но с той же уверен-

ночью, как если бы это оказался камень весом в тонну, я знал, что она коснулась моих волос.

Я не закричал, но резко дернул головой и ударился затылком о каменный гроб, о который опирался спиной. Утихшая была боль возобновилась с новой силой, голова опять была готова буквально расколоться. От страха перед этой невидимой сущностью, дважды проявившей себя в темноте, я снова зажег свечу.

Взяв ее в руки, я вновь вдоль и поперек тщательно обыскал камеру, но и на сей раз ничего не обнаружил и собирался было уже прекратить поиски, как вдруг до моих ушей долетел слабый писк. Взглянув вверх, я увидел маленькую летучую мышшь, цепляющуюся за низкий потолок и бывшую причиной моего испуга. Облегчение привиде его было так велико, что я не смог удержаться от бессмысленного смеха.

Если бы не сильное перевозбуждение, я наверняка вспомнил бы о летучих мышьях раньше. Как они могут существовать без воды и без пищи в этих огромных подземных пещерах, всегда оставалось загадкой для меня. В таких захоронениях никогда не встречаются ни мухи, ни пауки, ни подобные им создания, и, возможно, мышши питаются какими-то крохотными насекомыми, почти невидимыми для человеческого глаза. Мне часто приходилось наблюдать летучих мышей, висящих на потолках погребальных камер и коридоров, которые я посещал раньше. Эти маленькие коричневые создания совсем не то, что кровососущие вампиры, поэтому я мог спать спокойно, не опасаясь нападения во время сна.

Вновь задув свечу, я, как мог, устроился на полу поудобнее и достал упаковку аспирина. В ней было четырнадцать таблеток, и я решил, что восемь штук окажутся безвредной дозой и помогут мне крепко уснуть. Я проглотил их одну за одной. Летучая мышшь еще дважды касалась моего лица, но я просто отмахнулся от нее и через час — хотя на самом деле прошло, наверное, не более пятнадцати минут — погрузился в глубокий сон.

Когда я проснулся, мои часы показывали четверть седьмого, и я спросил себя, сколько же я проспал: три часа или пятнадцать? Принимая в расчет количество съеденного аспирина, я был склонен думать, что пятнадцать, и количество поворотов головки часов, потребовавшееся, чтобы завести их, говорило в пользу этого.

Боль в голове прекратилась, и я чувствовал себя весьма здоровым. Хотя прошли почти сутки, как я ничего не ел, голод не особо ощущался. Однако пить хотелось сильно. Я постарался отогнать от себя мысль об этом, и принялся размышлять, чем заняться в предстоящее время.

Будь здесь освещенно, можно было бы придумать не менее десятка занятий, чтобы забыть о своих тревогах и потребностях. Два или три часа ушли бы на детальное изучение настенных рисунков этой большой овальной камеры, попытки разгадать значение многочисленных символических изображений фараона, путешествующего в преисподней, и его суда перед лицом богов.

Я намеревался сделать только одно — написать на обратной стороне счетов, оказавшихся у меня в кармане, как Уна и Саид бросили меня здесь умирать. В этом случае оставалась слабая надежда на возмездие, даже если смерть настигнет меня прежде их возвращения, а мое тело будет обнаружено в горной расщелине лишь через много лет. Но я решил отложить это до вечера.

Тишина вновь стала действовать мне на нервы, и я принялся распевать песни, так что если кто-нибудь заглянул бы в тот момент в гробницу египетского Наполеона, то был бы невообразимо удивлен, услышав доносящиеся снизу распевы мелодий типа «Решительная Флугги» или «Мадемуазель из Арментьера». Я не помню, сколько песен я пропел, прежде чем у меня сел голос, но прошло несколько часов, и стрелки показывали десять, когда я вынужден был прекратить это занятие.

К полудню, когда начались муки жажды, я положил в рот горошинку драже и сосал ее, перегоняя языком из одного угла рта в другой. Это принесло некоторое облегчение, и я решил попробовать еще поспать, следуя теории: кто спит, тот обедает.

Жесткий пол отнюдь не способствовал засыпанию, но я положил руку под голову и после бесконечных ерзаний и переворачиваний в конце концов уснул.

Я не знал, в какое время проснулся, ибо старался продремать как можно дольше, но потом жажда взяла свое, и я решил ненадолго успокоить ее, съев еще одно драже. До сих пор все шло лучше, чем я предполагал, и мне уже удалось продержаться до пяти часов пополудни.

Каким-то образом я сумел протянуть следующие два часа и в семь, с почти церемониальной торжественностью, зажег свечу, чтобы написать на обратной стороне счетов обвинения против Уны. Это заняло около получаса: несмотря на желание покрыть мелким почерком каждый дюйм бумаги, я мог позволить себе лишь вкратце описать случившееся со мной, — свечу надо было экономить.

В половине десятого я опять уселся около гроба, выкурил сигарету и съел парочку драже. К моей досаде, спать совершенно не хотелось, хобда только обострила чувство голода, и теперь мне никак не удавалось избавиться от навязчивых видений запеченных уток, устриц, спаржи и жареной капусты с мясом.

Затем мне пришлось на ум сосчитать всех своих знакомых, но, добравшись до семидесяти, я безнадежно смешался, начав путать, кого уже посчитал, а кого еще нет. Тогда я приступил к новой игре, состоящей в том, чтобы выбирать для них, невзирая на цену, запоздалые рождественские подарки.

Это привело меня к размышлениям, доживу ли я до Нового года, и, взвесив все «за» и «против», я нашел свой шансыничтож-

ными. В конце концов мысль о том, что Уна и Саид поторопятся вернуться за моим телом, была всего лишь предположением.

Я пытался уверять себя, что они наверняка придут, и придут скоро, но это давалось с большим трудом.

Я вновь с опаской взглянул на часы, страшась еле тянувшихся минут. К моей вящей радости, перевалело уже за полночь, и была надежда, что удастся заснуть. Целую вечность, как мне казалось, я размышлял, принять ли сразу все шесть оставшихся таблеток или же оставить несколько штук на следующую ночь. У меня было мрачное предчувствие, что к тому времени мое состояние станет настолько ужасным, что две или три таблетки будут слишком слабой дозой, чтобы принести облегчение. Поэтому я проглотил их все, устроился поудобнее на полу и почти немедленно уснул.

Я проспал всю ночь до половины девятого — из-за ослабленного состояния и пустого желудка аспирина, возможно, подействовал более сильно. Но пробудиться для нового дня в непроглядной тьме этой молчаливой могилы оказалось одним из самых ужасных испытаний, когда-либо выпадавших на мою долю.

Три горошинки драже отчасти улучшили мое состояние, и я начал планировать день. Сначала часок походить, затем, если получится, немного попеть, потом пересказать все стихи, которые я смогу вспомнить, и попытаться решать в уме все арифметические задачи, приходящие в голову. Если повезет, такой программы хватит, чтобы продержаться до полудня, но я чувствовал, что вряд ли дотяну и до десяти часов. Я застонал от жалости к себе и готов был опять заплакать.

Чтобы отвлечься от таких мыслей, я принялся торопливо расхаживать по камере, но, не сделав и двух десятков поворотов, был вынужден остановиться. Муки голода давали о себе знать, и при всяком движении желудок пронзала резкая боль. Я лег на спину, расстегнул одежду и массировал живот до тех пор, пока у меня не заломило запястья. Боль слегка унялась, и я смог сделать две тысячи шагов, убив таким образом часть дня.

С пением вообще ничего не вышло, так как горло пересохло настолько, что мне не удавалось издать ни одной чистой ноты. В сравнении со вчерашним концертом мои усилия казались какими жалкими, что в конце концов я ограничился нашептыванием слов себе под нос и повторением рефрена в уме. Перебрав все песни, которые помнил, я перешел к решению арифметических задач, но единственное, что пришло на ум, было: «если селедка и полселедки стоят три полупенни...» — и ответ я знал заранее. К одиннадцати часам я начал что-то лепетать, но вскоре, совершенно неожиданно, уснул.

Проснулся я в половине четвертого. Я находился в гробнице уже более двух суток, точнее — пятьдесят один час с половиной.

Я судорожно делал сосательные движения ртом, и, положив в него горошинку драже, с большим усилием перевернул ее языком.

Вечер, казалось, никогда не наступит. Я изовсех сил старался не смотреть на часы слишком часто, но в интервале от половины четвертого до шести мне никак не удавалось делать это реже, чем раз в восемь минут. Я принимался ходить взад и вперед, прикладываясь спать, а то просто сидел, уставившись в окружающую меня черноту, и глотал, глотал, глотал истощающую слюну, пытаясь облегчить напряжение в постепенно сжимающемся горле. Большую часть этого времени я, вероятно, пребывал в своего рода прострации, терзаемый болями в желудке и неутолимой жаждой.

В начале вечера я заставил себя еще раз обдумать свое положение, результатом чего явился жуткий приступ отчаяния. Теперь я был уверен, что Уна никогда не вернется.

За истериками следовали периоды прояснения, но тогда ум затуманивала боль в желудке. Все попытки успокоить боль с помощью массажа были безуспешны, и час за часом я лежал в полубессознательном состоянии, стелая и бессвязно бормоча протрескавшимися и распухшими губами.

Я не имел представления, как долго все это длилось, но где-то чуть позже десяти часов пришел в себя и, как мог, постарался взять себя в руки. Я чувствовал, что иначе наверняка сойду с ума. Я даже подумал было достать перочинный нож, вскрыть вены и позволить вытекавшей крови принести мне последнее облегчение. Но была уже ночь, а я твердо верил, что если они вообще когда-нибудь придут, то непременно ночью. Нечеловеческим усилием я отогнал соблазн самоубийства и решил попробовать продержаться еще десять часов, если хватит сил.

Разум мой опять ослабел, и стали возникать странные видения: передо мной лежал связанный О'Кив, и я изо всех сил бил его по голове; Уна стала Клеопатрой и восседала на троне Египта, а я был Цезарем и ее любовником; я вновь оказался в Англии, во времена, когда еще не стал изгоем, и устраивал для своих друзей вечеринку у «Квалино»; я опять находился на дипломатической службе, мне еще не было сорока, но я уже подыался до поста британского посла в Берлине и своими блестящими действиями предотвратил новую мировую войну...

Видения угасли, и я уснул. Меня разбудил пронзительный крик.

Окончание следует

Перевел с английского А. КУЗЬМЕНКОВ

Рисунки В. ФЕДОРОВА

ВЕРНАЯ ИЛИ ОТВЕРЖЕННАЯ?

Хмурым осенним утром 1723 года от Китай-города к торговым причалам медленно спускался обоз из полутора джун перегруженных телег. Они возвращали на свое судно-кербат голландские ситцы, шелка, малабарский перец, мускатный орех, имбирь, гвоздику и другие прибыльные товары из далеких восточных стран. Но не яркие одежды и экзотические головные уборы иноземцев привлекли на этот раз внимание ранних прохожих, а босая женщина, отрешенно следовавшая за обозом. Ее черные как смоль волосы были распущены в знак скорби. Это была вдова гуджаратца из купеческой касты банья, торговавшего на Москве диковинными камнями.

Причиной неурочного отбытия индийских купцов на родину стала «великая обида», учиненная им служилыми людьми Петра I. Желание вдовы индуса сжечь себя вместе с телом внезапно скончавшегося супруга встретило твердое сопротивление российских властей.

Ритуальное самопожжение вдовы индуса называют словом «сати». Так звали жену могущественного бога Шивы. Ее отец, царь Дакшараджапати, завидовал громкой славе зятя. Однажды он устроил большой праздник и пригласил на него богов и мудрецов из многих миров. Они приехали каждый в своей колеснице. В этом блестящем собрании отсутствовали только Шива и его супруга, не получившие приглашения. Но Шива поддался угворам Сати и все-таки явился к тестю, который жестоко оскорбил его. Сати не смогла перенести такого унижения, бросилась в костер и погибла. Безутешный Шива извлек ее тело из жертовного огня, а бог Вишну, расчленив его на 108 частей, нечаянно уронил их на землю. 108 мест, куда

они упали, стали центрами паломничества. В переводе с санскрита слово «сати» означает также «преданная или праведная жена».

Историки обычно связывают широкое распространение обряда самопожжения вдов в Индии с вторжением в страну мусульманских завоевателей и массовыми надругательствами, чинимыми ими над индусскими женщинами. Однако можно считать, что самопожжения были известны уже древним индоариям. В «Ригведе», сборнике индуистских гимнов, мы находим поучение женщине — ложиться в погребальный костер рядом с телом мужа. Мучительной смерти в огне она может избежать в том случае, если брат покойного согласится взять ее в жены. Говорится об этом в эпических поэмах «Махабхарата» и «Рамаьяна». В них упоминается о добровольной смерти в огне четырех жен Васудевы, отца Кришны, и пяти жен самого Кришны, сраженного стрелой охотника за оленями.

Одним из первых исторических памятников, увековечивших сати, можно считать надпись, обнаруженную близ Сагара в штате Мадхья Прадеш. Она была вырезана на колонне около 510 г. н.э.

«Сюда пришел Бханугупта, храбрый из смертных, великий царь, смелостью равный Арджуне, и сюда последовал за ним Гопараджа, как друг следует за другом.

Он сражался в великой и славной битве и отошел на небо, бог среди вождей. Его жена, преданная и любящая, любимая им и прекрасная, последовала за ним в пламя костра».

Вначале сати считалось привилегией избранных. Его совершали лишь вдовы правителей-раджей и военачальников. В гигантском погребальном костре махараджи Виджаянагара

одновременно нашли смерть три тысячи его жен и наложниц. С телом последнего раджи Танджора сгорели две его жены. Их обугленные кости были измельчены в порошок, смешаны с вареным рисом, и 12 жрецов храма съели его во имя прощения прегрешений умерших.

Самосожжения стали означать не только выражение преданной любви и супружеского долга, но и пожизненной верности земному господину. Так, в 1833 году вместе с телом раджи Идара были сожжены его семь жен, две наложницы, четыре служанки и верный слуга. Постепенно сати распространилось на представителей всех высших каст.

В наши дни в Индии полиция ежегодно регистрирует несколько тысяч самопожжений.

Различают два вида самопожжения женщин: «саха-марана» (смерть вместе), когда вдова сжигает себя одновременно с трупом мужа, и «ану-марана» (смерть в одиночку), когда вдова погибает в огне уже после кремации тела супруга, во время которой она была «нечиста» из-за беременности или менструации. Наиболее часто встречается «саха-марана».

По традиции, вдова должна совершить обряд в течение четырех месяцев после смерти мужа. В том случае, если вдова объявила о решении взойти на костер, она не имеет права отказаться.

Обычно сати происходит на берегу реки или какого-нибудь иного водоема. Перед обрядом вдова совершает церемониальное омовение, распускает волосы и надевает свои лучшие наряды и украшения. Готовая умереть, она медленно направляется к месту кремации в сопровождении родственников и знакомых. Взявшись за руки, они образуют вокруг женщины

живое кольцо — символ невозможности возвращения к прежней жизни. У воинской касты раджпутов ее эскортируют воины с обнаженными саблями. Каждый, кто встретит на своем пути траурную процессию, должен непременно присоединиться к ней.

Тем временем носилки с трупом умершего доставляют к погребальному костру и устанавливают на него. Омытое тело заворачивают в белое покрывало, оставляя открытым лицо. По бокам костра вкопаны четыре столба. Пространство между ними заполняют поленьями мангового дерева, проложенного сушеным коровьим навозом, соломой и другими горючими материалами. Поленья обильно поливают топленным коровьим маслом «гхи» и нефтью. Вершины столбов соединены веревками таким способом, что вся конструкция напоминает ложе. На столбы набрасывают покрывало, расшитое ритуальным узором.

У костра вдова снимает с себя все украшения и раздает их близким и друзьям. Те угощают ее засахаренными фруктами и передают то, что просят сообщить усопшим родственникам. Поддерживая под руки, женщину трижды обводят вокруг умершего. В эти минуты силы часто оставляют ее, и она беспомощно повисает на руках сопровождающих. К вдове поспешно подходит жрец. Он быстро произносит над ней траурные мантры, окропляет ее водой из Ганга, а голову посыпает листьями священного растения тулси. Вдове помогают подняться на костер. Она садится с левой стороны от трупа мужа и кладет его голову на свои колени. В некоторых штатах полагают, чтобы она легла рядом с телом умершего и обняла его за плечи.

Кто-нибудь из родственников в нескольких местах поджигает поленья пучком джутовой соломы. Все сооружение мгновенно охватывает жаркое пламя. И тогда оцепенение наконец покидает несчастную. Ее пронзительные вопли не могут заглушить ни частые удары гонга, ни громкие стенания наблюдателей. Обезумевшая от страха и боли женщина предпринимает отчаянные попытки выбраться из костра. Но ноги ее заранее прикованы железными цепями к тяжелым плахам. В прошлом, если женщина выбрасывалась из огня, брахман ударял ее по голове дубиной, а потом обмякшее тело затапливали длинными бамбуковыми шестами обратно в костер. Чтобы притушить боль, вдовы пьют перед самосожжением наркотический напиток — настой сушеных

пестиков шафрана. Во время кремации вокруг костра разбрызгивают отвар терпких растений, чтобы смягчить удушающий тошнотворный смрад.

Когда угли остынут, пепел и останки умерших собирают в медную или бронзовую урну и высыпают в реку. Мечта каждого индуса — быть кремированным на берегу Ганга, чтобы его прах был унесен в океан священными водами великой реки.

О совершивших сати брахманы слагают гимны. В их честь поблизости от индуистских храмов устанавливают особые камни с изображением солнца, луны и правой руки с раскрытой ладонью. Рука согнута в локте и на запястье обозначены браслеты, символизирующие супружескую верность. К этим камням нередко приходят невесты, прося счастья в будущей семейной жизни и рождения сына. К ним обращаются также замужние женщины в надежде найти излечение для больного мужа или ребенка.

Ни англичане, впервые запретившие сати, ни нынешние индийские власти никак не могут извести этот обряд. Слишком у него глубокие корни. Индусы верят, что смертью мужа боги наказывают женщину за ее грехи. И неважно, когда были совершенны эти грехи, в ее нынешнем рождении или одном из прежних.

Возможно, сегодня обычай самосожжений остался бы лишь в исторической памяти народа, если бы не усердие индуистских фундаменталистов. Ортодоксы считают сати предписанием дхармы и активно пропагандируют этот обряд. Причем для этого они призвали на помощь вполне современные средства: буклеты, инструкции и видеокассеты, посвященные самосожжениям. Их специальные общества помогают вдовам деньгами. Ведь приобретение дрова и горючие материалы, необходимые на сооружение погребального костра, может далеко не каждый. Пропаганда, конечно, штука мощная, но вряд ли она помогла бы, если бы не одна существенная деталь. Мы имеем в виду чудовищно униженное положение вдов в индийском обществе. После смерти мужа вдова, оставшаяся жить в доме его близких родственников, по закону имеет право только на часть его имущества. Снова вступить в брак — невозможно: если бы она и решилась, никто не взял бы вдову в жены. Образ жизни и поведения вдовы строго регламентированы. Она надевает длинное белое сари и не имеет права находиться в обществе мужчин (в том чис-

ле и своих сыновей), смотреться в зеркало, носить украшения и употреблять благовония. Ей предписывается вести уединенный образ жизни, питаться лишь мучной похлебкой и спать на голом полу. В штате Раджастхан вдовам обривают голову. На праздничные церемонии их не допускают. Случайная встреча с вдовой на улице — плохая примета. Даже слуги избегают хозяйку-вдову. Остаток своей жизни каждая вдова обязана проводить в ежедневных молитвах и поминальных обрядах.

Посвящение женщины во вдовство происходит на одиннадцатый день после смерти мужа. Считается, что до этого срока душа умершего витает в доме, поэтому женщина все еще не вдова. Накануне посвящения вдова надевает новое сари самой яркой расцветки, которое ей дарит брат или дядя, украшает себя множеством цветов и разноцветных браслетов. В этот день ее запирают в комнате и тщательно закрывают не только двери, но и окна. Пять или шесть вдов из окружения методично разбивают ее стеклянные украшения, снимают с нее цветы и драгоценности, срывают пояс и одежду, а главное — развязывают ее шнур-мангалсутру, принадлежность замужней женщины. Теперь она неприкасаемая, приносящая несчастье.

Таково начало долгого пути тяжелых мытарств индусской вдовы. Идти по этому пути или уйти из жизни сразу — вот и весь ее выбор, как и для многих-многих других женщин Индии.

Учитывая остроту проблемы, в декабре 1987 года индийский парламент принял закон, запрещающий сати. Согласно закону, женщина, пытавшаяся совершить акт самосожжения, несет наказание: тюремное заключение сроком до одного года или штраф, либо то и другое вместе. Тех, кто подстрекал вдову к совершению сати или чинил ей препятствия во время попытки покинуть погребальный костер, привлекают к уголовной ответственности. Им грозит длительное тюремное заключение, крупный штраф и... уважение окружающих, включая начальника тюрьмы и товарищей по заключению. А потому — горят ритуальные костры, восходят на них вдовы, впрочем, подписав заявление в присутствии полицейских чинов, что совершают самосожжение добровольно.

Валерий КАШИН,
кандидат исторических наук

ОХОТА ЗА ПРИДАНЫМ

Тема, затронутая в статье индолога В.Кашина, имеет еще один — довольно страшный аспект. Не только вдовы, но и молодые замужние женщины, жизнь которых, казалось бы, складывается вполне благополучно, во всяком случае внешне: муж — бизнесмен, дом — полная чаша, не так уж редко решаются уйти из жизни, став живым факелом.

Чтобы понять, что за этим кроется, нужно обратить внимание на печальную параллель в практике индийских судов — статистику одного специфического именно для Индии вида преступления — убийств из-за приданого.

Дело в том, что в этой стране, существуют древний пережиток: здесь очень часто

женят детей. Конечно, брак их, пока они маленькие, — чисто символический, но вот будущий супруг подросток, кое-чему выучился, и его родители начинают требовать с родителей невесты, так сказать, компенсации затраченных ими средств и усилий на подготовку чада ко взрослой жизни. А у родителей невесты дела все эти годы шли неважно,

может быть, они вообще разорены, но родню жениха это совершенно не волнует: мы взяли вашу дочку — платите, а ваше безденежье — ваши трудности. Короче говоря: хочешь — не хочешь, а оплати социальный статус зятя. Когда подобный тезис проповедуется во внешне европеизированных кварталах Дели — это одно, когда на улицах, где обитает индусский средний класс, — совсем другое. Тут моральны табу меньше, нет особой необходимости соблюдать приличия. Там говорят: «Женитьба в наше время — предприятие чисто экономическое», тут заявляют в лоб: «Денег не дадут за тебя — убьем». И убивают.

Доцент университета в Дели и председатель Совета женщин индийской столицы Субхадра Буталия говорит, что ежемесячно в Дели совершается от 50 до 60 подобных преступлений, и это только по официальному данным, а по неофициальным, считает она, гораздо больше, потому что многие такие случаи полиция квалифицирует как «несчастный случай» или самоубийство. Решившиеся на убийство несчастной бесприданницы «родственники» чаще всего обливают ее бензином и поджигают — а потом инсценируют самоубийство. Или, по полицейскому протоколу, — «неосторожное обращение с огнем». Звучит это не столь казенно, сколь цинично: известно, что индийские женщины счеты с жизнью сводят чаще всего именно в огне. Поводов для самоубийства, увы, у индусской женщины — более, чем достаточно.

Власти пытаются как-то защитить женщин. С 1961 года в Индии официально запрещено требовать с невесты приданое. Но формулировки закона столь туманны, а сам закон столь непоследователен... В 1983 году принят еще один закон, согласно которому вымогательство приданого квалифицируется как тяжкое преступление. Но законопослушанием индийские граждане никогда особенно не отличались.

Перед женщиной, отданной замуж по сговору родителей (это относится и к взрослым), встают такие психологические проблемы, что они способны надорвать душу и лишить разума. Как жить с нелюбимым? А еще хуже — с любимым, если он видит в супруге всего лишь источник дохода? Каково вместо нежных слов постоянно слышать вопросы о том, когда же наконец ее родители купят ему мотороллер или автомобиль? Видеть, что теплое чувство муж испытывает вовсе не к ней, а к... холодильнику, подаренному молодой семье ее родителями. Слов нет, холодильник — вещь в тропическом климате необходимейшая, а где же любовь, нежность, забота? А если они дарятся другой, на стороне? (Вообще-то в Индии понятия «брак» и «любовь» обычно не смешивают). Перенести такое не всякая женщина сможет, даже если она родилась в Индии.

Как воспитывают до сих пор индийских девочек? В основном на поучительных примерах из эпосов и легенд, а в них все очень просто: «В детстве женщина принадлежит отцу, в середине жизни — мужу, а в конце — сыну». В то же время индийский эпос наполнен чувственностью, напоен поэзией любви...

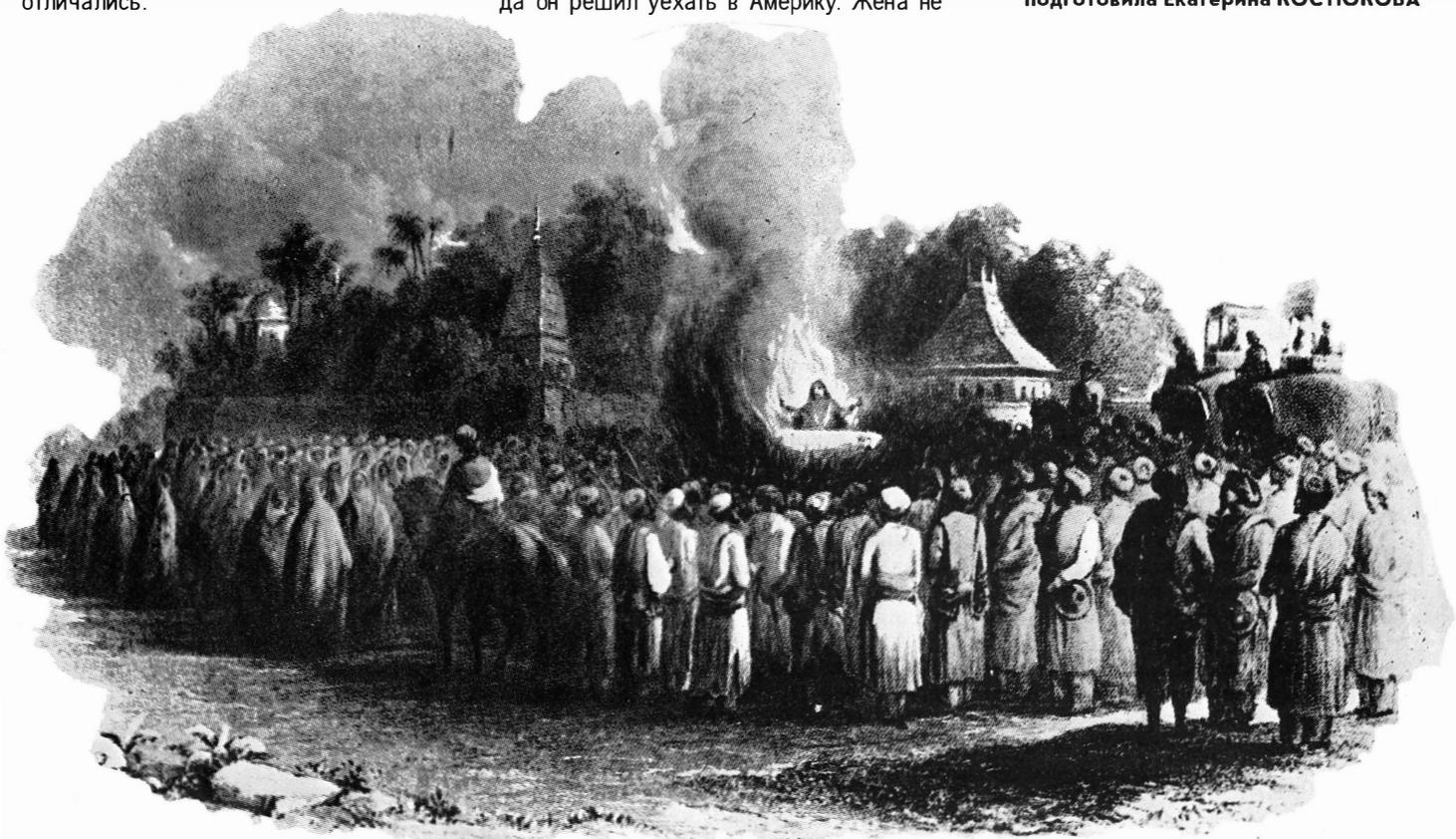
Госпожа Кришна Пури из Дели недавно похоронила свою дочь, скончавшуюся от ожогов. Девочка росла хорошенькой, в колледже даже была победительницей конкурса красоты. На фотографиях она в джинсах, черных очках, с плюшевым мишкой в руках. И муж ей под стать — современный, раскованный. Уж к ним-то, кажется, патриархальные обычаи какое могли иметь отношение? Сюжет их совместной жизни, однако, развивался все по той же тривиальной схеме: мужу хотелось все больше и больше денег. Правда, надо оговориться — приданого от родителей жены он получил достаточно, однако жаден был невероятно, требовал еще и еще. Но тесть и теща уже отдали ему все, что имели. Тогда он решил уехать в Америку. Жена не

представляла, как она расстанется с Индией. После очередной ссоры супруг заявил: «Хорошо, я не поеду в Америку, но пусть твои родители мне за это заплатят». Когда же Рену (так звали эту женщину) сказала: «Но у них же нет больше денег», он ударил ее и сказал, что она загубила его жизнь.

Через две недели Рену оказалась в больнице в тяжелом состоянии — с ожогами. Пока была в сознании, сначала объясняла все несчастным случаем — дескать, облилась бензином, случайно чиркнула спичкой, а муж ее спасал. Четыре дня спустя, взглянув на себя в зеркало, Рену призналась, что муж, вернувшись домой в воскресенье очень поздно, потребовал, чтобы она немедленно приготовила ужин. Возле плиты он брызнул бензином на ее платье, а следом кинул спичку. Платье вспыхнуло. Муж испугался, быстро оттащил Рену в спальню, завернул в одеяло и отвез в больницу. «Почему ты сказала об этом только сейчас?» — спросил Рену врач. «Потому что поняла, что мои шансы выжить равны нулю», — ответила она. После похорон мужа оштрафовали, только и всего, за недоказанностью улик. Он снова жених...

Индийская общественность, социологи, защитники прав женщин давно бьют тревогу по поводу существования в стране таких варварских пережитков, как убийства из-за приданого и самоубийства женщин в результате неудачной семейной жизни. Многие видят выход в том, чтобы скорее провести в жизнь экономические реформы, которые освободят женщину. Другие — в популяризации западного принципа заключения брака — по любви между женихом и невестой, и только так. Но что делать с обычаем сати, самопожертвованием вдовы, который каждый индиец впитывает в свое сознание с детских лет?

По материалам журнала «Гео»
подготовила Екатерина КОСТЮКОВА

Даррелла можно без преувеличения назвать любимым в России писателем-анималистом. У нас его знают и стар и млад, его книги есть в каждой семье, по ним мы учились любить природу и все живое. По его повестям, искрящимся неподражаемым даррелловским юмором, лучше, чем по учебникам, познавали животный мир Земли будущие естествоиспытатели 60–90 годов.

Друг и соратник Джеральда Даррелла по популяризации природоохранного дела Дэвид Эттенборо вспоминает о недавно умершем великом натуралисте XX века на страницах английского журнала «BBC Wildlife», любезно предоставившего нам право напечатать этот очерк.

Тот, кто построил

Смешнее книги я не читал. В ней описывались приключения юного натуралиста, впервые оказавшегося в тропиках — а именно в Камеруне, — и занятого отловом диких животных для зоопарка. По жанру — нечто среднее между приключенческим романом и искрометной комедией. «Переполненный ковчег» — так называлась эта книга, издана она была в 1953 году, автора звали Джеральд Даррелл.

Книга задела меня за живое. Я, в то время честолюбивый телепродюсер, решил принять участие в экспедиции, которую Лондонский зоопарк направлял в Западную Африку. Даррелл ясно давал мне понять, что именно следует снимать, и я не мог дожидаться дня вылета. Однако, когда через полгода мы попали в те края, наши приключения оказались не столь забавными, как на борту «Переполненного ковчега». Позже я понял, что Джеральд Даррелл обладал не только даром незаурядного рассказчика, но и богатым воображением — такое сочетание позволяет автору увидеть смешное даже в таких ситуациях, когда всем остальным не до смеха.

Тем не менее снятый в Западной Африке телесериал получился достаточно интересным и имел успех. На следующий год я вместе с группой сотрудников Лондонского зоопарка отправился в новую экспедицию. Это была Южная Америка, точнее — та ее часть, которую мы знаем как Британскую Гвиану. Я с удивлением обнаружил, что Джеральд Даррелл опередил меня и на этот раз. Я ответил ему путешествиями в Индонезию и Но-

вую Гвинею. А в 1958 году судьба занесла меня в Парагвай, где я снимал очередной телефильм и отлавливал броненосцев и других небольших зверьков. Когда экспедиция подошла к концу, я отправился со своими животными в Буэнос-Айрес, откуда намеревался вылететь на родину. В столице Аргентины встретил знакомого, который рассказал, что сюда недавно приехал другой английский естествоиспытатель и привез с севера Патагонии целую коллекцию животных. Я разыскал этого англичанина. Им оказался Джерри.

Пока он дождался парохода в Англию, его животные разместились в старом гараже. Было ему тогда слегка за тридцать, но длинные волосы и вечно падающая на глаза челка делали его лет на десять моложе. Остроумнее человека я не встречал. В память врезалась его широкая ослепительная улыбка. Нам было о чем поговорить: как добавками компоста в пищу и молоко лечить понос у броненосцев, в какую клетку лучше всего поместить муравьеда, чтобы он не стер шерсть со своего шикарного хвоста, и как удивительно, что излюбленная пища гривистого волка, этого самого экзотического представителя семейства собачьих, вовсе не мясо, а бананы!

Догорал вечер, мы переключились с пива на дешевое южноамериканское бренди — Джерри становился все более и более словоохотливым и без умолку болтал о своих планах. Студентом он подрабатывал смотрителем в Уипснейде (филиал Лондонского зоопарка в графстве Бердфорда-

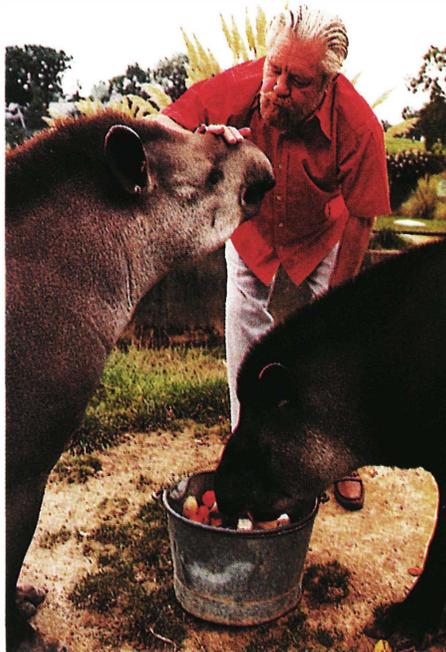
шир, — Прим. пер.) — полувольное содержание животных в этом зоопарке он называл не иначе, как скотоводством. Клетки и вольеры, которые он обслуживал, были сконструированы так, чтобы в первую очередь публика могла видеть зверей во всей их красе, тогда как последним требовались элементарные удобства. Животные в зоопарках, по его мнению, были «не те». Большие экзотические львы, тигры, носороги и бегемоты совсем не обязательно привлекают зрителей, считал Даррелл. Если должным образом показать мартышек и бабочек, броненосцев и скорпионов, даже колонию термитов, — это вызовет у посетителей не меньший интерес. Более того, для этого надо меньше места, а содержание крох дело не столь накладное.

Но самые страшные проклятия он обрушивал на зоопарки, где ничего не предпринималось для разведения животных в неволе. Случалось, что служители даже не удосуживались разместить их парами. Когда одна особь погибала, администрация просто снаряжала зверолова для поимки замены. В конце концов, данный вид далек от вымирания, сколько надо, столько и отловим, — рассуждали эти чиновники. Джерри намеревался полностью изменить положение дел. Животных, которые содержались в гараже, он ни при каких обстоятельствах не собирался отдавать в бесчувственные руки. Даррелл решил основать собственный зоопарк.

Я подумал вначале, что он спятил: надо быть миллионером, чтобы потя-

нута такое. Но Джерри не знал, что такое страх. А его первая книга — «Переполненный ковчег» — уже доказала: автор способен создавать бестселлеры. Джерри напишет еще, и еще, и потратит гонорары на финансирование зоопарка.

После той первой встречи мы некоторое время не виделись. Я продолжал снимать фильмы, но по мере того, как Лондонский зоопарк самоустранялся от проекта по отлову животных, мои киноленты становились все более и более прямолинейными и в конце концов стали просто документальными картинами по естественной истории. Джерри же полностью ушел в идею собственного зоопарка — он пытался заложить его в Борнмуте, но наткнулся на сопротивление местных властей. Потом, в Джерси, он купил тухлый феодальный замок и там разместил свой зверинец. Даррелл выступал в роли телеведущего, сни-

который озаглавил «Филе из камбалы» (по-английски первые слова названий рифмуются, вторые одинаково звучат. — (Прим. пер.). «Лоуренс пишет, чтобы войти в историю, — говорил Даррелл, — а мне просто нужны наличные». И на этом поприще он преуспел: год за годом Джерри издавал свои книги — сегодня их тридцать семь, — и с каждым годом рос и расширялся его зоопарк в Джерси.

Верный своим принципам, он специализировался на мелких животных и не уставал повторять, что все его подопечные должны давать потомство. Для этого Даррелл делал все возможное и невозможное. И дело не только в том, что посетителю интереснее наблюдать за семьей животных, нежели за отдельной особью: размножение в неволе свидетельствует также о том, что животные здоровы, ухожены и ни в чем не нуждаются. И конечно же, новое потомство — до-

КОВЧЕГ

Дэвид ЭТТЕНБОРО,
английский зоолог

мал телепрограммы о своих поездках в Австралию, Малайзию и о еще одной экспедиции в Западную Африку, но теперь он уже был одержим зоопарком в Джерси.

И он действительно написал еще несколько бестселлеров. В книге «Моя семья и другие звери» Джерри рассказал, как он впервые познал восторг общения с живой природой, — это произошло в тридцатые годы, когда он и его семья жили на острове Корфу. Даррелл нарисовал живые и

веселые портреты сверхтерпимой матери, вечно с кем-то флиртующей сестры и старшего брата Лоуренса — последний стал известным писателем, сегодня особой популярностью пользуется его тетралогия «Александрский квартет». Соперничая как писатели, братья с удовольствием подковыривали друг друга. Когда Лоуренс издал сборник в высшей степени поэтических эссе «Дух места», Джерри в ответ опубликовал сборник вполне реалистических рассказов,

полнительная страховка рода от вымирания.

В зоопарке Даррелл работал много. Он сам делал клетки, чистил их, кормил и играл с животными. Джерри постоянно думал, что можно еще сделать для своих питомцев, чтобы их жизнь в зоопарке была счастливой.

У Даррелла был талант находить последователей. Вокруг него собирались товарищи по работе, и он буквально заражал их своим энтузиазмом. По мере того, как разрастался зоопарк, его сотрудники все более усложняли исследовательские программы; они также развили и дополнили принципы, заложенные Джерри. Многие из коллег Даррелла и сегодня по-прежнему работают в его зоопарке. Он умел очаровывать миллионеров и членов королевской семьи — сотни тысяч посетителей не смогли устоять перед обаянием Джерри, и их денюжкам тоже нашлось место в фонде зоопарка.

В шестидесятые годы начался упадок зоопарков. На планету посыпались экологические бедствия. Слово «консервация» стало лозунгом эпохи, и нашлось немало пессимистов, утверждавших, что в сложившейся ситуации хорошего зоопарка быть просто не может. Ни при каких обстоятельствах животных не следует содержать в неволе, провозглашали они. Размножение в таких условиях успеха не имеет и потому не может быть решением проблемы консервации видов.

Однако Джерри твердо стоял на своем. Он уже успел убедиться в действен-

ности своих методов и одним из первых заявил, что зоопарки могут стать уникальным гарантом спасения животных от вымирания. Но именно Даррелл настаивал на том, что зоопарк не имеет права на существование, если он не предпринимает самых серьезных мер по размножению содержащихся в нем зверей. Если же такие меры обеспечиваются, за судьбу зверей можно не волноваться. Даррелл считал, что программы по размножению животных в неволе рано или поздно дадут свои результаты и представителей того или иного вида можно будет отпускать на волю в тех регионах, где были отловлены их родители.

И Даррелл доказал это. Год за годом ширился список животных, до того стоявших на грани вымирания, а ныне прошедших «курс размножения» в Джерси и выпущенных на свободу. В 1987 году очень редкие и экзотические обезьянки — золотистые львиные игрунки — переехали из зоопарка Даррелла на историческую родину в джунгли Восточной Бразилии.

Они стали первыми приматами, прошедшими программу размножения в неволе и давшими потомство на свободе. Когда первых розовых голубей с острова Маврикий доставили в Джерси, их популяция не превышала двадцати особей. К ним была применена программа Джеральда — и сегодня над Национальным парком Маврикия «Черная река» режут воздух уже 95 розовых голубей. Лягушка корро-

бори из Австралии, лучистая черепаха с Мадагаскара, мексиканский кролик — все они размножились в Джерси, все они — часть программы консервации, начатой в этом зоопарке.

Но Джерри этого было мало — он учредил при зоопарке международный учебный центр, куда стекаются со всего мира люди, желающие изучить методику Джеральда Даррелла. Вернувшись на родину, новоиспеченные специалисты смогут применить полученные знания для спасения животных, которым угрожает вымирание. С каждым годом таких специалистов становится все больше и больше, их называют «Армией Даррелла».

Столь явные достижения свели на нет критику зоопарка в Джерси. Сегодня это всемирно известный бастион в борьбе за сохранение животных на нашей планете.

Юный идеалист, с которым я познакомился в Буэнос-Айресе сорок лет назад, очень сильно изменился. Волосы его побелели, тонкие черты лица скрыла окладистая борода, фигура приобрела осанность. После артрита Джерри заменили тазобедренные суставы, и он уже не мог, как прежде, гоняться за обезьянами и белками. Теперь мой друг не расставался с палочкой и, как я подозреваю, умышленно «работал» под библейского старца, получая от этой игры неслыханное удовольствие. Его первый брак оказался неудачным, и Джерри решил-

ся на вторую попытку: в 1979 году он женился на Ли Макджордж — эта «зооогиния» из штата Теннесси полностью разделяла его взгляды и стала верной помощницей по ведению дел зоопарка. Они совместно написали книгу «Натуралист-любитель» — на сегодня самое лучшее пособие для молодых людей, желающих самостоятельно изучать живую природу. Ценно и то, что авторы ведут рассказ, вспоминая эпизоды из собственной юности, это придает книге особое очарование. Но самое главное осталось в Джерри неизменным: его одержимое чувство юмора и вечная обеспокоенность судьбой животного мира.

В январе этого года он умер, проиграв поединок с давно мучившей его болезнью. Мемориал Джеральда Даррелла — розовые голуби и экзотические черепахи, редкие виды лягушек и лемунов. Их больше не было бы на нашей Земле, если бы не он и его работа. Дух Джерри живет в новых зоопарках и зоопарках старых — всюду, где принята его программа консервации. Он живет в воспоминаниях целого поколения тех, кто, вволю насмеявшись, прочитал «Переполненный ковчег», а потом стал ревностным сторонником его идеи. И будет жить в следующих поколениях. Мир в неоплатном долгу перед ним.

Перевел с английского
С. КАСТАЛЬСКИ